

4

2017

РОССИЯ XXI

4. 2017 июль-август

Теория и практика политических игр

Сергей Федорченко

К истории развития политических технологий
в России _____ **6**

Геоглобалистика

Олег Александров

Российский подход к освоению Арктики:
история и геополитика _____ **34**

Страницы истории

Артем Фаизов

Организационная структура Сената
в 1730–1741 гг. _____ **56**

Нина Хайлова

«Лучшее средство избежать революции —
это ее совершить»: по страницам дневника
князя В.М.Голицина _____ **82**

Геннадий Костырченко

Брежнев и еврейский вопрос _____ **102**

Европейские параллели

Андрей Келлер

Терминология российского городского
ремесла XVIII–XIX веков
(окончание) _____ **126**

Актуальный архив

Николай Митрофанов

Гибель
Духонина _____ **140**

*Оксана Киянская,
Давид Фельдман*

«Вся моя сознательная жизнь
принадлежала Партии и Родине»:
письмо журналиста А.Н.Гарри
И.В.Сталину _____ **156**

Альберт Ненароков

«Сибирские марксисты»
об экзамене революцией 1905 года
(окончание) _____ **164**

РОСССЯ ХХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского
Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол
в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН,
преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского государственного
областного университета, главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ, ведущий
научный сотрудник Института научной информации по общественным
наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований,
Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского
государственного лингвистического университета, директор Института
международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

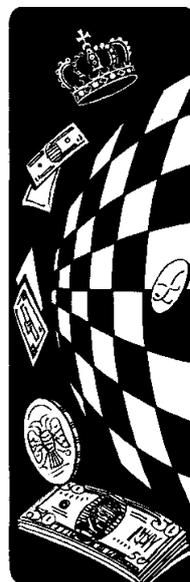
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

**Политика подобна сфинксу из сказки:
она пожирает всех, кто не может
разгадать ее загадок.**

Антуан Ривароль

Уметь приказывать и уметь повиноваться –
два полюса, а чтобы построить шар,
два полюса и нужны.

Ромен Роллан

Сергей Федорченко

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

УДК
930.1
94(47)

В статье предпринимается попытка периодизации истории отечественных политических технологий. Согласно авторской гипотезе, формирование отечественных политических технологий всецело зависело от двух исторических условий: культурно-ценностной специфики России и развития в ней новых видов и элементов коммуникации. В качестве методологии используется аксиологическое наследие Грамши, выделявшего такой инструмент власти, как гегемония, осуществляемая через контроль интеллигентами в обществе культурного дискурса и политической повестки. Автор приходит к выводу, что все виды российских политических технологий должны композиционно встраиваться в целостную государственную стратегию патриотического воспитания, так как это, в свою очередь, не только ценностно консолидирует общество, но и определяет уровень устойчивости и централизации самого государства. Между тем это будет нереально выполнить, если, к примеру, лишь гиперболизировать дореволюционный исторический опыт и одновременно отказываться от советского кейса патриотической консолидации общества.

The article attempts to periodize the history of domestic political technologies. According to the author's hypothesis, the formation of domestic political technologies depended entirely on two historical conditions—the cultural-value specificity of Russia and the development in it of new types and elements of communication. The methodology uses the axiological heritage of Gramsci, which singled out such an instrument of power as hegemony, exercised through the control of cultural discourse and political agenda by intellectuals. The author comes to the conclusion that all types of Russian political technologies should be integrated in a composite state strategy of patriotic education, since this, in turn, not only consolidates the society valuefully, but also determines the level of stability and centralization of the state itself. But it will be unrealistic to fulfill, if, for example, only to hyperbolize pre-revolutionary historical experience and at the same time to abandon the Soviet experience of patriotic consolidation of society.

Ключевые слова: Россия; политические технологии; премодерн; гегемония; модерн; аксиология; постмодерн; ценности.

Key words: Russia; political technologies; pre-modern; hegemony; modernity; axiology; post-modern, values.

E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Политические технологии – это приемы по управлению общественным мнением, служащие конкретным властным задачам. За всю свою историю Россия прошла определенные этапы становления и развития политических технологий. В чем-то они были универсальны, имея много общего с зарубежными аналогами, но в некоторых случаях наблюдалась специфика, обусловленная культурно-цивилизационным колоритом, а также особенностями политического и социально-экономического развития нашей страны. Автор придерживается позиции, согласно которой политические технологии априори не несут в себе какого-либо отрицательного значения и являются лишь средством достижения или сохранения власти. Во-первых, они могут действительно служить деструктивным целям (усиление противоречий, провокация конфликтов, войн, «цветных революций», разрушение целых обществ и государств), но, во-вторых, ничто не мешает использовать их же как инструмент созидания (патриотическая консолидация общества, преодоление межконфессиональных и межэтнических противоречий, легитимация элиты, возрождение государственных институтов, эффективизация государственной политики).

Проблема методологии

Так как настоящая работа нацелена на попытку периодизации исторических этапов эволюции отечественных политических технологий, требуется выбрать научную методологию для объективного изучения проблемы. Спорные мнения по этому поводу можно очень условно разделить на две группы: идеологически-теоретические и технологически-практические. К первой группе относятся работы советских, постсоветских и зарубежных ученых, в трудах которых политическая пропаганда больше связывается с идеологической легитимацией власти классов, сословий, страт и элит через сферы искусства, науки, средств массовой информации. Тогда как сугубо прикладные нюансы политической манипуляции, относящиеся к специфике приемов PR, имиджмейкинга и маркетинга и не обязательно апеллирующие к идейному фону, составляют вторую группу исследований. Но изучать политические технологии только в таком дихотомийном позиционировании все равно, что анализировать стратегию в жестком отрыве от тактики, гораздо эффективней сочетать оба подхода. В качестве рабочей методологии предлагается аксиологический подход, во-первых, учитывающий важное значение ценностей в формировании массового

сознания, политических институтов, легитимности власти и рекрутировании политической элиты и, во-вторых, исходящий из трансформации видов политической коммуникации и типов политических технологий.

Еще в своей книге «Понимание Медиа: внешние расширения человека» Маршалл Маклюэн предпринял смелую попытку рассмотреть становление видов коммуникаций, учтя как технологическое, так и культурное поле. Канадский исследователь, уделяя отдельное внимание историческому развитию коммуникационных средств, предлагал их классифицировать на «горячие» (фонетический алфавит, книгопечатание, радио, кино) и «холодные» (идеографическое и иерографическое письмо, рукопись, речь, телефон, телевидение, комикс). Первые, согласно его гипотезе, характеризуются высоким наполнением данными и низкой степенью участия аудитории в осмыслении, изменении и обсуждении информации, а вторые, наоборот, – низкой наполненностью данными и высоким уровнем вовлеченности аудитории. Между тем появление Интернета с такими разновидностями коммуникации, как социальные сети, блоги, видеохостинги, форумы, мобильные мессенджеры и приложения вносит в классификацию Маклюэна серьезные коррективы. Эти так называемые «новые медиа» не только гибридируют текстовой, аудио- и видеоконтент, но и могут гибко совмещать самые различные уровни вовлеченности аудитории в коммуникационный процесс. Заставляет критично отнестись к модели Маклюэна и то, что он оказался во власти идеологических штампов и стереотипов эпохи «холодной войны», развивая идею превосходства «горячей культуры» (стран, рано освоивших письменность) над «холодной культурой» [23, с.260–390] (по его мнению, стран с низкой грамотностью, не принимающих такие «горячие» медиа, как кино или радио, в качестве развлечения). Ангажированность и необъективность подобного подхода хорошо понятна на примере отнесения России наряду с африканскими странами к этой самой «холодной культуре» и довольно жесткого ее противопоставления Западу. К примеру, Маклюэн уверяет, что русские и африканцы якобы не могут воспринимать как нечто единое объект и производимый им звук в экранном произведении. Как видно, данный подход нуждается в решительном переосмыслении. Так что же взять в качестве смысловой матрицы связки ценностного и коммуникационного для аксиологической методологии анализа политических технологий?

Уместно обратиться к наследию Антонио Грамши, который выделял такой инструмент власти, как гегемония, осуществляющаяся через контроль интеллектуалами культурного дискурса [12, с.30–31,391], а зна-

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

чит, и политической повестки. Обретение культурной гегемонии позволяет власти достичь согласия с населением, другими словами – поддерживать легитимность через воспроизводство конкретной мировоззренческой парадигмы и сохранение «культурного ядра», куда входят древнейшие архетипы, символы (о чем писали К.Юнг и Э.Кассирер), представления о добре и зле, справедливости и цивилизационных ценностях. Грамши расширяет научный аппарат, вводя понятия «традиционной» и «органической» интеллигенции [12, с.169–174], отводя первой функцию хранителей исторического сознания, а второй – роль оперативного исполнителя решений правящего слоя. Правда, беря во внимание процессный вектор истории политических технологий в России, нельзя забывать, что сам феномен интеллигенции появился сравнительно поздно, поэтому разумно говорить именно об «интеллектуалах», осознающих свою важную миссию посредника между властью и обществом (древнерусские летописцы и книжники, дореволюционные политические мыслители, советские политические философы и пропагандисты, постсоветские политтехнологи и консультанты).

Аксиологическому измерению политических технологий не противоречит выделение категориального аппарата мировоззренческих парадигм преמודерна, модерна и постмодерна. Для человека преמודерна познание существующего порядка вещей идет через архаичные устои, табу, религию, традиционное, ему важна информация о сакральном происхождении власти, ее трансцендентном, идеократическом образе. Тогдашние коммуникации определяли и характер первых отечественных политических технологий, пользующихся разнообразными жанрами, такими, как устная традиция, былины, сказания, частушки, слухи, летописи. Модерн, соотносимый с периодом Нового времени, предлагает для человека научный инструментарий в рационалистическом познании окружающего мира. Это не только эпоха секуляризации, появления национальных государств, возникновения и развития политических идеологий и партий, но и время распространения новых элементов коммуникации: книг, газет, журналов, радио и телевидения, которые серьезно расширили возможности для праксиса политических технологий. Перри Андерсон, британо-американский историк и политолог, метко определял под модерном эклектику из атавизмов полуиндустриального общества, значимых технологических изобретений и надежд на прогрессивную политическую модернизацию [1, с.104]. Тогда как в постмодерне подвергаются критике уже такие системные устои модерна, как идеология, государство и власть (два последних феномена дошли

еще из премодерна). Коммуникационной ареной (кроме радио и телевидения) становятся сотовые телефоны, Интернет и порожденные им новые медиа: форумы, видеохостинги, блогосфера, социальные сети и мессенджеры.

Важно подчеркнуть, что выделение «чистых» типов мировоззренческих парадигм – дело рискованное, логично предположить, что даже в современных обществах можно наблюдать эффект их наложения, когда традиционные ценности вполне уживаются с технологическим прогрессом и трендами постмодерна. Подобный феномен говорит не об отсталости таких социумов, а скорее, о сложности их развития. Не случайно, обращаясь к ценностям России, русский политический мыслитель П.И.Новгородцев отмечал такую ее глубокую культурную матрицу, как православная убежденность в общей нравственной ответственности каждого за всех и всех за каждого [27, с.407–409], четко отличая эту черту от протестантской этики индивидуальной ответственности и личного спасения, а также от католической традиции ориентации на авторитет церкви, приемлющей на себя миссию спасения. Отчасти эту мысль можно соотнести с полемичной работой Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Аксиологический анализ Новгородцева недавно полностью подтвердили эмпирические исследования американского социолога и политолога Рональда Инглхарта [11, с.97–100], относящего Россию скорее к коллективистским ценностям выживания, безопасности, чем к постматериальным ценностям демократии западного образца. На основании краткого обращения к проблемам аксиологии политтехнологий можно сформулировать авторскую гипотезу: формирование отечественных политических технологий всецело зависело от двух исторических условий – культурно-ценностной специфики России и развития в ней новых видов коммуникации.

Русский премодерн

Эпоха премодерна соотносится с периодом существования Древнерусского государства, феодальной раздробленности, образованием Русского централизованного государства и весьма примерно доходит до Нового времени, хотя это, конечно, вовсе не отменяет специфику отечественного исторического процесса. Прежде всего важно понять, какие исторические условия обусловили зарождение первых отечественных политических технологий. И так как трансформация отечественных политических технологий зависела от

уровня устойчивости и централизации государства, условно поделим эти исторические предпосылки на консолидирующие и деструктивные (дезорганизационные). Архаичные виды политических технологий древнерусского периода существовали в формате таких элементов коммуникационной сферы, как устное народное творчество, мифы, сказания, былины, легенды, исторические предания, летописи, повести, и были связаны с традиционными пластами древнерусской культуры и религии. Все они несли не только воспитательную миссию, но и содержали определенный политический код. Транслятором властных смыслов и образов также были архитектура, иконопись, другие виды искусства, а также древнерусская монета, печати. Изначальные политические технологии (формирование сакральных матриц, героического пантеона и образа врага) очень примерно можно увязать с наиболее древним мифом о Мировом древе [36, с.14–56], в котором рассказывается о связи трех миров: божественного, человеческого и подземного.

Возникновение архаичных политических манипуляций связано с формированием на Руси института княжеской власти, что уже локализуется в былине о князе Волхве Всеславьевиче – предводителе дружины, обладающем с рождения признаками волшебной власти [36, с.124]. Консолидирующая миссия княжеского института хорошо прослеживается на примере появления такой политической технологии, как *сакральная матрица* (наделение исторических событий священными, позитивными свойствами, сакрализация власти с использованием архетипа добра, света), применяемой, выражаясь терминологией Грамши, уже тогдашними интеллектуалами (работающими на власть) – летописцами и книжниками Руси. Рассуждая о категории цивилизационной матрицы, О.Э.Бессонова справедливо пишет, что генезис отечественного институционального ядра исходил из той доминирующей стороны архетипа, которая эффективно учитывала все реальные исторические среды, где складывалась наша страна (политико-культурная, природно-климатическая, национально-демографическая, материально-технологическая и культурно-религиозная) [5, с.131]. Это симфонично с идеями Н.А.Бердяева и концептом А.Тойнби «вызов-ответ», который показал, что только народ, ответивший на вызовы природы, создает цивилизацию. В киевских летописных сводах 1072–73 гг. и 1095 г. (так называемый «Временник») начало русской политической истории не просто связывалось с основанием Киева. Этот факт приравнивался летописцем к основанию Рима, Александрии и Антиохии, а князь Кий сопоставлялся с царем Ромулом, Александром Македонским и Селевком, что было важно для легитимации государства через включение в между-

народную арену. Илларион в «Слове о законе и благодати» вообще сравнивает князя Владимира Святославовича с апостолами [29, с.772–773]. Древнерусский книжник сущностью княжеской власти провозглашает божественную волю, а князя – «наследником» небесного царства, который должен «единодержец быв земли своея». При этом Илларион уточняет, что эта власть не произвольна, а основана на законе, христианской морали, обеспечении безопасности, хорошем и ответственном управлении, «крепка мужеством и смыслом» [17, с.16]. Сложилась даже целая традиция сакрализации власти: тема единодержавного, мудрого, ответственного правителя-миротворца встречается в «Поучении» Мономаха и сочинениях Даниила Заточника. Публицистика последнего, а также труды Максима Грека апеллируют к терминологии царской «грозы», направленной на восстановление нарушенной справедливости [17, с.27,107]. Божественное происхождение власти есть у Иосифа Волоцкого, развивается в концепции Филофея «Москва – третий Рим», в политической мысли Ивана IV Грозного и в трактатах других средневековых авторов.

Образ власти через древнерусскую фресковую живопись. Князь Ярослав преподносит модель церкви Иисусу Христу. Копия (фрагмент). Церковь Спаса на Нередице.

Сакральную матрицу и ее политико-воспитательный смысл легче было донести широким слоям населения не через текст, а через визуальный образ (иконопись, фресковую живопись). Отдельные авторы отмечают складывание на Руси, как и в Византии, императорского искусства, когда правитель изображался рядом с богом (тот же князь Ярослав на Нередицкой фреске показан преподносящим модель церкви Иисусу Христу) [39, с.41–73]. Пурпурный цвет (одеяний) в изображении правителя через иконопись мог означать божественное и императорское достоинство, золотой (венцы, короны) олицетворял возвышенное и святость, красный – напоминал о земной природе власти, мученичестве, а белый и черный обращали человека к архетипам добра и зла, тогда как серый цвет не использовался, как недопустимость пустоты и неясности [19, с.51–57].

Другим порождением государственной консолидации стало появление политической технологии *героического пантеона* (конструирование образов именно как положительных примеров на основе архетипов добра). Не случайно героический эпос постоянно обращается к теме единства Русского мира и его богатырей-защитников. В качестве примера можно назвать былины «Святогор и Микула Селянинович», «Святогор и Илья Муромец» (воспитательный пример героя-защитника Руси), «Застава богатырская», «Мамаево побоище» (образ единства Руси через собирание богатырей) [7, с.35,162]. Героический образ святого Георгия Победоносца сопутствует многовековому развитию русской государственности [39, с.20–89], доходя до широких слоев населения через иконопись, первые княжеские печати (с XI в.), монеты, государственные и городские гербы, государственную печать XV в. (политические процессы нашли отражение и в метаморфозах восприятия этого образа: сначала Георгий-воин считался патроном князей, затем он проник в народную среду, наконец, ему снова были приданы черты исключительности, утонченности). Героический пантеон воспроизводился писцами-монахами и в житиях (к примеру, «Житие Александра Невского» из Второй псковской летописи). Жития задавали определенные моральные и идеологические ориентиры для будущих поколений. Патриотические сюжеты есть не только в таких сказаниях, как «Евпатий Коловрат», но и в повести о Меркурии Смоленском, сложившейся на основе преданий XIII в., бытовавшей столетиями через устную традицию и включившей образ общенационального героя до XVI в. Воспитательный сюжет спасения страны и христианской веры можно найти даже в повести о купце Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле. Повесть поль-

зовалась широкой популярностью у населения, активно развивалась и, видоизменяясь в устном народном творчестве вплоть до XVIII в., проникла в народный лубок [28, с.178–180]. Как видно, техники патриотической консолидации учитывали историческое развитие русского средневекового общества, в котором со временем возрастало значение других сословий.

Третьим типом архаичных политических технологий стал так называемый *образ врага* (представление противоположной стороны в негативном виде на основе древнего архетипа зла). Следует отметить, что данный прием возник по разным причинам. Во-первых, источником такого рода воздействий на общественное мнение была тенденция централизации государства. В этом случае конструируемая (или возрождаемая) державная идентичность исходила из своего противопоставления внутреннему политическому конкуренту либо внешней угрозе. Нестор в «Повести временных лет» выделял центр Древнерусского государства – племенной союз полян, которые «обычай имуть кротокъ и тихъ», в то же время описывая соседних древлян как «живяху звѣринскимъ образомъ, жияуще скотьски» [32, с.14–15]. Образ скрытого, внутреннего врага усматривается в сохранившейся былине «С каких пор перевелись витязи на Святой Руси», где грех творят сами богатыри, кощунствующие, кичащиеся своей непобедимостью, бросая вызов силе небесной [7, с.309–315]. Кстати, в качестве внутреннего врага христианской Руси позже обозначилось язычество, что видно, к примеру, в таких былинах, как «Добрыня и Змей» (здесь богатырь побивает своего антагониста христианским символом – «колпаком земли Греческой»), «Илья Муромец в изгнании и Идолище» («Я ведь выжгу Киев-град, божьи церквы...») [7, с.49,150]. Есть и гибридные образы внешнего и внутреннего врага (например, в былине «Алеша Попович и Тугарин» в качестве такого противника видятся половцы, одновременно являющиеся язычниками) [7, с.210–215]. Но наиболее яркими, конечно, выступают именно образы внешнего, зарубежного врага. Г.Г.Литаврин отмечает, что русские часто неслучайно употребляли понятия «греки», «греческий цесарь», «Греческое царство» в отношении византийцев, а не официальные термины «римляне», «ромей». Согласно его предположению, несмотря на тесную связь с Византией через христианские ценности, противоречия с империей у древнерусской элиты все же сохранялись, поэтому ей сначала (до распространения парадигмы «Москва – третий Рим») отказывали в праве на цивилизационный престиж и наследие Рима [21, с.590–602]. Позже ордынский период и Смутное время закре-

пили новые стереотипы врагов в общественном сознании по причине конфликтов с ордынцами, поляками и шведами (например, исторические предания «Батей», «Батеева дорога», «Откуда гречиха», «Про Мамая безбожного», «Про панов», «Паны-утопленники», «Панское озеро», «Нападение панов на Кижы», «Шведский камень») [26, с.52–65, 98–103].

Во-вторых, формированию образа врага благоприятствовали сильные деструктивные (дезорганизационные) исторические процессы: ослабление государства, феодальная раздробленность, сепаратизм. Б.А.Рыбаков отмечает предвзятость новгородского летописца, низводившего основателя враждебного ему Киева до статуса простого перевозчика через реку: «его же (Кия) нарицають тако перевозника бывша...» [29, с.774]. Соперничество Муромца и Рязани в середине XII в. отразилось в былинах «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» [7, с.96–103]. Появляется эффект расщепления образа врага по причине феодальной раздробленности и усиления новых политических центров Руси.

Отечественный модерн

В научном дискурсе нет однозначного подхода по поводу начала периода модерна в России во многом из-за особенностей ее исторического развития, а также культурно-цивилизационной и социально-экономической специфики. Это отразилось в активном обсуждении теории множественности модернов (Ш.Эйзенштадт, В.Г.Федотова, С.Н.Гавров) [9, с.72–78]. Между тем можно выделить определенные модернистские процессы в отечественной истории, связанные с распространением новых элементов коммуникации: книг, газет, журналов. Намного позже – царских и советских плакатов, радио и телевидения, которые значительно расширили возможности для применения властью и ее оппонентами политических технологий.

Своеобразными творцами политических технологий долгое время (вплоть до XVIII в.) на Руси были книжники [34] (привилегированный интеллектуальный слой из духовенства), являвшиеся не только авторами летописных и житийных произведений, но и создателями ярких и понятных образов, символов и стереотипов для населения о власти и существующем социальном порядке. Их послания распространялись как в устной традиции (былинах, сказаниях), так и в визуальной культуре (иконопись, фрески, архитектура). Преемниками русских книжников в создании образов власти, а также образов ее врагов стали интеллектуа-

лы царского и имперского периода (сер. XVI – нач. XX вв.). Однако сами эти интеллектуалы не были однородной группой. О.В.Головашина обращает внимание на то, что, несмотря на проникновение в Россию со времен А.Радищева и Н.Новикова идей Просвещения и некоторое увлечение ими представителями дворянского сословия, эти ценности европейского модерна не получили достаточного распространения в обществе, в том числе и по причине резкого неприятия имперской элитой Французской революции [11, с.169–175]. Серьезное обсуждение просветительских проектов модерна возобладало в российском обществе лишь с середины XIX в.

Оперируя аксиологической методологией Грамши, важно подчеркнуть, что в ту эпоху произошел раскол российских интеллектуалов по принципу отношения к самой власти и модернизации страны на «охранителей» и «критиков». Каждая из этих групп пыталась захватить гегемонию в культурном дискурсе, воздействуя на общественное мнение. Любопытно, что общей чертой этих конкурирующих интеллектуальных группировок (в том числе и русских социалистов), одновременно ею же отличающихся от европейских просветителей, была риторика опоры на основу традиционного общества – крестьянство. Рационализм модерна у них парадоксальным образом сочетался с тягой к сохранению общинных, коллективистских ценностей, с неприятием индивидуализма. Вот почему отечественные политические технологии эпохи модерна также имеет смысл анализировать через трехзвенную модель сакральных матриц, героического пантеона и образа врага. Рассмотрим эту преемственность.

Несмотря на то, что веяния модерна в России возобладали несколько позже, важный сдвиг в отечественной политико-технологической сфере подготовил Петр I, при котором стали активно развиваться новые коммуникационные среды – книгопечатание, газеты, театр, искусство, а также оформились принципы целостной политической пропаганды. В отличие от позднее появившихся в России PR и политической рекламы, активизировавшаяся в петровскую эпоху политическая пропаганда воспроизводила двумерную картину мира (добро – зло), игнорировала обратную связь, блокировала иную точку зрения и была нацелена на распространение идей, ценностей, убеждение и переубеждение.

Сакральные матрицы включали христианскую аксиологию, появление императорской власти и пропаганду петровской идеи «общего блага» – воспитания способности подданных (крестьян, дворян, духовенства и горожан) служить государству. Ликвидация института патриаршества привела к тесному переплетению государственной и церков-

ной системы, Синодальный указ 1722 г. с устным повелением императора обязывал всех священников немедленно оповещать власти, если исповедовавшийся намеревался устроить «измену или бунт» [30, с. 271–279, 307–315]. В то же время указы царя обязывали всех ходить в церковь в воскресные и праздничные дни, регламентировали соответствующее поведение прихожан. К слову, самодержец называл законы «фортецией правды». С Петра I распространяется тема визуализации сакрализованного образа России в женском облике [35, с.90–113]. Отечественная традиция визуальной культуры этого образа прослеживается на медали «Народное ополчение» 1812 г., памятнике «Тысячелетие России» 1862 г., дореволюционных плакатах Первой мировой войны (варианты – «Родина-мать», «Россия-матушка»), возродившись в сталинской советской пропаганде с середины 1930-х гг. Традиционные ценности пропагандировались и через газеты (например, «Губернские ведомости»). «...Направление общего мнения о нынешних происшествиях, к настоящей цели...» являлось приоритетом для газеты «Русский инвалид», которая была структурирована на российские и зарубежные новости. В ней практиковались аналитические обзоры иностранной прессы, в передовицах прославлялось Отечество, муслировалась тема патриотизма [8, с.13–19].

Официальная имперская историография своеобразно развила петровские идеи. Консервативные интеллектуалы той поры (Н.М.Карамзин, С.Н.Глинка) подчеркивали традиционность таких российских ценностей, как семья (основа всего общественного порядка), значимую роль православия и церкви в общественно-политической жизни, а также сильную монархическую государственность, опирающуюся на законы [22, с.63–70]. Тем не менее тот же Карамзин не мог удержаться от критики таких царей, как Иван IV Грозный, и предписывал не вмешиваться самодержавной власти в сферу церковной жизни. Отсутствие целостной пропаганды сакральных матриц страны для широкого населения видно и в противоречивости «теории официальной народности», расходившейся со взглядами славянофилов. Формула С.С.Уварова основное место отводила монарху и самодержавию, тогда как славянофилы большее внимание уделяли именно православию, влияющему на общественное сознание [6, с.183–190]. Несколько лучше был организован мониторинг деструктивных политических технологий, нацеленных на такую сакральную матрицу, как образ императора. Политическая полиция противодействовала распространению тех идей, сведений, теорий, которые могли представлять опасность для существ-

вующего общественного порядка. Однако в антипропагандистской работе также не наблюдалось целостности: деятельности политической полиции мешали противоречия между различными государственными органами власти, занимавшимися проблемой экстремизма [33, с.101–111]. В итоге идеи Герцена и русских марксистов достигали российской аудитории, находя поддержку в некоторых ее слоях. Царские Осведомительное бюро и Отдел печати МИД по своим задачам были схожи с современными российскими пресс-службами, но на практике их работа была хорошо поставлена лишь в плане осведомления правительства, а не осведомления печати. Целостного политико-технологического воздействия на общественное мнение не смогло добиться и Временное правительство [15, с.130–135], так как при нем конкурировали Информационный отдел и Отдел печати при Политическом управлении.

Советские пропагандисты, сменившие имперских интеллектуалов, учли ошибки павшего царского режима и Временного правительства и стали делать упор на целостную доктрину, мировоззрение, четкие консолидирующие общество символы. Н.А.Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» подчеркивал, что большевики взяли от марксизма его мессианскую сторону, тогда как религиозные верования, на которых основывалась сакральная платформа монархии, уже до революции стали разлагаться. Вместо ослабевшего образа народа-крестьянства коммунисты в консолидирующем страну мифе о пролетариате по-новому восстановили миф о русском народе и его мессианстве [4, с.107–153]. По словам Бердяева, большевики осуществили в России не просто Третий Интернационал, на него перешли черты Третьего Рима – ортодоксальной идеи священного царства и русского мессианства. Фактически коммунистическая пропаганда советского государства поставила сложную задачу – создание идеального Царства Божия на Земле, для чего был разработан и символический код (появились свои коммунистические мессии, мученики, ритуалы и святыни). Были учтены и коллективистские, общинные ценности, распространенные в обществе [42, с. 31].

Героический пантеон также воспроизводился в имперскую и советскую эпохи в качестве политической технологии. Так, «надзрение» за первой типографией было передано петровскому сподвижнику Я.В.Брюсу, издавались царские и сенатские указы, победные реляции. Стала выпускаться рассчитанная на широкий круг читателей газета «Ведомости», где отражались достижения государства, военные действия и новости международных событий. Театр также являлся пропагандистским инструментом, которому поручалось прославление военных

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

побед русской армии (отныне театральные постановки стали рассчитываться на широкую аудиторию) [30, с.106–107]. Важно подчеркнуть, что царское правительство не препятствовало героизации образа первого российского императора в народной среде (об этом свидетельствуют дошедшие до нас сказки, где Петр I показан как умный, справедливый правитель, труженик, общающийся с простыми людьми, заботящийся о них: «Петр Первый на охоте», «Петр Первый на прогулке», «Петр Первый и матрос», «Петр Великий и кузнец» [38, с.92–102]). Сохранению героических образов в народном историческом сознании способствовала традиция преданий («О Петре Первом», «Конь Петра Великого», «Царь Петр и Суворов» (интересное переплетение разных героических образов), «Рождение Суворова», «Суворов и солдаты», «Кутузов и солдаты», «Кутузов – истинный почитатель Суворова», «Орел в стане русских») [26, с.155, 208, 244–256]. Определенную подпитку приему героизации придала Первая мировая война, что особенно видно на примерах развития дореволюционного военно-патриотического плаката.

Связь настоящего с прошлым. Советский плакат Ю.Иванова, И.Овасапова, Л.Ракова «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля»

Довольно примечательно, что советские пропагандисты и здесь сохраняли определенную преемственность. Ведущую роль, конечно, играла идеологическая работа коммунистической партии. Так, патриотически консолидирующие образы Александра Невского, Ивана Грозного, Минина и Пожарского, Петра I, Суворова, Ушакова, Кутузова, Нахимова были активно задействованы кинематографом эпохи Сталина, о чем свидетельствуют архивные данные [31]. Конструировался и собственный коммунистический героический пантеон. Мощная героизация, прежде всего, коснулась образа В.И.Ленина через кинематограф («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918», «Рассказы о Ленине», «Человек с ружьем», «На одной планете», «Синяя тетрадь», «Свет над Россией», «Штрихи к портрету Ленина», «Ленин в Париже») и политический плакат (например, культовые плакаты В.Иванова – «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», «Ленин – вождь», «Ленин – мыслитель», Н.Терещенко – «Верной дорогой идете, товарищи!», Д.Полуй – «В единстве – победа»). Героями становились не только ученые, деятели культуры (М.В.Ломоносов, И.П.Павлов, А.С.Попов, А.М.Горький), но и рабочие, крестьяне, революционеры, которым посвящались киноленты («Трактористы», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Чапаев», «Выборгская сторона», «Свинарка и пастух», «Председатель», «Кубанские казаки» и др.) и плакаты (особенно таких авторов, как В.Корецкий, Н.Бабин, О.Масляков, В.Рыбаков).

Грандиозный импульс качественному развитию советской пропаганды придала Великая Отечественная война. Причем подчеркивалась преемственность советского героизма и патриотизма не только с годами гражданской войны (плакаты Н.Терещенко), но и со временем Древней Руси (например, плакат Ю.Иванова, И.Овасапова, Л.Ракова «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля»). Космическая тема также стала органичным элементом героизации советского трудящегося (плакаты В.Сачкова, О.Маслякова, Г.Мамаева). Большие возможности для формирования советской идентичности открывал такой коммуникационный механизм, как телевидение, чего не было у царского правительства (здесь в политико-воспитательных целях до аудитории доносилась идея важности труда простого человека, значение его трудового подвига).

Но в послевоенной визуальной советской пропаганде, особенно в сфере плаката, наметились негативные тренды, насторожившие тогдашних специалистов. В.Герценберг отмечал потерю публицистичности и политической целенаправленности плаката в 1960-х гг. по причине неверного

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

использования иносказательных техник, чрезмерно зашифровывающих смысл политического послания и превращающих последнее в ребус, непонятный общественности [10, с.19–21]. И.А.Свиридова тоже анализирует серьезные проблемы плаката той поры, выделяя однотипность, иллюзорность (на что авторов нацеливали книготоргующие организации), активное превращение плаката в подделку под станковую живописную картину, исчезновение внутренней целостности образа, доведение до схемы переусложненной символики, утрату приемов гиперболы, образно-наглядного сравнения, метафоры, сопоставления, аллегии, символического обобщения [37, с.51, 116, 140]. Даже на выставках политический плакат растворялся в массе неполитических аналогов.

Все советские медиа централизованно контролировались Коммунистической партией и властью. Телевидение советского времени давало мощный коммуникационный канал для политической пропаганды, чего, конечно, не было у царского правительства. Нужно осознавать, что телевизионные программы, передачи формировали доверие населения к политическому режиму, информировали граждан о политике советского руководства, а также выполняли функцию влияния на местные власти, обеспечивая обратную связь между обществом и управленческим аппаратом. Партийные органы на местах старались направлять на телестудии опытных журналистов газет и радио для улучшения качества пропаганды коммунистических ценностей. Хотя некоторые эксперты [41, с.83–89] отмечают такие недостатки советского телевидения как не до конца преодоленную оторванность от жизни, не всегда доступную форму изложения.

Пример героизации профессии рабочего. Советский плакат В.Корецкого «24 съезду КПСС – наши трудовые победы!»

Образ врага можно проанализировать в качестве яркой политической технологии отечественного модерна. Петр I заботился о том, чтобы о военных победах извещалось и общество, и иностранные послы. Триумфальные парады в обеих столицах показывали не только славу русского оружия, но и поражение врага [30, с.146, 180]. Своеобразное эхо тогдашней политической повестки¹ можно увидеть в сохранившихся исторических преданиях. В них прослеживается картина спесивого, трусливого шведского короля («О войне Петра великого со шведами», «О встрече Петра Первого со шведами на Ладожском озере», «Рыжечка») [26, с.147–167]. В годы царствования Александра I по инициативе дерптских профессоров в русской армии создается специальный агитационный центр, где, к примеру, была выпущена пропагандистская листовка «Воззвание М.Б.Баркляя-де-Толли к немцам с призывом к восстанию против наполеоновского ига и вступлению их в немецкий легион». Газета «Россиянин», печатавшаяся в походных армейских типографиях, призывала к борьбе за свободу русского народа и национальную независимость [8, с.13–19]. Духовенству в период Отечественной войны 1812 года официально предписывалось внушать массам, что борьба с Францией – это дело защиты православной веры и ценностей. Имперские власти не пытались препятствовать распространению в народной среде образа врага из французов и англичан, чему свидетельствуют дошедшие до нас исторические предания («О Наполеоне», «Про англичан», «Про утонувший колокол») [26, с.257–263]. Исследователи порой отмечают, что агитационно-пропагандистская работа в Первую мировую войну была недостаточно целостной и велась слабо. Так, не увенчалось успехом создание Генеральным штабом и Ставкой телеграфных агентств «Нордзюд» в Стокгольме, Копенгагене и Бухаресте. Не успели создать и специальный комитет, который бы вел революционную пропаганду в Германии, Австрии и Болгарии. Официальная пропаганда не смогла сформировать четкий образ врага, сосредоточившись на разъяснении целей и характера войны, укреплении морального духа и предотвращении дезертирства. Много сил отнимала и антипропагандистская работа, направленная против социал-демократической антивоенной агитации [20, с.90–93]. Появившиеся партии и антиправительственные движе-

---

¹ Конечно, царская политическая пропаганда – только одна из причин появления образа врага из шведов и других народов, большую роль в этом, прежде всего, сыграла сама драма войны и лишения россиян.

ния расщепляют образ врага по причине политической конкуренции между собой и монархией.

Более целостный образ врага получилось разработать большевикам. Сначала это было царское правительство, потом белогвардейцы, Антанта, буржуазия, капитал. Решающий импульс развитию советской политической пропаганды дала Великая Отечественная война, когда позиционировался четкий враг в виде фашизма. С этого времени риторика классово-борьбы дополняется словарем онтологической борьбы добра и зла, где фашизм объявляется мировым злом. Во второй половине XX в., когда оформились военные блоки и геополитическое противостояние СССР и США, в роли потенциального противника усматривались уже не конкретные страны, а буржуазный Запад как некое ценностное и политическое целое [24, с.85]. Более того, послевоенная советская пропаганда стала уравнивать немецко-фашистских захватчиков с англо-американскими империалистами [2]. Советский плакат постоянно муссировал тему интернационального противостояния с Западом (Э.Арцруняна – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Колониализм обречен!», В.Корецкого – «Viva Cuba!», «Свободу узникам капитала!», «Сегодня НДП – завтра фашизм», Б.Ефимова – «Чилийской реакции – нет!», «Мир, безопасность, сотрудничество» – Кукрыниксы). Развивался и образ внутреннего врага (троцкисты, диссиденты и т.п.). Но задолго до «перестройки» в данной разновидности политических технологий произошли системные корректировки. Фашизм как образ врага был постепенно сведен к описанию исторической феноменологии ряда европейских стран первой половины прошлого века, советская гуманитаристика отступает от поиска больших смыслов [3, с.35]. «Перестройка» привела к существенной переориентации образа врага с внешнего – Запада – на внутреннего – советскую бюрократию, демагогию. При этом появилась идейно-насыщенная ассоциативность, связавшая в общественном сознании образ вредителя-чиновника с советским режимом как таковым. Что в итоге способствовало делегитимации коммунистической системы ценностей и советской политической системы. Вместе с тем специалисты фиксировали деградацию жанра советского плаката [37, с.126–153], где отсутствовала адресность, появлялась неоправданная многословность, композиционная перегруженность, тяга к орнаментализму, выхолащивание политических ценностей и смыслов. В итоге образ врага также размывался, терял четкость.

Российский постмодерн?

Постмодерн отвергает прежний рационалистический подход модерна, оставляя текстовую культуру с процессным, аналитическим, парадигмальным осмыслением и целостным

осознанием картины мира лишь у властной элиты, которая, в свою очередь, воспроизводит в массах преобладание визуальной культуры. Поток эмоционально перегруженных образов-клипов приводит к «мозаичной» картине мира и дает хорошие условия для бесконечной политической манипуляции. Подобный феномен Умберто Эко называл элементом «нового средневековья». Признаки постмодерна усматриваются в появлении компьютера и распространении Интернета, предоставившего для политических технологий коммуникационные возможности «новых медиа». Существенной стороной интернет-коммуникаций стал феномен гипертекста, который в отличие от классического текста содержит эксплицитные ссылки (можно обратиться к ней, а можно и проигнорировать). Отсутствие прежнего формата подачи информации означает возможность перейти из любой части текста в гипертекст, в ходе чего появляется особое психологическое состояние, виртуализация реальности, когда четкие границы между смыслами и текстами, виртуальным и реальным устраниваются [16, с.386–390]. Гипертекст разрушает детерминированность, процессность политического бытия и больше ориентирован не на символ, а на симулякр. По этой причине ключом к пониманию политических технологий постмодерна является клиповое сознание и клиповое мышление. Клип – это часть политической реальности, дискурса, не отсылающая ни к целому, ни к другой части, ни к другому клипу в отличие от символа [14, с.169–176]. Он избавляет фрагментированное сознание от необходимости обобщать. Клип отсылает сам к себе. Другими словами, клиповое сознание рождает разрыв между несвязанными образами, концептуальной схемой, прежними парадигмальными смыслами и общей картиной мировосприятия.

Сакральные матрицы окончательно утрачивают свою целостность в начале 1990-х гг. Этому способствовали фундаментальные преобразования в российском обществе: радикальное изменение экономической основы страны (возрождение института частной собственности, появление крупного капитала как влиятельного политического актора); идеологическая перезагрузка (отказ от коммунистической идеологии с последующей заменой идейной повестки на политическую мифологию – эклектичный коктейль из либерального дискурса и эпизодической пат-

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

риотической риторики); зарождение института политических консультантов (работающих как на государство, так и на разные политические партии, зарубежных и транснациональных интересантов). Несмотря на очевидную разницу дореволюционных интеллектуалов, поздних советских пропагандистов и российских политтехнологов, есть одно их принципиальное сходство. Наблюдается аналогичная внутренняя дифференциация интеллектуального сообщества [40, с.92–93], предполагающая наличие группы, работающей на российскую власть, а также группы, примкнувшей к оппозиции, в том числе и радикальной, антиправительственной.

Очки виртуальной реальности. Новые горизонты для политических технологий

Поляризация политико-консалтингового сообщества способствует появлению альтернативных идейных ориентиров, различных аксиологических картин для народа. Конечно, провластные политтехнологи с начала 2000-х гг. начинают ориентировать общество на патриотическую консолидацию, хотя это сложно назвать целостным проектом, т.к. он включает риторику традиционных ценностей России, православия, гиперболизацию дореволюционного опыта общественного развития, часто игнорируя советский опыт патриотического сплочения. Например, в дискурсе власти, риторике партии «Единой России» возрождается традиция «Родины-матери», визуализации сакрализованного образа России в женском облике. Можно говорить и о трансформации кремлевскими политтехнологами и спичрайтерами дискурса самой власти: если президент Б.Н.Ельцин обращался к авторитету Солженицына как антисоветчика, а президент Д.А.Медведев делал отсылки к либералам Чичерину и

Леонтьеву, то в посланиях президента В.В.Путина уже цитировались Карамзин, Менделеев, Ильин, Гумилев и Бердяев, известные своим осмыслением традиционных ценностей. В то же время очевидна деятельность слоя политтехнологов, работающих на радикальную оппозицию, чей проект так же нецелостен и представляет политическую мифологию из популизма демократических ценностей, антикоррупционного дискурса и опыта западной модернизации с отдельными отсылками к гражданскому патриотизму. Кстати, оппозиционеры также обращаются к образу «Родины-матери» [35, с.107] (можно привести в пример плакат сторонников А.Навального «Родина-мать зовет! Голосуй против партии воров-чиновников и жуликов»).

Большие проблемы наметились и с отечественным *героическим пантеоном*. Хорошие примеры, конечно, есть. Достаточно вспомнить о популярных у россиян акциях «Бессмертный полк», зародившихся в обществе и подхваченных властью в ее патриотическом дискурсе. Правда, несмотря на подобные проекты, героический пантеон, как и коммунистические сакральные матрицы, стал давно разрушаться. Не в меньшей мере этому способствовало и то, что формирующийся институт российских политических консультантов в политической борьбе использовал маркетинговые практики, фактически уравнивающие политику и бизнес, политический и финансовый капитал и вводящие терминологию политического продавца (политтехнологи), политического товара (имидж, бренд, партии) и политического потребителя (граждане). Если следовать методологии Грамши, то напрашивается вывод, что политические консультанты (политтехнологи) – это своеобразные преемники советских пропагандистов и в некоторой степени дореволюционных интеллектуалов, но до определенной меры. Принципиальная разница между ними кроется не только в палитре идейного и социально-экономического поля, но и в политико-технологическом инструментарии. В дореволюционное и советское время, в основном, использовались классические принципы политической пропаганды, воспроизводящей двумерную картину мира (добро – зло) и нацеленной на распространение идей, ценностей, убеждение и переубеждение. Постмодернистские процессы, активно затронувшие Россию в 1980–2000 гг., предлагали использовать мягкие приемы политического PR, ориентированного на формирование доверия к государству, партиям и другим политическим акторам, и политической рекламы, имеющей задачей провоцировать интерес к политическим месседжам (тизерные, плизер-

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

ные техники), побуждать участвовать в политическом процессе, голосовать за конкретного кандидата.

Перечисленные приемы политических технологий в своем итоге создают многомерную картину мира в отличие от ранее практиковавшейся пропаганды. Однако они же одновременно делают героический пантеон и сакральные матрицы нечеткими, расплывают большие политические смыслы, фрагментируют идеологии. Прежние герои, являвшиеся примером патриотизма, гражданственности, альтруизма и человечности для советской молодежи, потеряли свое четкое очертание для молодежи российской. Их место стали занимать блогеры, музыканты, медийные личности из шоу-бизнеса, писатели и так называемые несистемные политики (от умеренных до экстремистов), обретающие популярность через интернет-коммуникации. В кинематографе даже стали появляться элементы героизации преступного мира. Отсутствие у государства четкого и понятного обществу ценностного, идейного месседжа делает все попытки возрождения героических ориентиров для населения тщетными, не работающими на формирование единой воспитательной стратегии и системы гражданско-патриотической консолидации россиян.

Несколько иная ситуация наблюдается в эволюции политической технологии *образа врага*. В конце 1980 – начале 1990-х гг. здесь также можно было говорить о кризисе жанра, что ярко проявилось в потере целостности этого приема. Сначала в советской и постсоветской пропаганде свои четкие очертания как образа мирового зла стал терять фашизм. Позже была свернута антиамериканская риторика. Наложил свой отпечаток и масштабная десоверенизация страны и региональный сепаратизм, когда местные элиты вступили в конфронтацию с Москвой. Тем не менее во второй половине 1990-х гг. произошли существенные изменения. Из-за того, что либеральные реформаторы в своем дискурсе крепко увязали внедрение частной собственности и демократических институтов по опыту Запада с будущим экономическим благополучием, после провала экономической модернизации у населения наступило разочарование в вестернизированной модели трансформации общества [24, с.85]. Со временем образ врага из Запада начинает обретать свою целостность, известную с советской эпохи, чему, безусловно, поспособствовали такие события, как воссоединение России и Крыма, «Евромайдан» 2014 г. на Украине, война на Донбассе и война в Сирии. Возникла настоящая информационно-пропагандистская война между Российской Федерацией и

Соединенными Штатами, фронт которой проходит через социальные сети, видеохостинги, телевидение, радио и традиционную печать. Цель победы в этой войне достаточно высока: это формирование политической повестки и управление общественным мнением.

Роль социальных сетей Интернета в качестве новой арены для политических технологий хорошо объясняет концепт сетевого фронта, который означает подвижную границу территории контакта, взаимопроникновения и взаимодействия социально-культурных практик сетевого и традиционного общества. Сетевой фронт прошел определенные эволюционные ступени своего развития. На первом этапе (1990-е – 2008 гг.) из-за бурного развития платформ (LinkedIn, Myspace, Facebook, YouTube, ВКонтакте, Twitter) возник переход offline- в online-политику (процесс виртуализации общества и политики) и появились сами сетевые сообщества [25, с.83–97]. Второй этап (2008–2014 гг.) трансформации сетевого фронта характеризуется ростом доли информационного контента, порождающего новый контент в рамках появления Интернета следующего поколения (если Web 1.0 был нацелен на профессиональное создание контента, то Web 2.0 стал ориентироваться на возрастание роли контента, создаваемого силами самих пользователей). Тогда же активизировались такие технологии государственного переворота, как «цветные революции». Наконец, третий этап эволюции фронта (2014 г. – по настоящее время) отличается от предыдущих тем, что формируются более отчетливые сетевые политические идентичности, поэтому государство старается занять активную роль в интернет-коммуникациях, влиять на эту сферу через инструменты цензуры и законодательства (достаточно вспомнить российский федеральный закон №97 от 2014 г. – «закон о блогерах»). Распространение сетевых форм политических технологий посредством Интернета предполагает активные среды: сетевые сообщества, группы по интересам, где находят свое отражение дискуссии по тем или иным политическим вопросам. Проблема заключается в том, что надежда на Интернет «вне границ и вне цензуры» – лишь романтическая иллюзия, вместо которой на деле существуют факторы лидеров мнений, модерации дискурса, комментариев, приближающие новые медиа к масштабному симулякру – экспериментальному полигону по изящному манипулированию общественным мнением.

* * *

Проведенное исследование с использованием аксиологического подхода доказало рабочую гипотезу, согласно которой формирование отечественных политических технологий всецело зависело от двух исторических условий – культурно-ценностной специфики России и развития в ней новых видов коммуникации. На первый взгляд, современный россиянин с клиповым сознанием становится объектом всевозможных политических манипуляций и симулякров, что может быть на определенном этапе даже выгодно власти, по-макиавеллевски нацеленной на консолидацию общества вокруг каких-либо ценностных смыслов. Однако с другой стороны, клиповое мышление предполагает формат личности сетевого фронтьера, зависимого от внешних политико-технологических воздействий. Следовательно, возникает вопрос о принципах воспитания не просто гармонически развитой личности (о чем писал тот же Грамши), а гражданина, который будет политически просвещен и со времени школы снабжен методическим инструментарием, помогающим распознавать, где в новостном потоке исторический миф, а где – исторический факт.

В настоящее время важно осознать, что все виды российских политических технологий должны композиционно встраиваться в целостную государственную стратегию патриотического воспитания, так как это, в свою очередь, не только ценностно консолидирует общество, но и определяет уровень устойчивости и централизации самого российского государства.

Библиографический список

1. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего. 2011.
2. Асташкин Д. Имперский континуитет в послевоенной советской пропаганде //Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. №.1(6).
3. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика. 2017.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990.
5. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН. 2006.
6. Бобровских Е.В. Теория «официальной» и «неофициальной» народности: С.С.Уваров и славянофилы //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. №5.
7. Былины. Библиотека русского фольклора. М.: Сов. Россия. Т.1. 1988.
8. Веприцкая Л.В. Становление и развитие печатных средств военно-патриотической пропаганды в России (на примере газеты «Русский инвалид») //Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. №11.

9. Гавров С.Н. Современность России //Socio time /Социальное время. 2015. №1-1.
10. Герценберг В. Плакат сегодня. Эмблемы, символы, теория информации //Художник. 1966. №12.
11. Головашина О.В. Проект модерн в России и специфика российского Просвещения //Социально-экономические явления и процессы. 2013. №9(55).
12. Грамши А. Избранные произведения. Тюремные тетради. М.: Изд. иностр. лит. 1959. Т.3.
13. Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т.1. /Пер. с итал. М.: Искусство. 1991.
14. Доука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества //Общественные науки и современность. 2013. №2.
15. Жданова И.А. «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте–октябре 1917 года //Отечественная история. 2008. №3.
16. Звездина А.А. Гипертекстуальность современного мышления //Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. №4 (99).
17. Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юр. лит. 1985.
18. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
19. Клыпа О.В. Психологический контекст древнерусской живописи //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. №1.
20. Кунжаров Е.М. Российская государственная пропаганда Первой мировой войны в отечественной историографии //Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2013. №3(13).
21. Литаврин Г.Г. Византия и славяне. Серия «Византийская библиотека». СПб.: Алетей. 1999.
22. Лупарева Н.Н. История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка //Тетради по консерватизму. 2016. №4.
23. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. 2003.
24. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН. 2009.
25. Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. Фронтир сетевого общества //Мировая экономика и международные отношения, 2016. Т.60. №2.
26. Народная проза. Библиотека русского фольклора. М.: Сов. Россия. Т.ХII. 1992.
27. Новгородцев П.Н. Сочинения. М.: Раритет. 1995.
28. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. Под ред. А.Н.Насонова, Л.В.Черепнина, А.А.Зиминой. М.: Изд. Академии Наук СССР. 1955.
29. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III – IX вв. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд. Академии Наук СССР. 1958.
30. Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия. 1975.
31. Письмо Александрова Г. секретарям ЦК ВКП(б) Андрееву А.А., Жданову А.А., Маленкову Г.М., Щербакову А.С. о производстве художественных фильмов в 1943 г. (17 марта 1943 г.) //РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.213. Л.6.
32. Повесть временных лет. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М., Л.: Изд. Академии Наук СССР. 1950. Ч.1.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

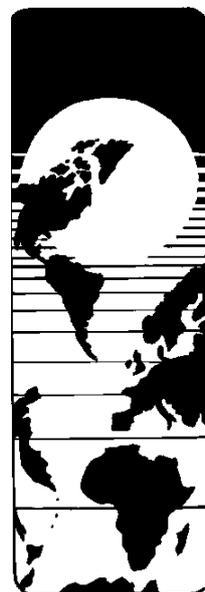
33. Романов В.В. Противодействие оскорблению императора и экстремистской пропаганде и агитации – функция политической полиции Российской империи в 1826 – 1860-е годы: нормативная база и ее реализация //Вестник Чувашского университета. 2015. №2.
34. Рудаков В. Н. Русские книжники XV–XVI веков в поисках героев борьбы с татарами //Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Выпуск 6 (22).
35. Рябов О.В. «Родина-мать» в истории визуальной культуры России //Вестник Тверского государственного областного университета. Серия «История». 2014. №1.
36. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, Облиздат. 1999.
37. Свиридова И.А. Советский политический плакат. М.: Изобразительное искусство. 1975.
38. Сказки: Книга 3. Библиотека русского фольклора. М.: Сов. Россия. Т.П. 1989.
39. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур; Знак. 2006.
40. Сообщества как политический феномен. /Под ред. П.В.Панова, К.А.Сулимова, Л.А.Фадеевой. М.: РОССПЭН. 2009.
41. Степанова Н.Ю. Партийное управление советским телевидением //Социально-экономическое управление: теория и практика. 2009. №1(15).
42. Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОССПЭН. 2010.

Многополюсный порядок подразумевает, что у нескольких зарождающихся держав противоположные взгляды на то, как следует управлять миром, и что они готовы действовать для того, чтобы продвинуть свою глобальную программу действий.

Ян Бреммер

Человек забывает, что он сам и все человечество, от которого он не может быть отделен, неразрывно связаны с биосферой – определенной частью планеты, на которой они живут. Они геологически закономерно связаны с ее материально-энергетической структурой.

В.И.Вернадский

Олег Александров

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К ОСВОЕНИЮ АРКТИКИ

ИСТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327

В статье автор анализирует исторические, политические, экономические и военно-стратегические аспекты российской политики в Арктике, показывает взаимосвязь различных факторов, формирующих эту политику, выявляет ее мотивацию, а также отвечает на вопрос, являются ли действия России по укреплению своих позиций в регионе наступательными или оборонительными. Одной из главных целей статьи было сопоставить военные и экономические задачи, которые Россия решает на арктическом направлении. Автор приходит к выводу, что военно-стратегические задачи в регионе решаются быстрее, чем программы социально-экономического развития региона, что и создает пресловутый «эффект милитаризации Арктики», в которой Россию обвиняют западные СМИ. Методом анализа является сравнительно-аналитический подход.

In article the author analyzes the historical, political, economic and military-strategic aspects of the Russian approach toward the Arctic region, shows interaction of various factors that shape the Russian policy in the Arctic, highlights its goals and motivations, and attempts to answer a question whether Russia's actions in the Arctic region are of offensive or defensive character. The general idea of this article is to emphasize the historical role of the North in the process of formation of the Russian nation and the unique Orthodox civilization. The author evaluates the security motivations of Russia both in the regional and global context, draws attention to the fact that Moscow's efforts to develop an up-to date security infrastructure in the Russian North surpass plans aimed at economic development of the region. This creates a so-called effect of militarization of the Arctic. The author's idea is to highlight internal and external limitations of the Russian economic policy in the region, for example the regime of economic sanctions imposed against Russia that affected the implementation of joint projects of Russian and Western companies. The author's research method is based upon the comparative and analytical approach.

Ключевые слова: арктическая стратегия России; Северный морской путь; платформа «Приразломная»; история Русского Севера.

Key words: Arctic strategy of Russia; the Northern Sea Route; the oil platform "Prirazlomnaya"; the history of the Russian North.

E-mail: aleksandrov-oleg@yandex.ru

Арктическая тема стремительно набирает популярность и становится предметом исследования специалистов самого широкого профиля – международников и политологов, военных экспертов и геологов, историков и журналистов. Происходящие в арктическом регионе геополитические, экономические, климатические и прочие изменения напрямую затрагивают не только интересы полярных государств, но и широкого круга стран, которые не являются арктическими. В результате пристального внимания к региону появились исследовательские материалы высокого качества, которые отслеживают и анализируют самые разные стороны жизни Севера.

При этом одним из главных объектов интереса выступает Россия и ее арктическая политика. Активное развитие арктического региона совпало по времени с очередным обострением (связанным, в частности, с украинскими событиями) отношений между Россией и Западом. Это привело к тому, что наряду с серьезными аналитическими исследованиями некоторые зарубежные масс-медиа вновь стали тиражировать «образы врага» в лице «хитрого и коварного российского медведя», который в силу своей природной агрессивности и непредсказуемости представляет угрозу своим соседям, в том числе и соседям по арктическому региону, а значит, нуждается в политическом и военном сдерживании [11].

В этом контексте действия России в Арктике обрастают мифами, легитимность ее претензий на свою арктическую зону пытаются поставить под сомнение, а усилия по защите суверенитета изобразить в качестве угрозы международной и региональной безопасности. Насколько реальны или иллюзорны страхи перед Россией и ее военной мощью? Что скрывается за планами перевооружения и усиления военного присутствия России в Арктике? Какие цели преследует арктическая политика России? Носит ли она оборонительный или наступательный характер? Чтобы разобраться и ответить на эти вопросы, необходимо сделать небольшой исторический экскурс.

**Север как колыбель
русской цивилизации**

Север всегда играл особую роль в русской истории. Это одновременно и колыбель древнерусского этноса, место становления древнерусской культуры и развития Православия.

Именно на Севере, в Новгороде Великом, была создана «империя Рюриковичей», которая впоследствии перенесла свою столицу в Киев, а

после ордынского нашествия и разорения Киева в Москву. При этом Русский Север – это территория проживания не только русского народа. Это родина и для многочисленных малых народов: чукчей, коми, саамов, вепсов, карел, якутов, ненцев и других.

С Севером связано множество древнерусских легенд, например, новгородские былины, одним из героев которых был гусяр Садко, совершивший кругосветное путешествие за птицей счастья. Где-то на севере располагалась и легендарная Гиперборея, обозначенная еще на картах Меркатора в виде загадочного арктического континента. С Русским Севером связаны и многие другие народные эпосы – например, финская Калевала, действие которой разворачивается в Финляндии, входившей в свое время в состав Российского государства, а также на территории нынешней Карелии. Красочные былины о Пере-богатыре создал народ коми.

Таким образом, Север стал неотъемлемой частью русской истории и культуры. Согласно древнерусским летописям, поморы, представляющие собой русский субэтнос, издревле проживали на побережье Белого и Баренцева морей, занимались мореплаванием и вели торговлю с городами Ганзейского союза, а также открывали новые земли на севере. Баренцево море в русских летописях называлось Мурманским морем. Под таким же названием оно фигурирует и на картах Герарда Меркатора XVI века [6].

Русским поморам принадлежит уникальное технологическое изобретение в виде парусного судна (коча), которое отличалось маневренностью и отменной надежностью, в том числе успешно противостояло сдавливанию во льдах. На парусных кочах поморы плавали по северным морям не только до Груманта (Шпицбергена), но и до восточной оконечности Евразии, которая позже получит наименование мыс Дежнева. Например, согласно новгородской летописи, в 1032 году состоялось плавание двинского посадника Улеба до Железных (Карских) Ворот Новой Земли. Устные легенды и сказания донесли до нас сведения и о более дальних путешествиях поморов. Таким образом, уже в древние времена русские первопроходцы прокладывали Северный морской путь из Европы в Америку.

Россия является единственной страной Арктики, в которой еще в XVI веке возникли крупные города, расположенные на Крайнем Севере: Салехард, Мангазея, Пустозерск, а также наиболее известный из них – Архангельск. Все они были основаны на месте древних крепостей и поселений, а последние, в свою очередь, строились вокруг первых мо-

настырей. В XIV–XV веках на европейском Севере России было основано множество монастырей, большинство из которых стали жемчужинами древнерусского зодчества. Среди таковых безусловно выделяются Валаамский, Соловецкий, Николо-Корельский, Старо-Ладожский и ряд других. Монастыри становились центром духовной жизни, вокруг них разрастались поселки, которые впоследствии превращались в крупные поселения и города. Все это свидетельствует о том, что Север играл важную духовную роль в истории России. Ярким примером того, когда целый город возникал вокруг монастыря, служит Архангельск, который был основан в 1584 году по указу Ивана Грозного на базе городского поселения, раскинувшегося вокруг Михаило-Архангельского монастыря [5, с.38].

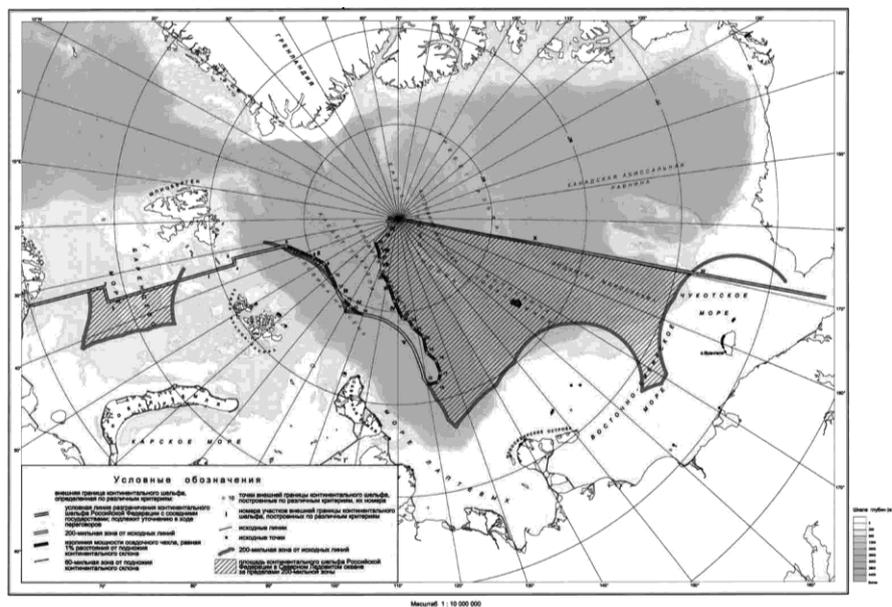
Однако значение Севера не исчерпывается культурным и религиозным фактором. В конце XVI – начале XVII веков Север играл важнейшую роль во внешней торговле страны, о чем говорит тот факт, что один только город Архангельск обеспечивал до 60% доходов государственной казны. Север может по праву носить звание родины русского купечества. Во второй половине XVII века на фоне религиозной драмы, связанной с расколом в русской православной церкви, Север вновь напомнил о себе тем, что дал приют гонимым официальными властями сторонникам старого обряда во главе с протопопом Аввакумом. Тем самым Север продемонстрировал такие свои качества, как консерватизм и вместе с тем свободолюбие, уважение религиозных убеждений.

Основание Санкт-Петербурга не только бросило вызов Москве как признанному политическому и религиозному центру империи, но серьезно поколебало роль северных городов, включая Архангельск, во внешней торговле России. Однако уже в середине XIX века Русский Север вновь привлек внимание перспективами новых географических открытий, а также возможностью организации мореплавания по Северному морскому пути в рамках одной навигации. Первым, кто в новое время доказал реалистичность нового транспортного маршрута, стал шведский мореплаватель и полярный исследователь Нильс Норденшельд, который на корабле «Вега» в 1878–1879 годах осуществил сквозное плавание по Северо-Восточному пути из Атлантики в Тихий океан.

Экспедицию Норденшельда можно по праву считать российско-шведским научно-исследовательским проектом. Как известно, организацией данного плавания и его финансированием занимался Александр Сибиряков, известный русский меценат и полярный исследователь,

который снабдил экспедицию запасами продовольствия и необходимым оборудованием, прокладывал маршрут движения и обеспечивал его безопасность, а также предоставил ценные сведения о Сибири и состоянии льдов в морях Северного Ледовитого океана. С шведской стороны спонсором проекта выступил король Швеции и Норвегии Оскар II, но не в качестве главы государства, а как частное лицо.

В начале XX века по Северному морскому пути проследовали пароходы «Таймыр» и «Вайгач». Их экспедиция в 1910–1915 годах внесла неоценимый вклад в изучение береговой линии арктических морей, и именно они впервые осуществили перевозки грузов между различными населенными пунктами Севера, на практике доказав возможность прямого грузопассажирского сообщения между Владивостоком и Архангельском. В свою очередь, поход советского атомного ледокола «Арктика» к Северному полюсу в 1977 году триумфально завершил демонстрацию научно-технических возможностей отечественной науки и закрепил за Советским Союзом статус великой арктической державы.

Map 2

Площадь континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане за пределами 200-мильной зоны согласно заявке России от 2001 года

Наконец, Север имеет все основания претендовать на звание колыбели русской науки, так как именно здесь, в Архангельской губернии, родился самый известный в мире русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Одной из заслуг великого ученого, утверждавшего, что «могущество государства российского будет прирастать Сибирью и Северным океаном», является теоретическое обоснование возможности навигации по Северному морскому пути. Многие русские мореходы вписали свои имена в историю географических открытий в Арктике. Большинство из них были выходцами из северных и северо-западных городов России. Великий Устюг и Вологда, Тотьма и Холмогоры, Каргополь и Архангельск – отсюда предприимчивые русские люди, промышленники и мореходы отправлялись на поиски новых земель и торговых путей. Таким образом, Север – это богатейшая культурная, религиозная и научная сокровищница России. В этом отношении роль Севера для России намного превосходит значение северных территорий для других арктических государств.

Арктика как стратегический форпост

Четыре века спустя значение Севера для России не только не уменьшилось, но значительно возросло. На Севере России расположены крупнейшие месторождения нефти и газа, здесь добывается 100% алмазов, 90% никеля и кобальта, 60% меди, 98% платины и золота, значительные запасы осмия и иридия. На Кольском полуострове в Мурманской области добывается львиная доля российского апатита. Кольский полуостров расположен на Балтийском кристаллическом щите и по разнообразию природных минералов не имеет себе равных. К примеру, только в двух регионах России – Мурманской области и Республике Якутии – расположены запасы редкоземельных металлов.

В XX веке, в особенности в советскую эпоху, Север становится территорией промышленного освоения. В 1916 году за Полярным кругом был основан последний город Российской империи – Романов-на-Мурмане, который после Февральской революции 1917 года был переименован в Мурманск. Стратегическое значение Мурманска проистекает из его географического положения на берегу незамерзающего Кольского залива, что обеспечивает России круглогодичный выход в Северный Ледовитый океан. С военно-стратегической точки зрения роль Мурманска трудно переоценить, так как именно он прикрывает с Севера

российскую территорию, являясь одним из важных военных форпостов России в Баренцевом регионе.

Город и окружающая его территория Кольского полуострова играют и поныне стратегическую роль. Здесь сосредоточены одновременно и предприятия горно-металлургического комплекса России, и многочисленные военные и энергетические объекты. Военным форпостом региона является военно-морская база Северного флота России в Североморске, а энергетическим – Кольская АЭС, которая обеспечивает электроэнергией весь полуостров. С Мурманска начинается главная арктическая транспортная магистраль – Северный морской путь.

Промышленное освоение Севера требовало учета специфических климатических условий Крайнего Севера и изобретения новых технологий, приспособленных для использования в арктической зоне. Так, уже в 1935 году на Кольском полуострове был открыт государственный центр стандартизации, метрологии и испытаний, целью которого стали наблюдения за состоянием окружающей среды, обеспечение экологической безопасности и разработка технических стандартов для всех видов предприятий, осуществляющих экономическую деятельность в Арктике. Подобная роль закреплена за данным центром и поныне. В 2008 году сотрудники Центра стандартизации и метрологии ввели в эксплуатацию лабораторию, которая занимается изучением технических свойств российской нефти, добытой на арктическом шельфе России. Здесь же была создана первая в России система ликвидации аварийных разливов нефти. Подобная инновационная система обеспечивает условия для соблюдения экологической безопасности при добыче и транспортировке российской нефти из месторождения Приразломное, расположенного в Печерском море.

Несмотря на то, что Север России таит в себе многочисленные природные богатства, Арктика для России – не только богатейшая территория, но прежде всего место исторического проживания русского этноса. В этом коренное отличие России от многих других арктических государств, и прежде всего от США и Канады, для которых северные регионы были объектом колонизации, но не местом зарождения государственности.

**Россия возвращается
в Арктику**

1990-е годы были провальными с точки зрения развития Арктики. Начиная с правительства Гайдара, новая российская власть повернулась к Северу спиной, а все достижения

арктической политики советского периода были утрачены. Некомпетентность и коррупция, преобладание частных интересов над государственными, растущее научно-техническое отставание и деиндустриализация – эти факторы, казалось, уже не оставляли России возможности для перемен к лучшему.

На этом фоне «арктический *comeback*» российской политики, который можно связать с созданием новой и обновлением прежней военной и гражданской инфраструктуры, возобновлением арктических исследований и превращением Севера России в полигон для испытания новых российских технологий и размещения там новых российских вооружений, вызвал заметную нервозность среди стран-соседей. Он также побудил наблюдателей и экспертов приглядеться к политике России в данном регионе в попытке определить ее смысл и предугадать дальнейшие действия Москвы.

Символом возвращения России в Арктику на современном этапе стала упомянутая экспедиция на Северный полюс 2007 года, которая вызвала столь острую и эмоциональную реакцию стран мира. Ее критики подчеркивают, что она носила не чисто научный, а скорее научно-пропагандистский характер, и они в определенной степени правы. Действительно, экспедиция 2007 года была не чисто научным проектом, но скорее была предназначена для публичной демонстрации решительных намерений России в отношении Арктики, а также ее возросшего научного потенциала. Именно в данном ключе стоит рассматривать и погружение российского батискафа на дно Северного полюса.

Между тем реакция стран арктического региона показала, что Россию в Арктике уже не ждали и ее возвращению были не слишком рады. Подобная реакция была вполне объяснима, если учесть, что в предшествующий период Россия убедила всех в том, что Москву как арктическую державу можно списывать со счетов. Со времени развала СССР и вплоть до 2007 года Россия в Арктике была похожа на государство, которое не было заинтересовано в защите и освоении арктических территорий. Эксперты отмечали резкое сокращение военных кораблей и подводных лодок Северного флота, который в советские времена считался сильнейшим среди 5 флотов Советского Союза, прекращение геологоразведочных работ, свертывание метеорологических станций и закрытие многих расположенных на Крайнем Севере промышленных предприятий. Например, военные аналитики Швеции и Финляндии отмечали неуклонное снижение военных возможностей Москвы и резкое сокращение ее научно-технического потенциала.

По словам депутата Госдумы Артура Чилингарова, в начале 1990-х годов Россия сама, добровольно и без принуждения извне ушла из Арктики, в хаосе рыночных преобразований были загублены либо забыты многие перспективные проекты, связанные с этим регионом, а само население Крайнего Севера было поставлено на грань выживания [4, с.3]. Прогрессирующая деиндустриализация Крайнего Севера привела к массовой миграции трудоспособного населения в южные регионы страны. Подобная удручающая картина отразила итоги политического курса, который проводился в отношении северных регионов России на протяжении более чем 15 лет.

Например, в 1991 году более чем на 12 лет была прекращена работа дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс», которая занималась изучением таяния льдов и проведением других метеорологических наблюдений, и лишь в апреле 2003 года ее работа была возобновлена. Однако 12 лет бездействия и разрушения советской арктической инфраструктуры сыграли роковую роль. Когда в России одумались и решили возобновить экономическую деятельность в Арктике, то ее освоение по многим позициям пришлось начинать с нуля.

От климатического потепления к политическим заморозкам? Что же привело к возвращению страны в этот регион и в чем состоит

главная мотивация России в Арктике? Как представляется, на передний план вышли соображения военно-

стратегического и экономического характера. Начнем, пожалуй, с первых. В начале 2000-х годов Россия стала ощущать растущую военную угрозу собственной безопасности со стороны США, где к власти пришли неоконсерваторы и принялись методично расшатывать нормы международного права.

Курс на силовое давление и вмешательство во внутренние дела других стран, неловко прикрытый гуманитарными соображениями, проводимая политика смены режимов в разных регионах мира и, прежде всего, на пространстве бывшего СССР, окружение России военными базами, размещение объектов ПРО в странах ЦВЕ, постоянные обвинения Москвы в «проведении энергетического шантажа» соседей – все это напрямую угрожало безопасности России и требовало адекватного ответа. Москва, по сути, была поставлена перед тяжелым выбором – либо идти на серьезные уступки и жертвовать интересами страны ради благополучия политической элиты, либо сурово нахмурить брови и сомк-

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К ОСВОЕНИЮ АРКТИКИ

нуть военные ряды, то есть укреплять собственную безопасность и готовить силовой ответ на силовой вызов.

Военные учения НАТО. С сайта «Cold Response 2012»

Избранная в итоге Москвой внешнеполитическая модель более похожа на компромисс. С одной стороны, отказ от силового ответа, который мог бы привести к военному столкновению, но, с другой, – сопротивление давлению со стороны Запада по ключевым направлениям, затрагивающим безопасность и оборону, в сочетании с тактическими уступками и курсом на открытость в вопросах экономического и гуманитарного взаимодействия.

Выбор Арктики для наращивания оборонных возможностей России выглядел вполне логичным и продуманным шагом. Он объяснялся как исторической памятью, так и геостратегическими раскладами. С точки зрения геостратегии, именно с севера исходит главная угроза безопасности страны, так как через Северный полюс пролегает кратчайший маршрут для межконтинентальных ракет и стратегических бомбардировщиков, а в водах Баренцева моря дежурят американские подводные лодки с ядерными ракетами на борту. Не стоит забывать и то, что Россия обладает самой протяженной береговой линией в Арктике, и это налагает особую ответственность по обеспечению безопасности столь протяженной береговой линии и прилегающей акватории.

Историческая память также подсказывала, что на протяжении всего XX века северное направление не раз играло значимую роль в обеспечении безопасности страны. Так, еще в Первую мировую войну европейский Север был одним из немногих коридоров, по которым Россия могла осуществлять сообщение с союзниками по Антанте – Францией и

Англией. Стоит отметить и то, что именно Северный Ледовитый океан дает России возможность свободного и беспрепятственного выхода в Мировой океан как в мирное, так и в военное время, в то время как ни Балтика, ни Черное море свободы выхода в Атлантический океан не гарантируют, а в Тихом океане Россия располагает ограниченными военными возможностями.

Во время Второй мировой войны Арктика становится ареной боевых действий советских кораблей с германским флотом (*Kriegsmarine*), который проводил разведывательные и десантные операции в Баренцевом и Карском морях. На протяжении Второй мировой войны по северному маршруту в Архангельск и Мурманск прибывали арктические конвои, которые по программам ленд-лиза поставляли в СССР вооружение и другое военное оборудование из США. В послевоенное время Арктика служила местом стратегического противостояния США и СССР. Здесь располагались военно-морские базы, аэродромы и другие военные и гражданские объекты, которые были предназначены для сдерживания потенциального противника в лице блока НАТО.

Однако усиление военного потенциала России в Арктике на современном этапе отнюдь не сводится к отражению гипотетической агрессии со стороны третьих держав и военных альянсов. Военное присутствие, помимо прочего, обеспечивает надежный контроль над арктическими коммуникациями, а также усиливает охрану российских промышленных объектов, расположенных в границах арктической зоны [9].

Военное измерение арктической политики России на сегодняшний день включает в себя несколько направлений. Прежде всего речь идет о наращивании военного присутствия России в Арктике, в частности о создании сети военных баз и пунктов наблюдения. В 2014 году Россия создала объединенное стратегическое командование в Арктике. В состав данной структуры были включены подразделения морских и сухопутных сил, морская авиация, а также войска ПВО. Перед военными была поставлена задача создавать военные городки и строить аэродромы в стратегически важных районах российской Арктики: на острове Врангеля, на Земле Александры (часть архипелага Земли Франца-Иосифа), на Северной Земле, а также на Новой Земле.

Одним из таких военных проектов стало строительство взлетно-посадочной полосы на аэродроме «Темп» на Новосибирских островах, которая должна быть готова к приему большегрузных транспортных самолетов, сравнимых с Ан-72 и Ан-74. На данном примере видно, что речь, как правило, идет не о создании новых пунктов базирования, но о

воссоздании прежних советских баз и военных объектов в Арктике. Как известно, на Новосибирских островах еще в советские времена располагалась полярная станция, а также несколько сейсмологических лабораторий. В современных условиях идет речь о размещении на Новосибирских островах полноценной военной базы.

Помимо создания новой и обновления существующей северной инфраструктуры речь идет о создании арктических войск численностью в 10–12 тысяч военнослужащих, основу которых составит полк морской пехоты в Мурманске и мотопехотная бригада в Печенге. Если к ним прибавить уже размещенные в Арктике пограничные подразделения численностью в 6 тысяч человек, а также 45–50 тысяч военнослужащих Северного флота, то совокупный военный потенциал будет представлять собой весомый аргумент в случае возникновения кризисных ситуаций в регионе, а также служить надежной гарантией инвесторам в серьезности российских намерений.

По всей видимости, западные страны, наблюдая за укреплением позиций России в северных и северо-западных регионах, принимают ответные меры, одной из которых стало решение Дании увеличить военные расходы. Мотивировано это было размещением Москвой систем противовоздушной обороны в Калининградской области. В частности, об этом заявил министр обороны Дании Клаус Фредерексин [8]. В свою очередь, норвежская военная разведка заявила о растущей угрозе со стороны России [13].

Стоит отметить и то, что соседи России реализуют масштабные военные планы в своих арктических секторах. К примеру, Норвегия планомерно наращивает военное присутствие в северных регионах страны, которое включает в себя перегруппировку отдельных подразделений, а также увеличение операций слежения силами подводных лодок. Обращает на себя внимание и активное участие Норвегии в проведении арктических учений как на территории страны, так и за ее пределами.

С другой стороны, обе страны, Россия и Норвегия, продолжают взаимодействие в гражданских секторах. Примером может служить введение с 1 января 2013 года обязательной системы взаимного информирования о прохождении судов в Баренцевом море [12].

**Строительство портов
и освоение континентального
шельфа**

В свою очередь, экономические соображения, подтолкнувшие Россию к активизации арктической политики, также можно разбить на несколько

отдельных аспектов. Первый и наиболее очевидный – это исчерпание российских нефтегазовых запасов в среднесрочной перспективе (2030–2040 годы). Прежде всего речь идет о тех, которые расположены на суше и относятся к категории легко добываемых. Об этом неоднократно заявлял Герман Греф, в недавнем прошлом министр экономического развития России и ближайший советник президента Путина. Схожий прогноз давало и международное энергетическое агентство (МЭА). В докладах экспертов агентства говорилось, что к 2040 году добыча нефти в России сократится на 30%, при этом возрастет трудоемкость добычи и себестоимость конечного продукта [1]. Учитывая то, что экспорт энергоресурсов играет весьма важную роль в наполнении российского бюджета, значение этого фактора все более возрастает.

Тревожным звоночком для России стали и события 2006 года, когда американская корпорация «Объединенный нефтегазовый консорциум» направила России, а также остальным арктическим странам уведомление о том, что она является «ответственным посредником» в разработке природных ресурсов зоны «общего наследия человечества» в Арктике. Таким образом, бездействие России в предыдущее десятилетие фактически грозило привести к самозахватам со стороны западных ТНК наиболее выгодных с точки зрения нефтедобычи районов Арктики, причем наибольшая часть самозахватов произошла бы именно в российском секторе, как наиболее перспективном с точки зрения разведанных запасов нефти и газа.

Стоит, однако, отметить, что Россия отчасти сама способствовала созданию ситуации правовой неопределенности относительно той части арктического шельфа, на которую она претендует. С одной стороны, Москва добровольно отказалась от своего арктического сектора и секторального подхода в целом, которые унаследовала от Российской империи и Советского Союза. В основу арктической политики России была положена Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, а конкретно статья 76 данного документа, в соответствии с которой Россия имеет возможность предъявить права на ту часть арктического сектора, которую она считает своей. При этом, согласно нормам конвенции 1982 года, максимальные претензии прибрежного государства не могут простирается далее 350 км от береговой линии, да и то в том случае, если удастся доказать, что континентальный шельф простирается за пределы установленной конвенцией для каждого государства 200-мильной зоны. Между тем следование нормам данной конвенции означает бесповоротный отказ от исторического сектора России в Арктике.

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К ОСВОЕНИЮ АРКТИКИ

Трасса Северного морского пути

С другой стороны, поданная Россией в 2001 году заявка на расширение границ арктического шельфа отличалась непродуманностью и содержала противоречивые положения, которые явно ущемляли интересы России. Россия обозначила в пределах своего арктического сектора международный район морского дна, который в документе именуется районом «А», и согласилась с тем, что его ресурсы становятся общим наследием человечества. Правовой департамент МИД России и Министерство природных ресурсов России так и не объяснили мотивацию данного решения с точки зрения национальных интересов России. И тот факт, что спустя 15 лет ни одно из арктических государств не последовало российскому примеру, дает основания считать позицию данных ведомств непродуманной и наносящей прямой ущерб интересам российского государства. Не стоит забывать и о том, что США до сих пор

не ратифицировали упомянутую Конвенцию 1982 года и юридически не связали себя ее положениями. Это создало абсурдную ситуацию, при которой США могут начать разработку в указанном районе российского сектора, а Россия аналогичные разработки в арктическом секторе США делать не вправе.

Проблема усугубляется тем, что внешняя политика России в Арктике является по сути заложником той политической линии, которая была заявлена в 2001 году и сформулирована в тексте российской заявки. Ее слабым местом является отсутствие альтернатив на случай, если российская заявка не получит одобрения в комиссии по границам континентального шельфа, а также если не будет достигнуто согласие с прямыми конкурентами России – Канадой и Данией. Обозначив в 2001 году план «А», Россия так и не выработала план «Б», который мог бы предусматривать действия России в случае отрицательного ответа на российскую заявку.

Соображения экономического характера стоят и за программой строительства новых портов на побережье Северного Ледовитого океана. К примеру, строительство незамерзающего порта Сабетта в Обской губе Карского моря, ввод которого в действие намечен на 2017 год, осуществляется в рамках проекта «Ямал-СПГ» и привязано к проекту по добыче, сжижению и поставкам на экспорт природного газа. Одновременно порт Сабетта призван стать важным перевалочным звеном по транспортировке грузов по СМП. Аналогичные задачи поставлены и при строительстве нового глубоководного порта вблизи Архангельска, который будет располагаться в 55 км к северу от города и круглогодично обслуживать крупнотоннажные суда.

Проект предполагает создание специальных мощностей для перевалки нефтеналивных грузов, минеральных удобрений, для контейнерных перевозок и для перемещения иных грузов строительного назначения [7, р.4–7]. Схожими функциями по перегрузке нефти и других грузов наделены недавно созданные порт Варандей, расположенный в Баренцевом море недалеко от одноименного поселка в Ненецком автономном округе. В свою очередь, ряд портов специально предназначен для осуществления перевозок по Северному морскому пути и предоставления услуг по ледокольному сопровождению судов, дозаправке и ремонту. К числу последних относятся такие северные порты, как Диксон, порт Провидения и Певек.

Порт Сабетта

Наконец, существует и климатическая гипотеза, которая проливает свет на более активные, чем прежде, действия России в Арктике. Активное таяние арктических льдов открывает новые возможности по развитию Северного морского пути – главной арктической магистрали России. Проект развития Северного морского пути (СМП) нацелен на получение экономических выгод от перевозки грузов из Атлантического в Тихий океан. СМП рассматривается как перспективная транспортная магистраль, которая могла бы в будущем обслуживать не только внутренние потребности России, связанные со снабжением отдаленных регионов Крайнего Севера, но и приносить доход от международных транзитных перевозок.

В вопросе о СМП и его статусе столкнулись две экспертные позиции. Сторонники первой исходят из приоритета международного сотрудничества России в рамках данного проекта и выступают за максимальную открытость и международный статус магистрали, который предполагает создание совместного органа управления. Сторонники другого подхода, одним из которых является Артур Чилингаров, считают принципиальным закрепить национальный статус СМП, который включал бы законодательное регулирование плавания по этим трассам при обязательном ледокольном и лоцманском сопровождении с российской стороны. Судя по редакции нового закона о СМП, позиция второй группы экспертов возобладала и в упомянутом документе СМП обозначен как историческая транспортная магистраль, имеющая национальное значение.

Вместе с тем, Россия исходит из того, что СМП как проект, рассчитанный на долгосрочную перспективу, нуждается в технических усовершенствованиях, а также в привлечении иностранных партнеров как из Азии,

так и из Европы. Потенциальным партнером России в развитии СМП может выступить Норвегия, которая является одним из мировых лидеров в сфере гражданского судоходства. Осло рассматривает СМП как одно из приоритетных транспортных направлений в Арктике, наряду с Северо-Западным и Трансполярным маршрутом [10]. Из азиатских партнеров наиболее предпочтительные позиции у КНР, которая тесно работает со всеми арктическими странами. Что касается Японии, то и у нее есть возможности подключиться к данному проекту.

**Оборонять легче,
чем осваивать?**

Определенные трудности арктической политике России придает то обстоятельство, что ее экономическая составляющая довольно сильно отстает от военно-стратегической, а потому

возникает определенный перекося, при котором военные задачи решаются гораздо быстрее, чем задачи экономического характера. Это и создает пресловутый эффект милитаризации, который так мастерски используют некоторые западные журналисты в пропагандистских целях. На самом же деле Россия всего лишь производит замену изношенной военной техники на новую, а также обновляет пришедшую в негодность арктическую инфраструктуру.

Впечатление о том, что Россия в Арктике играет мускулами, обманчиво еще и потому, что именно на Севере Россия довольно сильно зависит от международного сотрудничества в создании гражданских отраслей промышленности. Более того, целью России и является развитие международной кооперации по наиболее важным аспектам арктической проблематики – добыче и транспортировке энергоресурсов, развитию международных грузоперевозок по СМП, сотрудничеству в сфере экологии, защите традиционного образа жизни коренных народов и т.п.

Отдельным успехом России можно назвать строительство платформы «Приразломная» в Печерском море. Платформа рассчитана на максимальные ледовые нагрузки, в ее задачи входят все необходимые технологические операции: бурение скважин, извлечение и хранение нефти, а также отгрузка на танкеры ледового класса «Михаил Ульянов» и «Кирилл Лавров», которые должны совершать челночные рейды от платформы к материку и обратно. Первая партия арктической нефти сорта ARCO (Arctic oil) была добыта и отгружена с этой платформы в апреле 2014 года.

Ввод в строй платформы «Приразломная» можно считать успехом российской политики в Арктике, поскольку до недавнего времени наиболее

дискуссионным был вопрос о способности России и ее экономики к реализации высокотехнологичных проектов по добыче газа и нефти в арктических условиях. В досанкционный период российские энергетические компании активно заключали с западными ТНК сделки о совместной разработке энергоресурсов на российском Севере. Партнерские отношения сложились между российскими компаниями Газпром и Роснефть и их дочерними компаниями, с одной стороны, западными компаниями – норвежской Statoil, американскими Exxon Mobil, Chevron и Conoco Philips, британской British Petroleum и французской Total, – с другой. Однако введение западных санкций привело к тому, что зарубежные компании одна за другой стали покидать совместные проекты с Россией, что создает для Москвы ряд серьезных технологических проблем. От преодоления этих проблем напрямую зависит экономическая безопасность России и ее технологическая самостоятельность.

С серьезными трудностями сталкивается Россия и в сфере гражданской авиации. Освоение Арктики невозможно представить без региональной авиации, в частности без маломестных самолетов, при помощи которых можно было бы решить проблему транспортной доступности отдаленных районов и поселков Крайнего Севера, которые не располагают хорошо оборудованными взлетно-посадочными полосами. Решить проблему мог бы ввод в эксплуатацию нового средне- и ближнемагистрального самолета Иркут МС-21, предназначенного для пассажирских перевозок. Этот российский самолет, идущий на замену устаревшей модели Ту-154, в согласии с проектом должен оснащаться американскими двигателями от компании Pratt & Whitney.

Если учесть, насколько накалены оказались российско-американские отношения к концу президентского периода Барака Обамы, то политические риски для данного проекта представлялись довольно высокими. Но не только проблемы в отношениях с западными компаниями ставят под угрозу реализацию многих проектов в сфере гражданской авиации. В случае с самолетом МС-21 существуют и внутренние препятствия – отказ отечественных авиаперевозчиков от закупок данного самолета. Аналогичные причины тормозят ввод в действие и другой отечественной разработки – арктического экраноплана, который имеет большие перспективы для пассажирских и грузовых перевозок в условиях Крайнего Севера [2]. На этих примерах видно, что в вопросах экономического развития арктической зоны России ее позиции еще довольно слабы, а интересы частных компаний довольно часто входят в противоречие с общенациональными интересами.

В условиях экономического кризиса Россия не находит средств и для реализации других перспективных проектов в Арктике. Нерешенной проблемой для России остается и недостаточное финансирование научной деятельности России в Арктике, слабая техническая оснащенность по целому ряду направлений. К примеру, Россия не располагает достаточным количеством судов для проведения сейсморазведки на своем шельфе, отсутствует и необходимая научно-исследовательская аппаратура. В настоящий момент Россия располагает 15 судами для проведения сейсморазведки, из них 14 было построено в середине 1980-х годов. Более того, после развала СССР Россия утратила и опыт создания и конструирования подобных судов [3]. Все это заставляет довольно сдержанно оценивать долгосрочные перспективы России в освоении Арктики. Очевидно, что контроля над арктической зоной РФ невозможно добиться лишь военными средствами, без привлечения серьезной научной базы. На сегодняшний день именно это является слабым звеном арктической стратегии России.

* * *

Как было показано выше, мотивация арктической политики России базируется на сочетании геостратегических и экономических задач, суть которых еще в 2008 году была обозначена емкой формулой – «превращение Арктики в ресурсную базу России в XXI веке». Для осуществления подобной цели Москва задействует как политико-дипломатические, так и военно-политические инструменты. При этом роль экономических инструментов в арктической политике России пока просматривается недостаточно отчетливо. Рассматривая Арктику как регион с низким конфликтным потенциалом, Россия рассчитывает на развитие широкого международного сотрудничества в сфере добычи энергоресурсов, а также в сфере международных транспортных перевозок по СМП, однако при этом не отказывается и от военных инструментов своей арктической политики.

Логика опоры на военный фундамент своей арктической политики объясняется достаточно просто: Россия вынуждена учитывать совокупный военный потенциал стран НАТО в регионе, агрессивную риторику руководства альянса, регулярное проведение военных учений НАТО вблизи российских границ, а также неблагоприятную атмосферу отношений между Москвой и западными столицами, усугубленную санкционной политикой стран Запада в отношении России. Не стоит сбрасывать со счетов и угрозу проецирования конфликтов из других регионов мира в Арктику.

Россия в очередной раз обозначила приоритеты своей арктической политики в ходе состоявшегося в марте 2017 года Арктического форума в

Архангельске. В своем выступлении на форуме президент Путин обозначил Арктику как территорию диалога, мира и сотрудничества: «Арктика – это пространство для сотрудничества и диалога. Очень хотелось бы, чтобы пример позитивного сотрудничества в этом регионе был перенесен на другие регионы» [14]. Поддержал его в этом и президент Финляндии Саули Ниинистё: «Арктика – это место, где встречаются Восток и Запад. Если потеряем Арктику – потеряем весь мир» [14].

Библиографический список

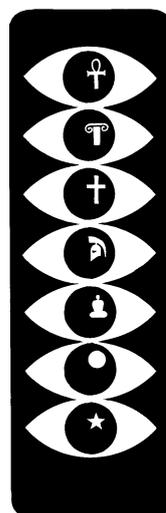
1. Конец нефти. URL:https://rns.online/articles/Konets-nefti-2016-11-17/?track=page_best. (дата обращения: 05.05.2017)
2. Лодкин Владимир. Экрanoпланам – быть! //Независимое военное обозрение. URL:http://nvo.ng.ru/armament/2016-12-23/1_931_ekranoplan.html. (дата обращения: 18.06.2017)
3. Подводные камни морской сейсморазведки. URL:http://www.korabel.ru/news/comments/podvodnye_kamni_morskoy_seysmorazvedki_chast_1.html. (дата обращения: 15.05.2017)
4. Проханов Александр, Чилингаров Артур. Арктика – общее дело. // Завтра. – 2016, №43. С.3.
5. Русский Север. Санкт-Петербург: «Золотой Век», 2013, С.80.
6. Ципоруха М.И. Моря российской Арктики. URL: http://thelib.ru/books/mihail_isaakovich_ciporuha/morya_rossiyskoy_arktiki-read.html. (дата обращения: 29.04.2017)
7. Arkhangelsk Sea Port: Investing in Progress.// Sozvezdye Review. – 2014. – №20. P.4–9.
8. DM: министр обороны Дании призвал «принять меры против агрессии Путина» URL:<https://russian.rt.com/inotv/2017-01-14/DM-ministr-oboroni-Danii-prizval>. (дата обращения: 14.06.2017)
9. Godzimirski Jakub M., Elana Wilson Rowe, Helge Blakkisrud. The Arctic. What does Russia see? What does Russia want? Oslo: *NUPI Briefing Paper*, 2012. URL: http://www.defmin.fi/files/2451/The_Arctic.pdf. (дата обращения: 17.06.2017)
10. Maritime opportunities – Blue Growth for a Green Future. The Government’s Maritime Strategy. Norwegian Ministry of Trade, Industry and Fisheries. URL:https://www.regjeringen.no/contentassets/05c0e04689cf4fc895398bf8814ab04c/maritim_strategi_engelsk_trykk.pdf. (дата обращения: 08.06.2017)
11. Murray Robert. Do not oversell the Russian threat in the Arctic. URL: <https://warontherocks.com/2016/05/do-not-oversell-the-russian-threat-in-the-arctic/> (дата обращения: 18.06.2017)
12. New mandatory ship reporting system “In The Barents Area (BARENTS SRS)” URL:[http://www.rosmorport.ru/media/File/mur/serv_nav/MS348\(91\).pdf](http://www.rosmorport.ru/media/File/mur/serv_nav/MS348(91).pdf). (дата обращения: 08.06.2017)
13. Norwegian Military intelligence warns of increased threats from Russia. URL: <https://www.thelocal.no/20170207/norwegian-military-intelligence-warns-of-increased-threats-from-russia>. (дата обращения: 15.06.2017)
14. Putin says “welcome” to US business in Russia, offers to work in Arctic jointly. URL:<https://www.rt.com/business/382837-putin-russia-united-states-arctic/> (дата обращения: 30.04.2017)

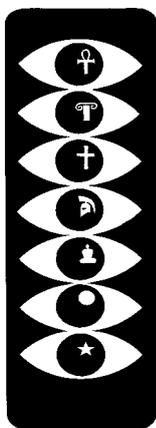
Как носители власти до сих пор
смешивают у нас себя с государством,
так большинство тех, кто боролся
и борется с ними, смешивали
и смешивают государство
с носителями власти.

Петр Струве

**Революция с поразительной
гениальностью умеет маскировать
свои прозаические и ужасные дела
великими словами и заставить людей
судить о ней не по делам, а по словам.**

Питирим Сорокин

Артем Фаизов

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЕНАТА В 1730–1741 ГОДАХ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).06

Рассматривается развитие в 1730–1741 гг. организационно-структурных элементов Сената («присутствие», канцелярия, важнейшие должности, московское отделение), оказавшихся в новой управленческой реальности. Актуальность темы определяется недостаточным вниманием в новейшей литературе к указанной проблематике, которая изучалась специально лишь в дореволюционных позитивистских трудах. На основе делопроизводственного и законодательного материала показано, что организационное устройство Сената пережило в рассматриваемый период ряд трансформаций, обусловленных ситуационными факторами, связанными с текущими административными нуждами и придворной диспозицией, однако основные звенья ранее сложившейся сенатской организации сохранились.

The author examines the development of Senate's structural elements in 1730–1741 ("presence", the Office, the most important positions, the Moscow division), when the new management reality has come. Actuality is determined that the recent literature are neglecting to specified issues. This problem has been studied in a positivist works of pre-revolutionary researchers specifically. On the basis of legislation and record keeping documentations the historian shows that in this period the Senate's organizational structure has experienced many transformations, caused by temporary factors of the current administrative needs and the court disposition, but the main elements of the previous Senate organization were preserved.

Ключевые слова: высший орган власти; Сенат; Кабинет министров; «присутствие»; канцелярия; Сенатская контора; волокита; генерал-рекетмейстер; генерал-прокурор; герольдмейстер.

Key words: the institution of higher authority; Senate; the Cabinet of Ministers; "presence"; Office; Senate division; the general master of requests; the general-procurator; the heraldmaster.

E-mail: manuscriptor@yandex.ru

Постановка проблемы

В марте 1730 г. и в октябре 1731 г. в архитектуре высших органов власти произошли события, которые имели решающее значение для имперского управления 1730-х годов. Первой датой отмечено уп-

разднение Верховного тайного совета и предоставление статуса высшего властного органа одному Сенату, который, как и при Петре I, получил титул «Правительствующего» и был увеличен в составе до 21-го члена [9, т.8, №5510]. Вторая дата фиксирует негласное создание нового монаршего секретариата Анны Ивановны – Кабинета Ее Императорского Величества [1, т.1, с.1, 5–6; 9, т.8, №5871], который постепенно будет превращаться в ведущую управленческую инстанцию, а после указа от 9 июня 1735 г. [9, т.9, №6745] он уже формально подчинит себе Сенат. Такая градация правительственных институтов сохранится до 12 декабря 1741 г., когда Елизавета Петровна ликвидирует Кабинет и вновь провозгласит Правительствующий Сенат единственным высшим органом [9, т.11, №8480]. Эти факты напрямую сказались на полномочиях и компетенции Сената, что в свою очередь должно было оказывать определенное воздействие на его организационно-структурное построение.

Цель данной статьи – выявить изменения в организационном устройстве Сената в 1730–1741 гг., а также определить, в чем, напротив, проявилась сила структур и инерция государственных форм. Исследуемая проблема не получила систематического решения в новейшей исторической литературе. Историки лишь дважды более или менее специально обращались к данной теме, но это было еще в дореволюционной историографии [16; 2]. Указанные авторы исходили из позитивистского понимания источника, вследствие чего их труды имели описательный характер, а задействованный уже до революции солидный комплекс источников не был в должной мере отрефлексирован и нуждается в новом прочтении. Поставленная цель предполагает освещение вопроса о персональном составе Сената, однако указанный аспект не будет рассмотрен в данной статье, поскольку имеет большое самостоятельное значение, не вписывается в плоскость развития организационных форм и структур и тесно связан с ходом внутривластной и придворной борьбы; следовательно, заслуживает особого исследования.

**Организация Сената
в 1725–1730 гг.**

Прежде чем приступить к раскрытию вопроса об изменениях в организационно-структурном устройстве Сената в 1730–1741 гг., рассмотрим итоговые

формы петровского Сената (1725 г.), а также их развитие до 1730 г.

К концу петровского царствования, к 1725 г., Сенат (тогда высший законосовещательный, административный, надзорный и судебный орган) имел в своей структуре два основных элемента: «присутствие» и канцелярию. «Присутствие» из 9–11 сенаторов принимало решения по докладам секретарей сенатской канцелярии [4, т.1, с.5, 13, 3, 7]. В год учреждения Сената (1711) в его канцелярии состояло 87 служащих, далее их число увеличивалось [4, т.1, с.190, 321, 260; 9, т.4, №2453]. Канцелярию возглавляли 2 обер-секретаря, при канцелярии находился также эзекутор, который отвечал за исполнение указов коллегиями. При Сенате существовало еще несколько особых контор во главе с генерал-рекетмейстером, герольдмейстером, генерал-фискалом и генерал-прокурором. Эти высшие чиновники не являлись сенаторами, однако действовали при Сенате, освобождая его от рассмотрения определенных вопросов, и отчитывались перед ним по своему ведомству. В частности, генерал-рекетмейстер принимал жалобы на волокиту и неправосудные решения коллегий [9, т.6, №3646, 3900; 14, с.447]; герольдмейстер ведал вопросы дворянской службы [9, т.6, №3874, 3896; 14, с.471, 464]; генерал-фискал руководил сетью фискалов (тайный надзор за чиновниками) [9, т.4, №2331; т.5, №3436; т.7, №4170; 4, т.4, ч.1, с.234–235]; генерал-прокурор (сенатский обер-прокурор – его заместитель) руководил сетью прокуроров (гласный надзор), следил за соблюдением законов самими сенаторами, руководил работой сенатской канцелярии [9, т.6, №3877, 3890, 3979; 14, с.447]. Хотя генерал-прокурор докладывал Сенату о донесениях прокуроров, сам он не был подчинен Сенату и, если сенаторы не реагировали на его замечания, докладывал об этом монарху. Находившийся в Петербурге Сенат имел московское отделение – Сенатскую контору, которая включала одного из сенаторов и канцелярию при нем. Сенатская контора руководила московскими госорганами, ведая дела ближайших к Москве губерний [9, т.6, №3887, 4180, 4295].

В 1726–1730 гг., когда государственная политика направлялась Верховным тайным советом, а Сенат лишился ряда полномочий, основные изменения в организационном устройстве последнего состояли в следующем. Де-факто перестали действовать должности генерал-рекетмейстера и генерал-прокурора [10, ч.3, с.189–190, 196, 208; ч.1, с.208; 8, т.2, №2096, 1761; 9, т.7, №4889], обязанности того и другого стал исполнять сенатский обер-прокурор. Прокуратура фактически также перестала существовать. Верховники не стали никого назначать на освободившуюся в июне 1727 г. должность генерал-фискала [8, т.2, №2311]. Фискалитет с июня 1729 г. сохранился только на местах и только по «ку-

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЕНАТА В 1730–1741 гг.

пецким» делам [10, ч.7, с.804; ч.8, с.336; 9, т.8, №5494]. Исполнитель должности герольдмейстера стал совмещать ее с должностью президента доимочной канцелярии [10, ч.3, с.52, 121; ч.4, с.69, 840].

Канцелярия Сената в это время все более подчиняется канцелярии Совета [10, ч.3, с.515; ч.5, с.402]. В июне 1727 г. в составе канцелярии Сената во главе с двумя обер-секретарями и одним экзекутором состояли около 50 сотрудников: 4 секретаря, 1 переводчик, 3 протоколиста, 2 служащих «за регистраторов», 8 канцеляристов, 2 клерка «за канцеляристов», 27 копиистов, 3 юнкера, изучавшие канцелярское ремесло [10, ч.3, с.654–655]. Весной 1728 г. в связи дополнительными обязанностями сенатских обер-секретарей и секретарей в канцелярии Совета в сенатской канцелярии стало 5 обер-секретарей и 2 экзекутора [10, ч.3, с.45, 515; ч.5, с.261, 320].

В июне 1728 г. Сенат и центральные госорганы вслед за Двором переезжают в Москву, а Сенатская контора вместе с конторами других столичных коллегий переводится в Петербург [10, ч.5, с.418].

Теперь обратимся к изменениям в организационной структуре Сената в 1730–1741 гг.

Пять департаментов Сената

По указу от 1 июня 1730 г. Сенат был разделен на 5 департаментов: духовных дел, военных и морских дел, дел Камер-коллегии, дел Юстиц-коллегии, торгово-промышленных [9, т.8, №5570]. Данная реорганизация имела целью повысить эффективность органа и уменьшить роль служащих сенатской канцелярии, которые готовили для Сената доклады по делам.

Разделение на департаменты поставило перед Сенатом множество организационных вопросов. Сенаторы, в частности, распределяли своих членов по департаментам; решали, «какому департаменту где быть»; рассматривали новое рабочее расписание. Решено было проводить общие собрания 2 раза в неделю: во вторник – для «военных и юстицких дел» и в пятницу – для дел Камер- и Коммерц-коллегий, «а в прочие дни в департаментах» ([9, т.8, №5587]; Цит. по: [16, с.496–497]). Согласно указу от 1 июня 1730 г. в дополнение к сенатской канцелярии должны были быть образованы 5 канцелярских экспедиций. И теперь необходимо было распределить дела между ними. В результате 18 августа 1730 г. вышел сенатский указ «О порядке отправления дел в сенатской канцелярии», расписавший делопроизводственные процедуры для каждой экспедиции [9, т.8, №5570, 5606]. Реализуя указ от 1 июня 1730 г., Сенат решил перене-

сти основной груз подготовительной работы на новые канцелярские экспедиции. Тем самым сенаторы, соблюдая букву закона, отклонились от его духа, которым предполагалось, что слушание дел должно происходить по докладам самих сенаторов, а не по выпискам и сообщениям канцелярских служащих.

Отдельные департаменты неоднократно ставили перед Сенатом вопрос об объеме их полномочий. Например, С.И.Сукин и князь А.П.Шаховской «от юстицкаго департамента» запрашивали Сенат о том, какие именно вопросы должны были решаться общим собранием, а какие могли разрешаться департаментами самостоятельно. Отвечая на пункты С.И.Сукина и князя А.П.Шаховского, Сенат определил следующее: после рассмотрения генерал-рекетмейстером челобитных о «неправых» решениях коллегий, докладывать о них общему собранию; справки по запросам коллегий и канцелярий «чинить департаментом от себя, не докладывая общему собранию». «При том разсуждали-ж что входящая доношения все надлежит принимать и записывать в сенатской канцелярии, а потом отдавать, куда что надлежит» (Цит. по: [16, с.497–498]). 8 августа 1730 г., отвечая уже на запрос генерал-рекетмейстера о челобитных, подлежащих рассмотрению сенаторов, Сенат предписал ему сначала собирать необходимые справки, а затем, «учиня в рекетмейстерской конторе выписки, докладывать в департаментах» (Цит. по: [16, с.554]; [9, т.8, №5603]).

Сенаторы с большим энтузиазмом занимались делами, связанными с этой реорганизацией: подбирали помещения для каждого департамента, распределяли между ними своих приказных, распоряжались о покупках в департаменты «уборов».

Департаменты начали свою деятельность осенью 1730 г. Единство Сената при этом полностью сохранилось, были разделены только поступавшие дела. В сенатских журналах за 1730 г. заметна фиксация дел по различным департаментам [16, с.554–555]. При этом дела, поступавшие в Сенат из департаментов, уступали количественно делам, направлявшимся напрямую в общее собрание.

Однако в целом данная реорганизация не удалась. Департаменты Сената, так же как и особые канцелярские экспедиции, достаточно быстро прекратили существование. В черновых журналах за 1731 г. уже не фиксировалось поступление в Сенат дел из департаментов, есть лишь (начиная с весны) указания на то, что по резолюциям общего собрания Сената «даны записки» в воинский, юстицкий, камер-коллежский департаменты (Цит. по: [16, с.555]). Здесь речь идет уже про канцелярские экспедиции, а не про отделы самого Сената.

Есть и другие упоминания о канцелярских экспедициях Сената в 1731 г. Например, 11 октября 1731 в Сенате возникла дискуссия по поводу окладов канцелярских служащих. Требования жизни вынуждали сенаторов увеличивать штат канцелярии, но сами они стремились к его сокращению и экономии на окладах служащим. В этот день, в частности, было решено «из положенной по штату, на жалованье... (канцелярским клеркам. – *А.Ф.*) суммы убавить 1/5 и расписать по экспедициям на число служителей» (Цит. по: [16, с.570–572]).

Между тем по естественным причинам или вследствие назначений сенаторов на губернаторство, в армию и другие госорганы к концу 1731 г. состав Сената сократился (до 12 членов) и его уже не хватало для пяти департаментов. С сентября 1732 г. в журналах Сената совершенно не упоминаются даже канцелярские экспедиции. В октябре 1732 г. Сенат рассматривал вопрос о штате своей канцелярии, но о ее экспедициях никто не вспомнил [16, с.568–569]. После разделения Сената на Петербургский и Московский (1732) функционирование сенатских департаментов и канцелярских экспедиций стало совершенно невозможным.

Новые неудачные попытки «департаментской реформы» Сената будут предприняты правительством в 1739 и 1741 гг. Ее автором, по всей видимости, был А.И.Остерман, который сам позднее (1740–1741) писал: «Я всю мою жизнь к тому склонен был, чтоб в коллегиях и в самом Сенате дела между членами в некоторые департаменты разделены были...» (Цит. по: [16, с.545]).

Два Сената: Московский и Петербургский

При Петре II двор и правительственные органы находились в старой столице, при Анне Ивановне переезд двора в Петербург сначала представлялся как мера временная [13, т.20, с.463]. Эта неопределенность повлияла на организацию Сената. Сенаторы докладывали императрице, что, «когда весь Сенат был в Санкт-Петербурге, тогда на Москве была Сенатская контора, в которой был из Сенатских членов один». Анна Ивановна рассудила иначе. 17 ноября 1731 г. самодержица прислала в Кабинет записку, «писанную собственною Е.И.В. рукою», в которой она указала, кому из сенаторов к 19 января 1732 г. прибыть в Петров град [1, т.1, с.23]. В результате высший орган оказался разделен на два Сената – Московский и Петербургский (по 6–7 человек каждый).

Согласно высочайшей резолюции, Петербургскому Сенату поручалось разрешение основных вопросов государственного управления и разработка новых законов, оставшиеся же в Москве сенаторы должны

были регулировать деятельность московских коллегий и контор, «дела решать» по указам и регламентам, «а чего одним решать будет невозможно, о том писать в Сенат к полному собранию» [9, т.8, №5905]. Следовательно, несмотря на формальное равенство между ними (они взаимодействовали в документальной форме «ведений»), первостепенная роль принадлежала Петербургскому Сенату. Это подтверждается приговорами последнего. Так, 25 января 1732 г. столичный Сенат «разсуждали», что рапорты от их московских коллег впредь будут слушаться «не для какого усмотрения, но токмо для того, чтоб можно было ведать, какая в Москве в Сенате решаются дела». Через 2 дня Петербургский Сенат решил «сообщить в Москву в Сенат ведение, что отсель ведения будут присылаться за обер-секретарскою рукою» (Цит. по: [16, с.551–552]).

Раздвоение высшего органа власти оказалось малоэффективным, производительность Сената снизилась. В ноябре 1732 г. обер-прокурор Сената А.А.Маслов рапортовал императрице, что «ныне в Санкт-Петербурге сенаторей обретается 7 персон», но ходят на заседания иногда 3–4 «персоны», а чаще – только две [1, т.1, с.484–485]; «прочие-ж за болезнию, а другие бывают при дворе В.И.В. на дежурстве, и... обязаны другими делами, но все дни в Сенате не присутствуют». Маслов сообщал, что, таким образом, остановилось 209 государственных и 289 челобитчиковых дел (Цит. по: [16, с.583–584; 13, т.20, с.463–464]).

Московская Сенатская контора 8 июня 1733 г., после полугодового существования разделенного Сената, императрица приказала находившимся в Москве сенаторам к 15 июля «со всею канцеляриєю» прибыть в Петербург, а в Москве оставить «от Сената контору» во главе с сенатором, графом С.А.Салтыковым, который должен был следовать петровской «Инструкции» 1723 г. [9, т.8, №6434]. По этому регламенту Сенатская контора состояла в подчинении Сената, но 19 июня 1733 г. С.А.Салтыков прислал напрямую императрице всеподданнейшее доношение, в котором просил «определить» в его контору (согласно «Инструкции») двух ассессоров. И Анна Ивановна назначила «к сенатскому члену в товарищи» тайного советника С.Вельяминова и генерал-майора А.Панина [1, т.2, с.343–344].

22 сентября 1735 г. именным указом было запрещено привлекать к работе в Сенатской конторе президентов находившихся в Москве коллегий, чтобы не замедлять функционирование последних. Одновременно в «присутствие» Сенатской конторы дополнительно назначались князь И.Ф.Барятинский и генерал-поручики М.Я.Волков и И.В.Панин [9, т.9,

№6892; 8, т.2, №5278]. В ответ С.А.Салтыков прислал напрямую в Кабинет всеподданнейший доклад, в котором сообщал, что князь Барятинский уже отправлен в Глухов, а генерал-поручик Панин скончался и что их в «присутствии» всего двое, тогда как по закону апелляционные жалобы двоим рассматривать не полагается. Поскольку в контору поступает все больше «неправоввершенных дел», Салтыков просил позволения вновь в соответствии с «Инструкцией» привлекать к периодической работе в конторе членов московских коллегий, которых «довольное число» и в их работе «остановки никакой быть не может». Кабинет-министры поддержали мнение С.А.Салтыкова, что было закреплено высочайшей резолюцией от 4 июля 1736 г. [9, т.9, №7003; 9, т.2, №5552].

Таким образом, в 1730-е гг. сложилась практика непосредственного взаимодействия Сенатской конторы и Кабинета, что ставило ее фактически в равное с Сенатом положение. Это заметно не только в отношениях Сенатской конторы и Кабинета министров, но и в характере ее обращений к находящимся в Москве коллегиям и канцеляриям [9, т.9, №6573, 6751]. Возвышению конторы способствовало родство С.А.Салтыкова с самой императрицей.

Как главнокомандующий в Москве и как глава Сенатской конторы, Салтыков сам или по требованию «сверху» сообщал Кабинету, а иногда и императрице о важнейших московских событиях. Например, 29 мая 1737 г. он доносил в Кабинет о большом пожаре в Москве. Сенат узнал об этом пожаре из другого источника, после чего взялся изучать масштаб бедствия, принимать меры и т.д. [1, т.6, с.344; 9, т.10, №7270, 7271].

Сенат не всегда был готов терпеть самостоятельную деятельность своей московской конторы. Например, 23 декабря 1737 г. он запретил конторе назначать на службу князя Волконского, находившегося в отставке по именному указу от 1732 г., «так-ж и других таких... оной конторе без сношения с Пр. Сенатом к делам не определять» [9, т.10, №7452]. Сенат требовал от конторы скорейшего выполнения указов. Так, в связи со случившимся в 1735 г. голодом в ряде районов страны Сенат предписывает московской конторе подтверждать повсюду «крепкими указами, дабы в пропитании неимущих людей и крестьян чинено было по силе состоявшихся Е.И.В. указов неотменно» [9, т.9, №6747].

В конце аннинского царствования¹, продолжая считать Сенатскую контору своим важным подразделением, Сенат запрашивал у нее сведе-

---

¹ *Данным термином обозначаем принадлежность событий к царствованию императрицы Анны Ивановны (не путать с Анной Леопольдовной, которая являлась правительницей или регентшей при императоре-младенце Иване VI в 1740–1741 гг.).*

ния по тому или иному вопросу. В это время произошли новые изменения в составе конторы. 25 мая 1739 г. в «присутствие» конторы был «определен» новый московский генерал-губернатор князь И.Ю.Трубецкой [9, т.10, №7621, 7819]. А 30 мая было предписано два дня в неделю заседать в Сенатской конторе и московскому вице-губернатору Б.Г.Юсупову [8, т.2, №7042]. В 1740 г. среди членов московского отделения Сената появились также генерал-майор Н.И.Румянцев и действительный статский советник Н.П.Салтыков [16, с.560].

10 января 1740 г. из Сенатской конторы поступило в Кабинет сообщение о выдаче жалованья служащим Сысского приказа. 28 марта 1741 г., т.е. уже при Иване VI, Кабинет наложил резолюцию: решать в Сенате и в дальнейшем Сенатской конторе «о всяких делах», в Кабинет, минуя Сенат, не обращаться [8, т.3, №8352]. Но глава Сенатской конторы продолжит присылать доношения в Кабинет. 6 июня 1741 г. «министры» напомнили ему о прежней резолюции и снова переслали в Сенат доклад Сенатской конторы «о награждении трех лиц рангами» [9, т.11, №8356]. Таким образом, в 1741 г. влияние С.А.Салтыкова ослабевает и кабинет-министры стремятся восстановить порядок, положенный по петровской «Инструкции».

Должность прокурора Сенатской конторы к концу царствования Анны Ивановны оказалась вакантной. Генерал-прокурор князь Трубецкой подал всеподданнейший доклад о назначении на нее обер-кригс-коммиссара, полковника А.Щербинина с повышением до бригадира. То и другое было утверждено уже в регентство Э.И.Бирона именованным указом от 3 ноября 1740 г. Но через несколько дней регент был свергнут, а существование прокуратуры оказалось под вопросом (об этом ниже). В итоге Щербинин прокурорской должности исполнять не стал и вместо него никто назначен не был [3, с.157].

Канцелярия Сената

Возвращаясь к вопросу о структуре сенатской канцелярии в царствование Анны Ивановны, отметим, что помимо кратковременно действовавших новых экспедиций ее организация в 1730-е гг., в основном, сохранила тот же облик, что и в 1727–1730 гг. Хотя периодически предпринимались меры по совершенствованию ее взаимодействия с «присутствием» сенаторов. В мае 1737 г. был издан указ о порядке доклада и слушания дел в Сенате, а в августе – о порядке приема прошений, причем сенаторам предписывалось не принимать их самим, минуя обер-секретарей [9, т.9, №7258, 7351]. 17 октября 1739 г. понуждаемые кабинет-министрами се-

наторы постановили, чтобы «челобитчиковы» дела докладывались Сенату не в хронологическом порядке их поступления, а начиная с того, «что может прежде поспеть» [9, т.10, №7921].

Согласно имеющимся данным о фактическом штате сенатской канцелярии за 1737 г. в ней состояли: 2 обер-секретаря, 6 секретарей, 1 переводчик, 2 протоколиста, 1 регистратор, 13 канцеляристов, 9 подканцеляристов, 19 копиистов, 12 дворян, «обретающихся» при Сенате, и 3 сторожа [9, т.10, №7404].

Сенаторы самостоятельно назначали (или переводили по должностям) секретарей и приказных служащих сенатской канцелярии. Но ее функционирование также регулировал Кабинет министров. Например, 5 августа 1737 г. высший орган власти приказал сенаторам: 1) следить, чтобы сенатские секретари не только составляли и рассылали указы, но и отслеживали их исполнение; 2) «тотчас подать ведомость» о личном составе секретарской части Сената. Сенаторы мгновенно приступили к выполнению данного «приказа» (Цит. по: [16, с.574]). Причиной интереса кабинет-министров к составу сенатской канцелярии стал именно указ от 21 октября 1737 г., в котором объявлялось, что «Е.И.В. известно учинилось, что в Сенате, Синоде... секретарей и канцелярских служителей достойных, кто смысл и разсуждение имеют, и, по званиям чинов своих, врученныя им дела исправлять могут, весьма мало...», что «в губернии и провинции в секретари едва ли не все такие произведены». В ответ на данные распоряжения сенаторы по предложению обер-прокурора 3 июня 1738 г. решили организовать в Сенате и Сенатской конторе испытание на знание делопроизводства секретарям и канцелярским служащим коллегий и губернских органов [9, т.10, №7410, 7590].

К концу аннинского царствования штат сенатской канцелярии по некоторым должностям понес потери. Инициатором его восстановления стал генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой, который (2 августа и 18 сентября 1740 г.) напомнил сенаторам, что по действовавшему петровским указам в канцелярии Сената полагалось иметь регистраторов и экзекуторов, которых к 1740 г. фактически не было. В обоих случаях сенаторы поддержали мнение генерал-прокурора и назначили предложенных им кандидатов.

В царствование Ивана VI общий состав сенатской канцелярии включал: 2 обер-секретарей, 6 секретарей, 1 переводчика, 2 протоколистов, 1 регистратора, 12 канцеляристов, 13 подканцеляристов, 43 копииста, 6–12 «дворян канцелярии», 1 переплетчика и 3 сторожей [3, с.145–146].

Режим работы.**Посещения заседаний.****Волокита**

Относительно графика работы сенаторов отметим, что уже в начале аннинского царствования, 12 и 16 января 1731 г. сенаторы сами поставили вопрос о времени приезда на заседания и решили заседать 4 раза в неделю с 7 часов, отсутствующие же члены должны были заранее предупреждать остальных [16, с.582–583]. Но в действительности сенаторы прибывали в «присутствие» в разное время и кворум часто отсутствовал. Переезд Сената в Петербург ничего в этом плане не изменил. На заседании 25 ноября 1732 г. обер-прокурор Сената Маслов предложил, чтобы секретари обходили отсутствовавших сенаторов для закрепления протоколов на дому, что напоминает практику подписания протоколов верховниками при Петре II (См. подробнее: [15, с.63–64, 142–144]). Сенаторы предложение обер-прокурора тогда проигнорировали.

17 сентября 1733 г. Маслов доносил императрице, что сенаторы прибывают на заседания «гораздо поздно... не вдруг и один другого дожидаются, сидя без дела праздно». Затем, когда собираются двое–трое сенаторов, «то хотя и начнут какое дело слушать, но потом станут приходиться другие и для всякого те дела начинают слушать вновь»; а приехавший последним и не слышавший всего доклада сенатор «разсуждением своим чинит затруднение». Он напоминал, что в царствование Петра I при чрезмерном накоплении нерешенных дел сенаторы заседали «в день по дважды», что полезно было бы возобновить [1, т.2, с.457]. В ответ на это донесение императрица через Кабинет 12 октября 1733 г. «накрепко» повелела «в определенные дни съезжаться в Сенат, кончае всему собранию в один час, а именно в 7 часов пополудни... и сидеть пять часов до 1-го часа пополудни» [9, т.9, №6499; 8, т.2, №4762]. Эти «крепкие» подтверждения мало что изменяли. Например, в одном из журналов, составленном после издания названного указа, зафиксировано, что один сенатор прибыл в 8-м часу, трое – в 9-м часу, еще двое – в 11-м часу и т.д. [5, ч.1, с.25–26, 41–42, 53, 56]. Извещения же о неприсутствии зачастую присылались в день заседания. Отсюда понятно, почему предписания об обязательном времени приезда сенаторов на заседания приходилось издавать снова и снова (в 1737, 1739 гг.) [9, т.9, №7195, 7198, 7356, 7818].

11 декабря 1738 г. сенатскому обер-прокурору Ф.И.Соймонову в Кабинете был объявлен резкий выговор от императрицы за нарушение «Должности» (т.е. должностной инструкции. – *А.Ф.*). Из этого выговора узнаем о ходе типичных заседаний Сената: «Сенаторы в присутствии своем... неблагочинно сидят, и, когда читают дела, они тогда об них не внимают для того, что имеют между собою партикулярные разговоры и

при том крики и шумы чинят, велят те дела читать вновь, отчего в делах продолжение и остановка чинится. Тако ж в Сенат приезжают поздно и не дела делают, но едят сухие снятки, крендели и рябчики и указных часов не высиживают...». Императрица «со гневом» повелела обер-прокурору, чтобы «впредь никому в том не упущал... а ежели кто из сенаторов что противно будут чинить, о том бы протестовал и записывал в журнал и всеподданнейше Е.И.В. доносил» [1, т.8, с.477].

Сенатская волокита была постоянным спутником в его деятельности, что вызывало многочисленные жалобы и суровые указы императрицы и ее «министров». Так, в именном указе от 6 мая 1736 г. было объявлено, что императрице «известно учинилось», что в Сенате и других органах, дела просителей «медленно производятся и колодников по... делам весьма умножились и сидят не токмо по году и по два, но и по десяти лет и больше...» [9, т.9, №6952]. 1 июля 1737 г. Кабинет потребовал от Сената, наконец, «удовольствоваться деньгами» подрядчиков, поставлявших материалы для строительства Кронштадтского канала (Цит. по: [16, с.538–539]). В 1738 г. Кабинет министров неоднократно требовал от Сената и других органов ускорить решение текущих дел. В 1739 г. Кабинет сделал строгое замечание Сенату за то, что он более 6 лет не «учинил решения» по жалобе государственных крестьян Олонецкого уезда, разоренных «правежами» недоимок. В марте 1739 г. кабинетской резолюцией, подписанной императрицей, Сенату жестко выговаривалось за промедление в составлении окладной книги [1, т.8, с.8, 24, 40, 88; т.10, с.412; т.9, с.251].

Причины сенатской волокиты состояли не только в нерадивости сенаторов. Во-первых, некоторые сенаторы исполняли также обязанности президентов коллегий или канцелярий [5, ч.1, с.289; ч.2, с.197, 200]. Во-вторых, Сенат нередко годами ожидал от центральных и местных органов материалы, которые ему требовались для принятия решений или для составления справок по запросам «министров» [1, т.10, с.6, 87, 488, 610–611, 688].

Между тем сами сенаторы недостаточно внимательно разбирали зачитываемые им дела, что приводило к формализму и чрезмерно высокому значению канцелярского аппарата Сената. Например, из особого мнения сенатора П.П.Шафирова узнаем, что по «сомнительному» делу княгини Голицыной и бывшего ее крепостного человека Бабкина (1736) в Сенате было решено пересмотреть «определение» Юстиц-коллегии, сенаторы приказали канцелярии составить выписку и доложить дело в общем собрании, но затем вместо этого «уже все, подписав, ко мне последнему оное определение прислать сообщить... приказали», причем итоговое решение было «определено... по дворам» сенаторов (Цит. по: [1, с.585–586]).

При Анне Леопольдовне для борьбы против волокиты внедряется новый институт контроля над управленческими структурами. 12 ноября 1740 г. была учреждена дополнительная должность рекетмейстера, которую занял полковник А.Фенин. В «Инструкции» за подписью правительницы ему предписывалось «быть... при Дворе Нашем безотлучно» и «подаваемые Нам челобитныя рассматривать по примеру должности генерала-рекетмейстера» [3, с.14–15]. Он должен был представлять правительнице только те прошения, которые «до собственной резолюции Нашей касаются», а остальные направлять в Сенат [9, т.11, №8288; 12, т.2, с.126–219].

27 ноября 1740 г. специальным указом регентша выразила неудовольствие, что в Сенате, коллегиях и канцеляриях по челобитничковым делам «не только в определенном сроке, но и чрез долго-прошедшие времена и годы решения не чинятся». Отчего просители разоряются, «что Нам слышать не иначе как зело прискорбно». Таким челобитчикам было дозволено подавать жалобы на имя императора Ивана VI рекетмейстеру А.Фенину [9, т.11, №8293; 8, т.3, №8041].

Между тем 3 марта 1741 г. Анна Леопольдовна отправила в отставку своего благодетеля фельдмаршала Б.Х.Миниха, а на следующий день именным указом придворный рекетмейстер А.Фенин был отстранен, сама должность ликвидировалась [9, т.11, №8345; 8, т.3, №8300; 12, т.3, с.43–44]. Принимать челобитные на высочайшее имя снова стали кабинет-министры. За недолгий срок пребывания в должности А.Фенин успел отличиться взяточничеством [3, с.16–17], но причиной его отстранения стало не это².

Генерал-рекетмейстер

Несостоявшийся придворный рекетмейстер предназначался для приема всеподданнейших прошений, стандартная же процедура обработки челобитных была связана с деятельностью сенатского генерал-рекетмейстера. Эта должность была восстановлена самим Сенатом 5 марта 1730 г. Объясняя свое решение, Сенат 8 апреля докладывал императрице: «Такия челобитныя многие подают и утруждают В.И.В. непрестанно,

---

² С.М.Соловьев, учитывая временную близость постановлений об отставке Миниха и о ликвидации придворного рекетмейстера, резонно предположил, что именно «первый министр» был инициатором постановления о подаче жалоб императору на волокиту Сената и центральных органов. Отставка Миниха прекратила деятельность нового института [13, т.21, с.42].

также и в Сенате от таких-же многих челобитчиков в настоящих делах остановка происходит» (Цит. по: [16, с.587]). 16 апреля генерал-рекетмейстером был назначен А.Бибилов, выбранный императрицей из пяти кандидатов [8, т.2, №3745]. В указе о восстановлении рекетмейстера особо проговаривалось, чтобы челобитные теперь подавались А.Бибилову, а не Сенату, также предписано не направлять в Сенат «таких челобитен... которые надлежит подавать в Коллегиях и Канцеляриях» [9, т.8, №5534].

Вскоре после назначения генерал-рекетмейстера власти попытались отрегулировать процесс подачи прошений. 23 апреля 1730 г. вышел манифест, которым строго подтверждались прежние, никем не соблюдаемые указы о запрете подавать челобитные на высочайшее имя. Императрица вновь потребовала от подданных обращаться с прошениями в «надлежащая Судебная места» (сначала – воеводам, затем – губернаторам, после них – в Юстиц-коллегию, на решения коллегий можно было жаловаться в Сенат через генерал-рекетмейстера) [9, т.8, №5546]. Таким образом, несмотря на все увещевания, русские люди в поисках «правды» и «защиты» обращались напрямую к государю.

Петровским законодательством, на фундаменте которого воссоздавалась должность рекетмейстера, последнему повелевалось «быть под ведением Сената», но сенаторы считали рассмотрение челобитных тягостной обязанностью. Не случайно на заседании 25 октября 1731 г. сенатор Д.М.Голицын заговорил о желательности выведения рекетмейстерской конторы из состава Сената, «понеже... к сенатскому правлению те дела не надлежат» (Цит. по: [16, с.589–590]). Впрочем, дальше «разсуждений» дело не пошло.

Непрерывный поток челобитных и загруженность сенаторов более важными делами должны были гарантировать стабильность существования рекетмейстера, но в действительности было иначе. 30 января 1736 г. А.Ю.Бибилов был переведен на должность иркутского вице-губернатора. По прошествии 5 месяцев (12.07.1736) Сенат попросил Кабинет назначить нового рекетмейстера, «министры» ничего не ответили. Еще через полтора года (19.12.1737) Сенат повторяет свое «представление». Однако пройдет еще 4 месяца, прежде чем, в ответ на новое доношение Сената (23.04.1738) о том, что «рекетмейстер нужно потребен», состоится резолюция императрицы о назначении рекетмейстером из предложенных кандидатов советника Юстиц-коллегии князя Ф.А.Щербатова [9, т.9, №6876; 1, т.1, с.49, 314; т.6, с.730; т.7, с.344–345]. Следовательно, несмотря на объективную потребность в данной должности, она оставалась вакантной более двух лет.

Генерал-прокурор

Сенаторы, восстановившие должность рекетмейстера 5 марта 1730 г., подчеркивали, что Сенат теперь будет руководствоваться петровским регламентом от 27 апреля 1722 г. [9, т.6, №3979]. Но возобновить должность генерал-прокурора, этого «беспокойного блюстителя и напоминателя закона» [13, т.19, с.226], они не захотели.

Вопросы законности в работе чиновников, ранее входившие в компетенцию прокуратуры, интересовали правительство новой императрицы. Так, в том же марте 1730 г. Анна Ивановна подписала указ, которым напоминала правительственным чиновникам о необходимости вести дела по совести [13, т.19, с.227]. И в то же время 15 мая 1730 г. был навсегда ликвидирован такой институт контроля, как фискалитет [9, т.8, №5557].

Спустя 6 месяцев после восстановления в правах Сената должность генерал-прокурора все-таки была реанимирована. 2 октября 1730 г. императрица Анна Ивановна решила «по определению дяди Нашего и Государя» (т.е. Петра I) учредить генерал-прокурора и подчиненных ему прокуроров в центральных органах, т.к. «в государственных делах слабое чинится управление и челобитчики по делам своим справедливаго и скорого решения... получить не могут» [9, т.8, №5625]. Генерал-прокурором «покамест» был назначен П.И.Ягужинский, который пробудет на этой должности около года.

Вскоре после назначения Павел Иванович начинает играть роль связующего звена между Сенатом и императрицей, а его правительственный вес возрастает, о чем можно судить по донесениям иностранных дипломатов при русском дворе. В частности, саксонский посланник Ф.Лефорт в октябре–ноябре 1730 г. отмечал, что влияние П.И.Ягужинского усиливалось, чему способствовала его «тесная дружба с Бироном и Левенвольдами», в то время как «власть Остермана начинает упадать» [7, с.385–386]. В эти месяцы Павел Иванович неоднократно доводил до Сената различные именные указы: о назначениях должностных лиц, о денежных «выдачах», об отправке солдат к Б.Х.Миниху для фортификационных работ, о пошлинах с импортных товаров и др. Особого упоминания заслуживает его предложение от 1 ноября 1730 г. о необходимости назначить прокуроров в губернии и провинции [16, с.603] (на местах прокуроры появятся в 1733 г.). Сенат через П.И.Ягужинского часто делал доклады Анне Ивановне.

Глава прокуратуры начинает оказывать существенное влияние на высший орган власти. Росту его значения отчасти способствовало то, что, занимая пост генерал-прокурора, Ягужинский одновременно являлся

сенатором. Поэтому, надзирая за деятельностью Сената, он мог также участвовать в принятии решений.

Согласно «Должности» от 1722 г. генерал-прокурора, Ягужинский исправлял то, что ему представлялось дефектным; ведал все хозяйственные вопросы по Сенату и его подструктурам; сообщал Сенату о «протестах-доношениях» прокуроров; следил за пополнением штата прокуратуры, за правильным исполнением правосудия. Но генерал-прокурорские обязанности были для него на втором плане, его более занимало закрепление положения при Дворе. Свои функции он нередко делегировал энергичному обер-прокурору А.А.Маслову, который действовал вполне самостоятельно: делал личные доклады императрице, передавал Сенату высочайшие повеления, а временами от собственного имени предлагал решения по различным вопросам, причем последние принимались Сенатом как рекомендации генерал-прокурора [2, с.124–134].

Таким образом, восстановленный в своих правах Сенат в первый год аннинского правления не отстаивал собственных прерогатив от покушений генерал-прокурора. Его члены, как и генерал-прокурор, выжидали, старались угадать, кто именно будет оказывать решающее влияние на императрицу и кого она наделит важнейшими полномочиями. Между тем соперничество П.И.Ягужинского и А.И.Остермана продолжалось, и уже скоро ситуация при дворе в корне изменилась. Павел Иванович оказался в опале и был отправлен послом в Берлин [11, с.193, 212, 233, 271, 398, 399; 7, с.439, 441–442].

Итак, в результате интриг Остермана, Ягужинский уже в конце 1731 г. лишился должности генерал-прокурора, но на это важное место никто назначен не был. Обязанности генерал-прокурора стал исполнять сенатский обер-прокурор Маслов, который возглавлял прокуратуру до кончины в конце 1735 г. Это был крупный государственный деятель середины XVIII в.³

Возможность непосредственного обращения к императрице укрепляла авторитет А.А.Маслова в Сенате. Талантливый обер-прокурор в своих предложениях нередко предreshал вопрос, а сенаторы послушно включали в свои резолюции предложенные обер-прокурором меры. Например, он

- предлагал Сенату «способы в разсуждение», которые могли бы ускорить исполнение конкретного указа;

---

³ Еще В.О.Ключевский прославил его антикрепостнический проект 1734 г., поданный императрице Анне Ивановне [6, с.289].

- следил за пополнением вакантных должностей коллежских президентов, членов или прокуроров;
- добивался снабжения инструкциями новых назначенцев;
- делал Сенату «представления» о назначении провинциальных чиновников;
- предлагал пути усовершенствования канцелярских порядков в различных госорганах [2, с.172–173];
- сообщал сенаторам донесения коллежских прокуроров и полученные им сведения о коррупции в местном госаппарате [16, с.605–606].

При этом Маслов редко делал Сенату предложения о проведении каких-то крупных реформ (в плане делопроизводственных процедур или искоренения коррупции местных чиновников), но всегда старательно доводил до сенаторов полученную информацию. Хотя по петровской «Должности» генерал-прокурора от 1722 г. он не имел права вмешиваться в прения, имел место случай, когда А.А.Маслов пожелал вместе с сенаторами подписать доношение императрице по поводу льгот для крестьян по выплатам подушной подати [2, с.153, 159].

Помимо отправления обязанностей генерал-прокурора Маслов ведал дела, специально порученные Анной Ивановной или ее «министрами». Например, 13 марта 1732 г. ему было велено отвечать за доимочное дело, по которому он отчитывался перед императрицей или Кабинетом. В 1733 г. Маслову вместе с графом Г.И.Головкиным было поручено рассматривать «дела денежных компанейщиков», о результатах они также докладывали Кабинету министров [1, т.1, с.448; т.2, с.165, 197, 198, 235].

После смерти Маслова (05.11.1735) российская прокуратура была надолго «обезглавлена». Только 11 апреля 1738 г. Анна Ивановна «всемилоостивейше пожаловали» в обер-прокуроры Сената обер-штер-кригс-комиссара Ф.И.Соймонова [1, т.7, с.301; 8, т.2, №6558], который стал исполнять и генерал-прокурорские обязанности. По своим личным качествам генерал-майор Соймонов сильно «проигрывал» Маслову. Он пробыл обер-прокурором немногим более года и за это время успел получить два резких выговора о неисполнении своих надзирательных функций. Выговоры оказали на Соймонова определенное воздействие. Согласно представленной им самим в Кабинет ведомости (август 1739), за время обер-прокурорства Соймонова (11.04.1738–01.08.1739) Сенатом были получены 121 именной указ и 270 кабинетских «сообщений», из них не были исполнены лишь 3 указа и 4 «сообщения» [16, с.608–609].

Если обер-прокурор Маслов нередко вмешивался в принятие Сенатом определенных решений, то Соймонов, занимая эту должность, уже посто-

янно подсказывает Сенату определенные указы. Аннинский Сенат в большинстве случаев принимает предложения обер-прокурора (особенно по делам финансовым или хозяйственным [2, с.153–155, 172]). Соймонов, как и его предшественник, делал предложения по устранению канцелярских непорядков в госструктурах, сообщал о нарушениях регламентов. 21 апреля 1738 г. обер-прокурор «представил» Сенату, что «во многих местах ныне прокуроров нет»; в их отсутствие эти функции должны были исполнять обер-секретари и секретари, что не соблюдалось (Цит. по: [16, с.608]). По призыву обер-прокурора 24 апреля 1738 г. Сенат подтвердил «об исполнении того во все места». 7 мая 1740 г. этот указ будет подтвержден вновь [9, т.10, №7567, т.11, №8098].

При Маслове «вторжение» обер-прокурора в прения Сената было исключением, при Соймонове же был поставлен вопрос о превращении такого вмешательства в обязанность обер-прокурора. Кабинет был не против, но сенаторы отложили данный вопрос до «общаго собрания» и более к нему не возвращались [2, с.160]. Происходившее при Ф.И.Соймонове усиление влияния обер-прокурора на содержание сенатских приговоров являлось следствием того, что он часто являлся посредником между Сенатом и руководившим последним Кабинетом министров.

16 октября 1739 г. Соймонов был назначен генерал-кригс-комиссаром Адмиралтейской коллегии, а сенаторам было предписано на его место «в обер-прокуроры в Сенат выбрать достойного» [1, т.10, с.372–373.]. Прошло полгода, но Сенат достойного так и не подобрал, и лишь 28 апреля 1740 г. генерал-прокурором был назначен аристократ, генерал-лейтенант Н.Ю.Трубецкой [1, т.11, с.399], который оставался им до последних лет царствования Елизаветы Петровны. Восстановление знаменитой петровской должности на этот раз было обусловлено стремлением Э.И.Бирона иметь среди высших сановников своего человека в противовес и Б.Х.Миниху, и А.И.Остерману. Князь Трубецкой делал не только сообщения Кабинету министров, но и личные доклады императрице Анне, передавал сенаторам ее «изустные указы» или требования ускорить рассмотрение определенных дел. Опираясь на поручения монархини, Н.Ю.Трубецкой отдавал распоряжения соответствующим госструктурам. Кроме того, он делал доклады о назначении жалования отдельным членам Сената. 20 июля 1740 г. императрица дала князю целый ряд устных приказаний «к лучшему устройству некоторых дел управления». В ответ генерал-прокурор составил для императрицы длинный рапорт [2, с.181, 184]. Таким образом, генерал-прокурор вновь становится посредником не

только между Сенатом и Кабинетом, но и между Сенатом и самодержицей.

В своих предложениях Сенату Н.Ю.Трубецкой в основном высказывался относительно неурядков в административной практике, никаких определенных мероприятий глава прокуратуры не предлагал. Исключением является случай, когда по предложению князя Сенат «приговорил» опубликовать 1200 экземпляров указов «о правосудии подтвердительных». Более деятельно он проявил себя в деле «понуждения» различных органов ускорить решение конкретных дел. Трубецкой добросовестно следил за сенатской канцелярией, регулировал ее деятельность, назначал новых членов [12, т.2, с.222–223, 237, 509, 106, 125, 152, 216; т.3, с.406, 433], тогда как его взаимодействие с рядовыми, немногочисленными прокурорами было редким. Рамки «Должности» он превзошел в том смысле, что в отдельных случаях осуществлял надзор за деятельностью Юстиц-коллегии и Адмиралтейской коллегии не только через Сенат и прокуроров, но и напрямую, лично [2, с.185–186].

В регентство Э.И.Бирона генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой пользовался его полным покровительством. Князь успел сделать регенту доклад о восстановлении прокурорской сети в центре и на местах, и 3 ноября 1740 г. регент в принципе это одобрил [3, С.42–43]. Днем позже Сенат постановил привести указ в исполнение, но сделать ничего не успели, 9 ноября Бирон пал. После его свержения, в регентство Анны Леопольдовны Б.Х.Миних и А.И.Остерман активно выступили против самого института прокуратуры.

Личных докладов правительнице генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой не делал, но в Сенате его руководящая роль продолжала укрепляться. Сенат не отверг ни одного из предложений генерал-прокурора. Н.Ю.Трубецкой, как ему и полагалось, указывал Сенату на недостатки в деятельности, предлагал меры их исправления, но делал это теперь безапелляционным тоном [12, т.4, с.362; т.2, с.110–111; т.4, с.433]. В частности, он согласовывал различные мнения сенаторов; предлагал не утверждать приговор по «сомнительному» делу и доложить о нем Кабинету. Когда обсуждение дела вызывало дискуссию, предлагал не разрешать его «собой, не представя Е.И.В.»; в другой раз он торопил сенаторов привести в исполнение их же указ или объявлял Сенату, что тот неверно интерпретировал именной указ; или же делал высшему органу замечание за неоднозначность приговора, вызвавшую излишние вопросы Штатс-конторы. Сенат в ответ на все эти демарши своего контролера был пассивен и послушен [12, т.5, с.34, 191–192; 11, т.2, с.266; т.4, с.249, 628–629; т.3, с.419].

В регентство Анны Леопольдовны за генерал-прокурором сохранялись и его посреднические функции во взаимодействии Сената и Кабинета министров [12, т.4, с.54, 409; т.5, с.49–50, 190, 192, 200; т.2, с.115]. Более того генерал-прокурор должен был еженедельно приносить Кабинету «рапорты во известие» о решениях Сената по доношениям прокуроров, «о присутствии сенаторов в Сенате» и «о решенных в Сенате делах» [3, с.42]. Н.Ю.Трубецкой продолжал руководить сенатской канцелярией. В то же время свои надзирательные обязанности он исполнял не слишком регулярно. Он передавал Сенату «для рассмотрения» конкретное дело лишь тогда, когда поступали соответствующие челобитные или «приказы» от Кабинета министров [12, т.2, с.222–223, 237, 509, 106, 125, 152, 216; т.3, с.406, 433].

27 ноября 1740 г. главу прокуратуры отправили с поручением в Ригу [12, т.2, с.157]. Две недели спустя, 15 декабря, именным указом были назначены обер-прокуроры при Сенате и при Синоде, однако относительно назначения прокуроров в коллегиях и губерниях предписано «по прежнему указу (состоявшемуся при регенте Э.И.Бироне. – *А.Ф.*) исполнения не чинить, понеже об оных имеет быть рассмотрение вновь» [3, с.43–44].

При генерал-прокуроре Н.Ю.Трубецком до середины 1740-х гг. обер-прокурорами были И.И.Бахметев (04.11.1740–17.09.1741), а после него И.О.Брылкин (18.09.1741–16.09.1745) [12, т.2, с.88–89, 93, 446, 142–143; т.4, с.419, 467]. В своей деятельности они ничем себя не проявили. Причем первый из них, получив назначение в обер-прокуроры, вступать в должность не стал, пока не будет решен вопрос о прокуратуре вообще. Косвенно это одобрил Кабинет, который приказал подписывать сенатские рапорты генерал-рекетмейстеру [12, т.2, с.305, 295–296]. Следовательно, с ноября 1740 г. по июнь 1741 г., пока генерал-прокурор находился в командировке, другие прокуроры перестали действовать. 29 декабря 1740 г. Анна Леопольдовна «всемилоостивейше указали», что лица, назначенные в прокуроры, могли вернуться на «прежние места». Сенат составил список лиц, которых «из прокуроров» назначить к «сенатским делам», а «протчих отстранить вовсе». Но Кабинет не утвердил этот документ и прислал Сенату запрос, следует ли взамен прокуроров «какие чины определить?» 11 апреля 1741 г. сенаторы отвечали министрам, что Сенат других чинов предложить не может и рекомендует поручить их обязанности президентам коллегий, губернаторам и воеводам. На этом обсуждение данного вопроса обрывается. Все новоназначенные по указу от 3 ноября 1740 г. прокуроры в итоге были отставлены (за исключением сенатского обер-прокурора) [3, с.44, 45]. Тем временем Н.Ю.Трубецкой возвратился

из Риги и вернулся к своим генерал-прокурорским обязанностям, а уже через 5 месяцев правительство Анны Леопольдовны было свергнуто.

Герольдмейстер

Помимо уже рассмотренных должностей при Сенате действовал также герольдмейстер. На смену И.Н.Плещееву в 1731 г. герольдмейстером был назначен П.А.Квашнин-Самарин, который пробудет на этой должности все аннинское царствование. По «Инструкции» от 5 февраля 1722 г. [9, т.6, №3896] он, как и его предшественник, должен был заниматься составлением списков недорослей, служащих и отставных дворян, следить за отправлением дворянской службы, устраивать школы, возглавлять работу по составлению гербов и т.д. Находясь в ведении Сената, герольдмейстер теперь получал также «приказы» Кабинета министров. В частности, составив списки дворян, герольдмейстер докладывал их Сенату, затем сообщал о них же в Кабинете, где решалось «кого куда определить и отставить надлежит». Далее по докладам «министров» реестры дворянских фамилий утверждались императрицей, после чего отсылались назад в Сенат для исполнения [1, т.1, с.387, 389, 390, 128, 135; т.2, с.578; т.3, с.13, 476]. Кроме того, герольдмейстер предлагал Сенату кандидатов на освободившиеся места воевод [1, т.3, с.429–430, 484–485, 557–558], а также составлял списки вновь назначенных воевод, эти назначенцы затем (в 1733–1734 гг.) направлялись для смотра в Кабинете министров.

Изданные в 1730-е гг. постановления в отношении деятельности герольдмейстера укладывались в рамки петровского законодательства. К числу подобных актов можно отнести указ от 7 января 1732 г., строго предписывавший недорослям 15 лет и старше, а также получившим в 1725–1730 гг. отставку молодым офицерам, которые «к делам не определены», прибыть в Сенат в июне 1732 г. 9 февраля 1737 г. был издан именной указ о проведении смотров недорослей, их «освидетельствования в науках» и назначения на службу с 20 лет. 19 февраля 1737 г. было предписано «определять» «вечно в матросы» достигших этого возраста молодых дворян, которые явятся на службу не обученными никаким наукам [9, т.8, №5927; т.10, №7171, 7182].

Хотя кабинет-министры в некоторых случаях обращались к герольдмейстеру напрямую, по текущим вопросам он был подотчетен Сенату. 23 июня 1732 г. Сенат приказал герольдмейстерской конторе составить и прислать сенаторам «исправный список находящимся в отставке генералитету, штаб, обер и унтер-офицерам... и царедворцам». Одновременно Сенат поручил герольдмейстеру сравнить новые списки с имеющимися в

распоряжении Военной и Адмиралтейской коллегий, в артиллерийской и полковых гвардейских канцеляриях. 10 октября Сенат напоминал герольдмейстеру о необходимости вносить в актуальные списки «по прошествии сроков» также дворян, уволенных от службы [9, т.8, №6102, 6222]. 10 января 1739 г. Сенат приказал герольдмейстерской конторе «впредь, как из офицеров, так и из дворян, никуда без определения Пр. Сената (к делам, – *А.Ф.*) не отсылать». 7 мая Сенат поручил герольдмейстеру уведомлять губернаторов и воевод о тех штаб-, обер-офицерах и рядовых, «кои, по рассмотрению Пр. Сената, назначены к делам и отпущены в дома», «кто, когда и на какой срок отпущены» [9, т.10, №7726, 7799]. 23 июля 1739 г. Сенат предписал герольдмейстеру отобрать 120 человек из находящихся в отпуске офицеров и дворян из «лучших знатных и пожиточных людей», «росписать их пополам» и приказать им проживать в Москве или Петербурге в зависимости от близости их деревень погодно по 30 человек. Эти кадры герольдмейстер мог использовать для заполнения «убылых мест». Герольдмейстеру было приказано периодически сообщать Сенату свое мнение по поводу назначения молодых людей на службу в местные госструктуры [9, т.10, №7858]. В марте 1740 г. конторе было приказано составить погодный список «об отставных генералитете, штаб и обер-офицерах... тако-ж и о шляхетстве учинить список же, кто в котором году был на смотре, а по смотру куда назначен» [9, т.11, №8049].

Сами сенаторы следовали в этом деле указаниям Кабинета, стремившегося, например, наилучшим образом организовать гражданскую службу и регулярное пополнение молодежью статских чинов. При этом Кабинет давал «приказы» герольдмейстеру не только через Сенат, но и напрямую. Так, 23 мая 1739 г. из Кабинета было объявлено повеление Анны Ивановны из трех пунктов: 1) отобрать 20 человек «из русских кадетского корпуса, достойных впредь для посылки к министрам, обретающимся при чужестранных дворах»; 2) выбрать также еще 20 кадетов, способных «к гражданству», чтобы потом назначать их секретарями в Сенат, а затем – членами коллегий; 3) отобрать для Военной коллегии достойных молодых людей и т.д.

Данное поручение императрицы было расширено в «приказе» кабинет-министра А.П.Волынского об отборе 60 русских дворян «остраго ума», «понятных к наукам» для назначения к делам дипломатическим, гражданским и архитектурным [1, т.9, с.500; т.10, с.99].

Правительство в это время обращало внимание и на склонности молодых дворян к определенному виду деятельности. Например, 24 марта 1740 г. вышел сенатский указ, которым предписывалось назначать служилых людей к «приказным делам, по их желанию, а не по принуждению».

При этом власти внимательно следили за исполнением дворянами служебных обязанностей. Именным указом от 7 августа 1740 г. подтверждалось, что только Сенат имеет право увольнять дворян от службы. Сенату было приказано ежемесячно подавать в Кабинет рапорты «об отставленных от службы». Разъяснялось также, что начало службы следует отсчитывать с 20 лет, не включая учебу в Кадетском корпусе и других учебных заведениях [9, т.11, №8043, 8195].

Таким образом, в конце 1730-х гг. вплоть до 1740 г. заметна активизация законодательства, касавшегося деятельности герольдмейстера, что было связано с началом реализации после завершения русско-турецкой войны (1735–1739) манифеста от 31 декабря 1736 г. о 25-летнем сроке дворянской службы [9, т.9, №7142].

В регентство Э.И.Бирона завершилась карьера герольдмейстера статского советника П.А.Квашнина-Самарина. 6 ноября 1740 он был уволен, и с января 1741 г. герольдмейстером становится бывший прокурор Адмиралтейской коллегии, бригадир Н.М.Желябужский [3, с.146].

Выводы

Таким образом, структурные подразделения Сената в 1730–1741 гг. пережили ряд трансформаций, которые не были сознательно спланированы, реализовывались на практике под влиянием сиюминутных факторов, с частыми попятными движениями. Эти метаморфозы были связаны как с текущими административными нуждами, так и с придворной диспозицией. Впрочем, основные звенья прежней сенатской организации сохранились.

Структура Сената в первые годы аннинского царствования прошла через две незавершенных реорганизации: «департаментская реформа» и разделение Сената на два госоргана. Первая мера была инициирована именным указом, вторая была вызвана неоднозначностью вопроса о месте будущей столицы. Но и то, и другое не удержалось. Первое – по причине отсутствия политической воли, второе – вследствие практических неудобств (собрать два кворума труднее, чем один), а также окончательного возвращения двора в Петербург. В итоге произошел возврат к практике московского представительства петербургского Сената. На примере Сенатской конторы в 1730-е гг. прослеживается определяющее влияние личного фактора на положение государственного органа. Сенатская контора в это время ведет себя самостоятельно в отношении Сената и московских управленческих структур. Кроме того, в 1730–1741 гг. постоянно стоял вопрос о недостаточности «присутствия» конторы, что решалось

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЕНАТА В 1730–1741 гг.

сначала приглашением представителей московских коллегий, затем привлечением крупных московских чиновников к периодическому участию в ее заседаниях.

Для работы Сената в 1730–1741 гг. перманентно была характерна сильнейшая волокита. К ее причинам относились абсентеизм сенаторов, наличие у его членов других обязанностей, а также промедления центральных органов и местных властей. Но гневные указы Анны Ивановны, которые не имели для сенаторов никаких последствий, мало что изменяли. Не были приняты и предложения обер-прокурора А. Маслова о проведении заседаний дважды в день. Процесс принятия решений отличался формализмом и большой ролью сенатского канцелярского аппарата.

Разделение Сената на департаменты привело к выделению пяти экспедиций в его канцелярии, в чем по факту (на непродолжительное время) и воплотилась «департаментская реформа». Затем перераспределение сенатской канцелярии между Петербургским и Московским Сенатами упразднило это отраслевое деление. В 1730–1741 гг. Сенат сам руководит своей канцелярией, но Кабинет министров также контролирует ее работу и следит за ее личным составом. Несмотря на попытки сенаторов экономить на приказных служителях, общий состав канцелярии постепенно возрастал.

Огромная масса челобитных, которая начинает поступать в Сенат как высший орган власти, предопределила то, что одним из первых «реставрационных» мероприятий стало восстановление чина генерал-рекетмейстера. Но, столкнувшись с обременительными челобитничковыми делами, сенаторы не пытались найти конструктивного выхода из этой ситуации. Напротив, они

- либо искали возможность исключения рекетмейстера из своей зоны ответственности;
- либо вновь и вновь объявляли просителям, чтобы те подавали челобитные сначала в нижестоящие инстанции;
- либо, когда место рекетмейстера оказалось вакантным, время от времени вспоминали о необходимости эту вакансию закрыть.

Челобитные отнимали много времени и нервировали не только монархов, но и сенаторов, однако и для первых, и для вторых обращения просителей были не особенно важны. И яркие тому подтверждения – двухгодичная вакансия генерал-рекетмейстера при Анне Ивановне и кратковременность функционирования дополнительного рекетмейстера при Анне Леопольдовне.

Существование должности генерал-прокурора зависело от придворной обстановки и было крайне противоречивым. Свою роль здесь сыграв

ли как ее политический характер, так и отождествление ее с П.И.Ягужинским – первым и единственным петровским генерал-прокурором. В 1730–1741 гг. данная должность испытывала следующие пертурбации. Сначала Сенат отказывается ее восстанавливать. Затем ее возобновляет сама Анна Ивановна и поручает П.И.Ягужинскому. Далее последний, проиграв борьбу за влияние на императрицу, был устранен А.И.Остерманом; на влиятельный пост никто не назначается, обязанности генерал-прокурора, как и в годы существования Верховного тайного совета, стал исполнять его заместитель. Случалось, что и место обер-прокурора годами пустовало, число же прокуроров в коллегиях и провинциях сокращалось. В конце аннинского царствования с подачи Э.И.Бирона и с целью оппозиции А.И.Остерману пост генерал-прокурора был снова замещен (Н.И.Трубецким). Но далее – в регентство Анны Леопольдовны (правительство в руках А.И.Остермана) – начинается полная ликвидация института прокуратуры. Однако замедленные темпы принятия решений в то время и кратковременность данного режима не позволили реализоваться этой инициативе.

Посредническая роль обер-прокурора (а затем и генерал-прокурора) во взаимодействии Сената с «высокоучрежденным» Кабинетом в 1731–1741 гг. чем далее, тем более усиливала его влияние на процесс принятия сенатских решений. А.Маслов и Н.Трубецкой к тому же имели высочайшие поручения, по которым они отчитывались перед самой императрицей или кабинет-министрами.

Необходимость четкого контроля над служилым сословием (основной источник кадров офицеров и чиновников) делала стабильным положение герольдмейстера. Находясь в подчинении Сената, герольдмейстер с появлением Кабинета министров стал подотчетен обоим высшим органам. Его обязанности в 1730–1741 гг. были в основном неизменны, хотя с конца 1730-х гг. они более тщательно регламентируются, поскольку начало реализации манифеста о 25-летнем сроке службы дворян потребовало систематизации в учете дворянской службы и обучении недорослей.

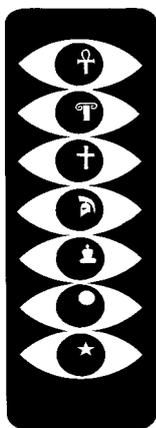
Библиографический список

1. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. Т.1–12 / Ред. А.Н. Филиппов // Сборник императорского русского исторического общества (далее – РИО). Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1898–1902, 1904–1907, 1910, 1912, 1915. Т.104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 129, 138, 146.
2. Веретенников В.И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. Харьков: Тип. фирмы «Адольф Дарре», 1915. 405 с.
3. Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции: В 2 кн. / Сост.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЕНАТА В 1730–1741 гг.

- А.С.Пестов, В.С.Лазовский. М.: Тип. Л.Ф.Снегирева, 1886. Кн.2. Высшие государственные учреждения С.137–226.
4. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Ред. Н.В.Калачов, Н.Ф. Дубровин. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880, 1888, 1891. Т.1; 4, ч.1–2.
  5. Журналы Правительствующего Сената за 1737 год / Ред. А.Н.Филиппов. М.: Тип. Москов. археолог. ин-та, 1910–1911. Ч.1–2.
  6. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Ред. В.Л.Янин. М.: Мысль, 1989. Т.4. Курс русской истории. Ч.4. 400 с.
  7. Лефорт Ф. Донесения... Сообщено из дел Саксонского гос. архива в Дрездене / Ред. Э.Герман // РИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. Т.5. 511 с.
  8. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве за XVIII век / Сост. П.Баранов. СПб.: Сенат. тип., 1875, 1878. Т.2–3.
  9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: В 45 т. / Ред. М.М.Сперанский. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т.4–9. 1700–1736 гг.
  10. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. Ч.1–8 / Ред. Н.Ф.Дубровин // РИО. СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1886–1889, 1891, 1893, 1894, 1898. Т.55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101.
  11. Рондо К. Донесения... Сообщено из англ. гос. архива Министерства иностранных дел // РИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1889. Т.66. 681 с.
  12. Сенатский архив. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1889–1892. Т.2–5.
  13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен / Ред. Л.В.Черепнин. М.: Соцэкгиз, 1963. Кн.10–11 (Т.19–21).
  14. Указы, письма, бумаги и резолюции Петра I / Ред. А.Ф.Бычков // РИО. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1873. Т.11. 565 с.
  15. Фаизов А.В. Высшее управление в России в первые послепетровские годы: Верховный тайный совет и Высокий Сенат. СПб.: НОИР г. Санкт-Петербург, 2015. 202 с.
  16. Филиппов А.Н. Правительствующий Сенат в царствование Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича // История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. СПб.: Сенат. тип., 1911. Т.1. С.479–640.

Нина Хайлова

«ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ИЗБЕГНУТЬ РЕВОЛЮЦИИ – ЭТО ЕЕ СОВЕРШИТЬ»

ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА
КНЯЗЯ В.М.ГОЛИЦЫНА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47)''1900–1918''

В статье впервые дан комплексный анализ взглядов кн. В.М.Голицына на революцию в России. Московский городской голова, активный участник революционных событий 1904–1905 гг., он и впоследствии оставался авторитетной фигурой в либеральном движении, фактически примкнув к центристскому течению в нем (между кадетами и октябристами). Президент московского Клуба независимых (1906–1908), член ЦК Партии прогрессистов (1912), Голицын поддерживал объединительные тенденции в среде сторонников «мирного обновления» России, обосновывал необходимость созидательных усилий «умеренной» оппозиции на пути построения правового государства, считал приоритетными сферы образования и культуры, развитие местного самоуправления. По его мнению, революция в России явилась закономерным следствием режима самодержавия; она развивалась на протяжении длительного времени, не ограничиваясь рамками 1905–1907 гг. и событиями 1917 г. Взгляды Голицына по данной проблеме воссозданы на основе его дневника (в значительной мере не опубликованного) за период начала 1900-х – 1918 гг.

The article offers the first comprehensive analysis of Prince V.M.Golitsyn's attitudes to the Russian revolution. V.M.Golitsyn was the Mayor of Moscow and an active participant of revolutionary events in 1904–1905. Subsequently Golitsyn remained to be a person of influence in the liberal movement. In fact, he took the side of centrist current in this movement and took up position between Constitutional Democrats and Octobrists. As the President of Moscow club of independents in 1906–1908 and a member of the Progressist Party in 1912 Golitsyn supported trends to unification of the "peaceful renewal of Russia" adherents, substantiated necessity of creative efforts undertaken by the "moderate" opposition and aimed at building of state governed by the rule of law. Golitsyn thought that spheres of education and culture and development of local self-government should be the top priorities. According to Golitsyn, revolution in Russia was the expected and logical result of the autocracy. The revolution developed for a long time and did not confine itself to events of 1905–1907 and 1917. Golitsyn's opinions on the problem are reconstructed on the basis of his diary (which, to a considerable extent, remains to be unpublished) for the period from the early 1900s to 1918.

Ключевые слова: В.М.Голицын; революция в России; центризм в русском либерализме начала XX в.; Клуб независимых; «мирнообновленцы»; Партия прогрессистов.

Key words: V.M.Golitsyn; revolution in; centrism in the Russian liberalism of the early 20th century; Moscow Club of independents; adherents of "peaceful renewal"; the Progressive Party.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

В исследованиях, посвященных князю Владимиру Михайловичу Голицыну (1847–1932), главе московского городского управления и самоуправления на рубеже XIX–XX вв., видному общественному деятелю¹, центральное место по праву занимают его труды на посту московского городского головы (1897–1905) [2; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 17]. Во многом стараниями Голицына была проведена масштабная модернизация городского хозяйства (водоснабжение, канализация, транспорт и др.), обеспечены рост и качественное обновление социально-культурной сферы (здравоохранение, общественное призрение, образование, культура)². В ноябре 1905 г. Дума избрала своего руководителя

¹ С 1869 г. находясь на государственной службе, в 1880-е гг. Голицын последовательно занимал должности московского вице-губернатора (1883–1887) и губернатора (1887–1891). Камергер (с 1888), действительный тайный советник, он еще в молодости увлекся общественной деятельностью. В 26-летнем возрасте, будучи избранным гласным московской городской думы, продолжал исполнять эти обязанности на протяжении 35 лет (1873 – декабрь 1908 г.), участвуя и в работе губернского земства. Почетный мировой судья в Москве (1894–1908), Голицын был инициатором образования, членом и главой многих благотворительных заведений, разного рода комитетов, обществ, в т.ч. председателем Попечительского совета Третьяковской галереи (с 1899 г.), тов. почетного председателя (с 1895 г.) Комитета по устройству Музея прикладных знаний (Политехнического) в Москве, членом Попечительских советов Московского городского народного университета имени А.Л.Шанявского (председатель с 1912 г.), Высших женских курсов, Мазуринского приюта, членом Комиссии по устройству Бахрушинского приюта-колонии и др.

² По инициативе Голицына к 1901 г. был реконструирован Мытищинский водопровод, а в январе 1904 г. завершено сооружение нового, Москворецкого, водопровода. Приметой времени стало расширение и муниципализация трамвайной сети, осуществлялся переход с конной тяги на электрическую. Развитие городских железных дорог происходило с учетом расселения москвичей и удобства сообщения между разными районами Москвы. С именем Голицына связана реконструкция старых и строительство новых мостов, постепенная замена керосиновых фонарей электрическими и газовыми. В 1903 г. Дума ввела бесплатное лечение для постоянных жителей Москвы. При Голицыне впервые было обеспечено всеобщее начальное образование для москвичей, создана сеть бесплатных городских библиотек. Финансирование городских программ осуществлялось в значительной мере за счет частных пожертвований. Приток этих денег в городскую казну был самым большим при Голицыне, благодаря его авторитету среди деловой элиты. Немалые заслуги принадлежат ему и в развитии музейного дела в Москве. В частности, Голицын способствовал принятию П.М.Третьяковым решения о передаче Москве своей знаменитой галереи. Была проведена реконструкция здания музея, воздвигнут ныне существую-

почетным гражданином г. Москвы, заказала его портрет В.А.Серову³. К этому времени Москва приобрела репутацию не только рассадника передового опыта городского самоуправления, но и проявила себя как один из центров либеральной оппозиции. А сам Голицын занял место в ряду авторитетных лидеров земско-городского движения.

По словам князя, во многом под влиянием обстоятельств своей службы он довольно быстро превратился из «убежденного носителя административной власти» в «убежденного конституционалиста» [1, д.25, л.18]. При этом взгляды и общественно-политическая деятельность Голицына, развивавшиеся вплоть до 1917 г. в русле прогрессизма, не укладываются в традиционную схему политических лагерей и до сих пор недостаточно исследованы.

«Во всякой войне побеждает тот, у кого дома все в порядке...»

Особое место среди источников изучения личности Голицына занимает его дневник [16], частично опубликованный [4]. «Полный свод моего мирозерцания, всей моей умствен-

ной или душевной жизни» [1, д.28, л.119], – так автор определял важность этого документа для самого себя, не исключая в будущем его ценность и для потомков. Один из сквозных сюжетов дневника – революция в России. Голицын осмысливает это явление как предчувствие и реальность, вписывая его во всемирно-исторический контекст. Причем размышления подобного рода занимали князя задолго до 1917 г. Уже в 1890-е гг. он предсказывал неизбежность переворота «в смысле свободы и падения чиновничьего самодержавия и произвола», который произойдет вследствие «толчка извне» [1, д.26, л.28]. Ссылаясь на уроки истории, он утверждал: «Во всякой войне побеждает тот, у кого дома все в порядке, чей внутренний строй стоит на высоте времени, его условий и потребностей» [1, д.25, л.104].

«Лучшее средство избежать революции – это ее совершить», – Голицын считал эту мысль «глубоко справедливой» и парадоксальной только на первый взгляд. «Действительно, когда переворот назрел, когда коренное изменение строя является неизбежным, разумным, сознательные

ций фасад (по проекту В.М.Васнецова). Галерея работала 300 дней в году, посещение ее было бесплатным.

³ *Время создания картины, согласно дневниковым записям Голицына, с 1 декабря 1905 г. по 17 апреля 1906 г. В настоящее время портрет находится в Государственном историческом музее.*

люди, стоящие на высоте своего времени, должны бы взять в свои руки это преобразовательное дело, не дожидаясь того, чтобы оно пошло мимо них и, б[ыть] м[ожет], вопреки их идеалам» [1, д.31, л.71–71 об.], – рассуждая подобным образом, князь вовсе не исключал из числа реформаторов представителей власти, которая, по его убеждению, должна действовать на опережение, не дожидаясь «революции снизу». «Если бы французская монархия стояла на высоте своего времени и понимала потребности народа, революции не было бы. То же и у нас» [1, д.31, л.583], – не сомневался князь. В начале июля 1914 г. он приходил к выводу о том, что «искусственно задержав нормальное развитие строя, создание правового порядка с широким представительством и полную ответственностью, режим самодержавия сделал то, что у нас назрел не переворот, нормальный и своевременный, а революция» [1, д.31, л.71 об.].

**«Был у нас Николай первый,
теперь у нас Николай
последний»**

Подчеркивая важную роль русско-японской войны 1904–1905 гг. в разрастании российской Смуты, автор дневника отвергал трактовку революции 1905–1907 гг. как чего-то

«случайного, вызванного беспокойными умами или преступными внушениями» [1, д.25, л.246]. Он рассматривал ее как закономерный итог внутренней политики Александра III и Николая II, «неизбежную и логическую расплату» за «промах», совершенный царем-реформатором: «Александр II, дав местное самоуправление, не увенчал его государственным, и эта задержка, эта пауза, подчеркнутая и усиленная еще его преемником, сделала то, что вместо правильного развития правового строя мы разом очутились в революции» [1, д.31, л.23]. «После царствования Александра II ... последовало царствование тупого эгоиста, в свою очередь, замыкаемое бесхарактерным мистиком, не знающим, что делать и куда идти. Это последнее совершенно объясняет все то, что ныне происходит у нас и чему выхода нет, кроме радикальной перемены всей системы правления» [1, д.25, л.132], – такой представлялась Голицыну логика развития драмы российской истории в пореформенный период. «Радуются рождению Наследника. Напрасно...» [1, д.25, л.105] – предрекал он еще в 1904 г. «Был у нас Николай первый, теперь у нас Николай последний», – в этой «остроте, привезенной из Петербурга», Голицын в декабре 1907 г. видел «удачное отражение настоящего нашего положения и будущности» [1, д.27, л.228]. «Наш убогий Государь», «тщедушный и двуличный монарх», – таким предстает на страницах дневника последний российский император. «Наше несчастье в том, что неограниченная

власть находится в руках более чем ограниченного человека» [1, д.27, л.174], – подчеркивал Голицын трагизм ситуации.

«Продвинуть дело обновления во имя свободы настолько далеко, чтобы возвращаться уже нельзя было» [1, д.25, л.160 об.], – в 1904–1905 гг., на подъеме революционной волны, именно в этом князь видел гарантию от возврата к «прежней “охране” со всякими ее прелестями». К одной из таких акций Голицын имел непосредственное отношение. Это постановление Московской городской думы от 30 ноября 1904 г., принятое по инициативе группы прогрессивных гласных при поддержке Голицына. Документ содержал демократические требования, в т.ч. пожелание обеспечить их реализацию на «незыблемых основах, выработанных при участии свободно избранных представителей населения; установить правильное взаимодействие правительственной деятельности с постоянным, на законе основанным контролем общественных сил над законностью действий администрации» [3, с.509]. Почин московских гласных получил широкую общественную поддержку. Однако со стороны властей последовала негативная реакция. В конечном итоге, попытки князя отстоять думское решение не увенчались успехом. Впоследствии он неоднократно упоминал в дневнике этот эпизод как упущенный верховной властью шанс «мирного обновления» России.

**«... раз люди обращены
в ничто, то и государства нет»**

«Мы вступаем в эру анархии и революции и двигаемся в ней исполинскими шагами» [1, д.25, л.218], – так Голицын оценивал ситуацию накануне Кровавого воскресенья в Петербурге, отмечая тенденцию «вползания» страны в гражданскую войну.

«Удивляешься при виде того, как у нас не умеют или не хотят понять, что свобода и обеспечение личности есть главная, если не единственная основа государственного и общественного благосостояния. Раз это установлено и прочно, все остальное на этой основе вырастет и разовьется. У нас же царствующий режим направлен на то, чтобы подавить личность, не выпускать ее из-под опеки, опутывать ее требованиями безопасности, охраны, благонадежности, т.е. делать из личности игрушку произвола, самого дикого, самого бессмысленного. Не замечают, что государство составляется из людей, а раз эти люди обращены в ничто, то и государства нет» [1, д.26, л.305 об.], – записал князь в дневнике в октябре 1906 г.

Известие о Манифесте 17 октября 1905 г. Голицын встретил с огромной радостью («Конституция обнародована!.. великий день для истории...

возврата к прошлому нет») и одновременно – с тревогой за будущее («надо поскорее опомниться, возвратиться к спокойствию и самообладанию и безотлагательно взяться за труд»). Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Уже 19 октября он констатировал: «Общее настроение вместо радостного сделалось снова весьма тревожным, благодаря усилиям революционных партий... Манифест уже как-то отодвинут в мыслях на второй план». И следом (21 октября) – буквально крик души: «Неужели наше общественное сознание так расшатано, что мы уже не в силах твердо ногой стать на открытый путь и следовать ему? Неужели мы способны только на предъявление требований, на гоньбу за идеалами, на отрицание, а раз требования получили удовлетворение, идеалы готовы осуществиться, дело принимает положительную форму, хотя, быть может, неполную и несовершенную, мы оказываемся бессильными и вновь требуем, идеализируем, отрицаем?» [1, д.26, л.58 об.–62].

Еще с весны 1905 г. отмечая усиление разногласий в земской среде и в Московской городской думе, в октябре того же года Голицын вынужден был признать, наряду с «несостоятельностью правительства», еще и «несостоятельность общества, отсутствие в нем созидательных способностей, сознания положительных идеалов и путей к их осуществлению» [1, д.26, л.63]. Он видел корень проблемы в отсутствии «фактического центра» в политической жизни России, «а потому нет опоры ни для правительства, ни для общества» [1, д.26, л.150 об.]: «Все разбилось, все раздробилось, фактически движение находится в руках революционной партии» [1, д.26, л.56 об.]. Голицын возлагал на «верхи» ответственность за нежелание и неумение вовремя привлечь к совместной работе общественных деятелей («умеренных и знающих»): «...правительство предпочло толкнуть всех нас без разбора в ряды опасных, неблагонадежных, чуть не революционеров» [1, д.26, л.156 об.]. Развивая мысль о том, что режиму самодержавия оказались не нужны порядочные люди, он писал: «В монархиях единоличных преобладание всегда имеют ничтожные люди из-за своей угодливости и удобства обращения с ними, особенно же когда глава – ничтожество» [1, д.26, л.122].

Предъявляя счет «за разрушение нашей бедной России» не только власти, но и общественным деятелям, Голицын в то же время разъяснял, что не следует считать это признание раскаянием со стороны своих соратников, «т.е. что, либеральничая, мы вдруг испугались того, что воспоследовало»: «Мы, либералы-конституционалисты, наоборот, недостаточно смело действовали и говорили и, главное, слишком поздно, а потому торопливо начали свой поход» [1, д.26, л.79–79 об.]. По его сло-

вам, этими «грубейшими», «непростительными» ошибками «искренних либералов и конституционалистов» воспользовались «крайние»: сначала «левые», выхватив дело «из рук настоящих вождей», а впоследствии – «правые» («ради гонения на всякое подобное движение») [1, д.28, л.307].

25 октября 1905 г. Голицын неожиданно для многих подал прошение о сложении с себя обязанностей городского головы (приказ об его увольнении вступил в силу 18 ноября 1905 г.). Тяжело переживая оторванность от любимого дела и болезненно реагируя на укоры в бегстве с «поля боя», он называл главные причины нелегко давшегося ему решения. Помимо подрыва нервных и физических сил в течение последнего года работы в Думе, князь указывал на сложившуюся для него тупиковую ситуацию, фактически вытолкнувшую его из рядов активных политических деятелей: «Я стоял перед дилеммой: взять в руку красный флаг или сделаться агентом охранного отделения» [1, д.26, л.150 об.]. Для него, всегда руководствовавшегося требованиями нравственности, были неприемлемы новые «правила игры» – необходимость «вступать в известного рода сделки, плыть по течению». Совершенно неспособный к подобного рода метаморфозам, Голицын характеризовал себя в этом смысле как человека, отставшего от времени [1, д.26, л.80 об.]. «Нет, не малодушие, не страх, а именно разочарование, обманутые надежды, разрушение идеалов толкнули меня в уединение, в удаление от всего, в замкнутость келейную, отчужденную от всей этой оргии, которая охватила собою все» [1, д.26, л.99 об.], – отмечал он в дневнике, приходя к выводу о том, что в беспросветной ситуации «убежище одно – человек сам для себя, его личный, обособленный мир, обставленный всеми сокровищами знания, науки, искусства» [1, д.26, л.154 об.]. При этом Голицын неизменно оберегал себя от другой крайности – «отречения от интересов жизни, от связей с нею, опасности обратиться в мумию бездушную по отношению к современному» [1, д.25, л.350 об.].

«Мы избираем путь мирного прогресса, конституционной борьбы...»

Оставаясь «беспартийным прогрессистом», Голицын занял среднюю позицию между крайними флангами русского либерализма (кадетами и октябристами), фактически примкнув к центристскому течению либеральной мысли и практики. Деятелей данного «склада» отличало особое понимание политики: борьба за власть не являлась для них приоритетом. Они стремились использовать все возможные способы, чтобы донести до правящих верхов и общества свое видение

решения общероссийских проблем, при этом обозначить исключительную значимость в этом деле науки, образования, сплотить единомышленников, развернув «над знаменами отдельных партий одно великое знамя русской свободы и законности» [12, с.79]. Непоколебимым оставался их настрой работать на перспективу, утверждать ценность традиций самоуправления, доверия, общественной солидарности, свободного идейного труда. Наиболее последовательное воплощение либеральный центризм получил в деятельности Партий демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов, а Голицын являлся одной из видных фигур в этом лагере. В феврале 1906 г. он был избран президентом московского Клуба независимых – внепартийной политической организации либерального направления. В состав ЦК Клуба входили деятели московского городского самоуправления, представители известных московских предпринимательских династий, «умеренно-прогрессивной» интеллигенции (В.А.Абрикосов, А.С.Алексеев, Н.И.Астров, Н.Н.Баженов, В.А.Бахрушин, А.С.Вишняков, Н.В.Давыдов, С.А.Котляревский, Н.Н.Львов, Б.К.Млодзеевский, Ю.А.Новосильцев, И.Ф.Огнев, Г.И.Петухов, Г.К.Рахманов, В.К.Рог, братья кн. Н.Н. и Е.Н.Трубецкие, А.И.Шамшин и др.). Своей главной целью организаторы Клуба считали консолидацию общества под знаменем конституционно-демократической монархии. Предполагалось, что Клуб послужит вспомогательным учреждением по отношению к существующим конституционным партиям, являясь своего рода «мостиком» между ними. Руководящим принципом деятельности провозглашалась борьба против нарушений конституционной свободы справа и слева: «Мы избираем путь мирного прогресса, конституционной борьбы, конституционного решения социальных вопросов» [12, с.410]. В основу государственного строя предлагалось положить идею эволюционного демократизма, т.е. постепенного, органического осуществления демократических начал. Приближаясь к программе Конституционно-демократической партии, Клуб считал своей отличительной чертой больший реализм политики. Планировалось создание на его базе площадки для разработки вопросов земского и городского самоуправления. Неофициальным органом объединения стал «Московский еженедельник» (1906–1908). По словам Голицына, администрация не нашла возможным утвердить Устав организации, «усмотрев в нем потрясение основ» [1, д.26, л.172 об.]. Прекративший существование в мае 1908 г., Клуб сыграл определенную роль в консолидации беспартийных прогрессистов («мирнообновленцев»). Что касается Голицына, то он продолжал участвовать во внепартийных совещаниях либералов-конституционалистов, приветствовал попытки образования «центра» во

2-й и 3-й Государственной думе, а в 1912 г. был избран членом Московского комитета Партии прогрессистов.

Неоднократно возвращаясь на страницах дневника к осмыслению опыта революции 1905–1907 гг., его автор не подвергал сомнению важнейшие результаты освободительной борьбы. Это – «революция в умах» и необратимость конституционного пути развития России. Однако наблюдение за последующими событиями подрывало его надежду на «мирное обновление» страны в обозримой перспективе. «Катастрофа неизбежна... благодаря ослеплению высших сфер и реакции», – записал князь в дневнике 24 декабря 1907 г. [1, д.27, л.234]. При этом Голицын не исключал того, что «безумная реакция» приведет «не к революции в общепринятом смысле этого слова ... а последует постепенное, но быстрое гниение, которое кончится внезапным падением... как падает здание на деревянных столбах, когда эти подгнили» [1, д.28, л.283 об.–284]. В любом случае автор дневника был убежден в том, что Россию ожидает не обычный государственный переворот, но «переворот более широкий, более коренной, т.е. общественный, всенародный, ибо весь ее организм пришел в негодность» [1, д.27, л.40]. При этом еще летом 1908 г. он предупреждал об опасности – «выходе наружу самых вредных элементов общества... всяких проходимцев», которые могут «наделать таких дел, что не опомнишься: найдись теперь предприимчивый человек, и он повернет все вверх дном». «На почве разлагающейся, деморализованной ничего создать нельзя, и элементам революционным, с одной стороны, хулиганским – с другой, будет где себя показать» (февраль 1909 г.) [1, д.28, л.85, 210 об.–211]. Развивая мысль о неизбежности конфликта между обществом и правительством ввиду нерешенности коренных проблем, Голицын тем не менее твердо верил в то, что «в конце концов общество победит, но чем более оттягивается эта надежда, тем хуже это для России» [1, д.27, л.204 об.].

В апреле 1909 г. он «с захватывающим интересом» следил за событиями в Турции, где младотуркам удалось свергнуть султана Абдул-Хамида II, а в начале июля того же года – за событиями в Иране, где был низложен шах Мухаммед-Али, к власти пришло либерально настроенное правительство и была восстановлена конституция – «как это поучительно для тех, кто нарушает ими же данную конституцию, и как это показывает, что конституция, как бы несовершенна она ни была, все же выше всякой, самой даже неограниченной, власти» [1, д.28, л.307 об.]. В июле 1909 г. еще одним «доказательством того, что конституцию нельзя безнаказанно нарушать, как бы ни казались основательными поводы к тому», князь считал «крупные события вроде всеобщего вос-

стания» в Испании («трон зашатался»). «Происходящее в Испании еще раз доказывает, что при правильной конституции народ высказывается через представительство, а при отсутствии такового это делается на баррикадах» [1, д.28, л.315, 317], – констатировал Голицын.

**«Вся беда –
наша некультурность!»**

Размышляя над упомянутыми зарубежными событиями, Голицын, с одной стороны, склонен был считать их «примером, достойным подражания и у нас» – «одного щелчка, но умелого и искусного, довольно, чтобы ненавистный режим наш рухнул» [1, д.28, л.311]. Вместе с тем он вполне осознавал серьезную преграду на пути переустройства России: «вся беда – наша некультурность!» [1, д.28, л.311 об.]. При этом, по его словам, «правительство всеми мерами старается затормозить стремление людей к культуре и просвещению, прикрываясь, однако, громкими, но лживыми фразами, ибо оно понимает, что с просвещенными массами народа ему не справиться» [1, д.28, л.39]. Отсюда – колебания в настроении Голицына: оптимистический настрой (вера в возможность устройства жизни в России «на началах правды и свободы») зачастую сменялся чувством безысходности.

«Когда же дорастем мы до сознания, что народное образование, просвещение, культура есть самая жизнь народа, ее сущность?» [1, д.27, л.147] – с болью в душе Голицын не раз задавался риторическим вопросом. Особую тревогу у него вызывали такие российские проблемы, как правовой нигилизм; распространенное в массах отрицание ценности образования и культуры («отцы наши прожили без знания, так и мы благополучно проживем без него»); углубление в обществе взаимного недоверия и вражды («отсутствие общественной солидарности при общности задач»). Среди тем, постоянно находившихся в центре внимания Голицына, – бедность оппозиции организаторскими талантами, недостаток у ее представителей стойкости и деловой уравновешенности, чуткости к биению пульса народной жизни, отсутствие культуры политического диалога. Одним словом, как писал Голицын, «нет людей, которые стояли бы вровень с требованиями перемен». «Целое поколение – а может быть, два или три – должно отжить и исчезнуть, должно уступить место другому, более состоятельному и иначе развитому, дабы достигнуто было усовершенствование жизни вообще, о котором лучшие умы мечтают» [1, д.28, л.282].

Пытаясь осмыслить причины «безлюдья» в России, автор дневника возлагал главную ответственность на режим самодержавия («нелепый,

поганый»). «Прежде всего, – писал он, – у нас в России нет настоящей школы деятельности, какая издавна существует, например, во Франции. Наше земство, наша адвокатура, наши ученые карьеры – недостаточно просторны, слишком элементарны и притом всегда находились под гнетом, чтобы в них могли создаваться широкие деятели, способные вести любое дело государственное или широко общественное. Далее, – подчеркивал князь, – весь режим наш спокон веку вел к обезличению личности, к воспитанию в нас слепого и безотчетного повиновения, и наши монархи и их ближайšie сотрудники выдвигали, любили и уважали одни посредственности, людей угодных и угождавших, а действительно лучших людей власть почти непрерывно преследовала... Что же удивительного, что в России нет людей!» [1, д.31, л.548–548 об.] – заключал Голицын.

«Я больше не верю в политический прогресс у нас, в достижение идеала строя, по крайней мере в скором времени, пока мы не перевоспитаем себя коренным образом» [1, д.28, л.45], – выступая неоднократно с подобным признанием, он предлагал начинать «с развития самодеятельности как в обществе, так и в личности». Надо «напрячь все свои силы на образование в самом широком смысле этого слова», – в этом Голицын видел «единственный путь для приготовления будущего» и, вообще, «для спасения». «Всякие иные задачи помимо этой бесцельны» [1, д.27, л.242], – убежденно заявлял князь.

Надежды Голицына на перемены к лучшему в общественном и государственном строе ненадолго воскресли в связи с вступлением России в Первую мировую войну. Дневник передает состояние эйфории, которое он, как и многие, пережил тогда. Для него, уже потерявшего было веру в то, что в России возможен «общий, всенародный подъем духа», это было какое-то чудо... «Производит впечатление, что мы внезапно переселились на другую планету» [1, 31, л.85 об.]. В связи с организацией Земского союза, съездом городских голов он отметил: «Не веришь ни глазам, ни ушам... А еще год тому назад все это почиталось революцией» [1, д.31, л.105 об.–106]. «Общество себя показало и de facto смелое правительство, которое перестало существовать» [1, д.31, л.154], – написал Голицын 29 сентября 1914 г.

«Война приблизила нас к перевороту или к революции... Мы вступили в период полного обновления русской жизни, и над всем ее прошлым поставлена точка» [1, д.31, л.106, 130 об.], – не сомневался автор дневника. Ему хотелось верить, что, «события создадут людей» – тех, кто наконец-то сможет вывести Россию на новые рубежи. В то же время он не скрывал тревогу по поводу того, насколько длительным и устойчивым окажется всенародный энтузиазм, сможет ли вдруг возникшее

«общее одушевление» стать исходной точкой для будущего или же все вернется «на круги своя».

Практически сразу стали сбываться худшие опасения князя. Голицын отмечает приметы того, что «подлое и своекорыстное правительство и ничтожный нуль в лице царя» ищут лазейки для обмана [1, д.31, л. 181, 503 и др.]. В этом он видел историческую закономерность политики российского правительства, а также корни сложившейся в обществе традиции непримиримого отношения к власти.

Отмечая значительное повышение «градуса» негативных эмоций в отношении Николая II, Голицын свидетельствовал о перерастании «простого недовольства» властью в «озлобление, презрение» к императору и его ближайшему окружению. Как и многие современники, он не видел в царствующей династии «запаса для будущего», поскольку она «существовала и выполняла свое призвание ... только для себя, для своего благополучия, и заботы о России были только отдельными, отрывочными проблесками и то только в тех случаях, когда интересы России совпадали с интересами ее благополучия». А потому Голицын не сомневался в том, что «при неминуемом кризисе ... ребром будет поставлен вопрос династический» [1, д.31, л.352 об.–353]. Он отмечал рост популярности идеи о том, что «можно жить и без царя». «Для этого придумано новое слово – “обезтронить”» [1, д.31, л.472 об.], – замечает Голицын в июле 1915 г. Осенью того же года он записал: «Теперь вся Россия сплотилась воедино против царя» [1, д.31, л.547].

**«... устранение царя
ни на чем не отразится»**

При этом мнение князя не во всем совпадало с мнением оппозиции. Он видел корень проблемы вовсе не в решении династического вопроса: «Все говорят о царе и на все лады его бранят, не видя, что он и его роль в сущности не имеют никакого значения и устранение его ни на чем не отразится» [1, д.31, л.4]. Голицын акцентировал внимание на другом: а насколько готова к грядущей революции умеренная оппозиция (в лице наиболее близких ему – кадетов и прогрессистов). Он продолжал настаивать на своем: во главу угла им следовало бы ставить не отрицание существующих порядков, не борьбу «с вражьиими силами», а созидательные задачи, разработку позитивной программы. В связи с этим он считал поучительным опыт революции 1905–1907 гг. И прежде всего предлагал оппозиции уяснить причины «незадавшейся» судьбы Манифеста 17 октября и двух первых Дум. Урок из этих событий он формулировал так: «Недостаточно иметь

в себе идеал, надо еще сознавать пути к его осуществлению, содействовать следованию по этим путям» [1, д.31, л.4]. С тяжелым чувством он отмечал среди многих своих соратников «почти полное отсутствие такого руководительного начала» и более того «состояние полного бессознания» [1, д.31, л.519]. Голицын предвидел, что с таким настроением умеренная оппозиция вновь окажется «у разбитого корыта» в результате очередного революционного кризиса.

Рост недовольства царской властью накануне и в годы войны Голицын считал далеко не единственным предвестником революции. Он указывал и на другие, по его словам, красноречивые симптомы «ужасного» состояния «разложения», в котором оказалась страна. Во-первых, это «громадное усиление разгула и азарта во всех формах и видах». «Это производит впечатление, – замечал автор дневника, – что люди торопятся жить, использовать свободу жизни и ее блага или все кажущееся им благом, словно предчувствуя, что скоро наступит конец этому... а правительство словно видит в этом азарте отвлечение от политики». Еще один тревожный симптом – это «воровство, казнокрадство, взяточничество», «усиление хищничества» в чиновных и общественных сферах: «Как будто весь режим обратился в систему возможно большего расхищения в свою пользу всего, что только лежит под руками, и сама власть сделалась слугой в этой оргии корысти. Всякий тащит себе, и всё служит этому под крылышком “казны”: естественные богатства, безбожно расхищаемые, промышленные предприятия всякого рода, начиная с железных дорог, земельные банки и т.д. О будущем никто не думает» [1, д.31, л.81–81 об.].

Зимой–весной 1915 г. Голицын считал знаком приближения революции и «ужасающий», по его словам, экономический кризис. Эта опасность, подчеркивал он, «пожалуй, серьезнее германских полчищ» [1, д.31, л.337 об.].

Не раз встречаются в дневнике заявления автора о бесполезности перемены лиц в правительстве: «Не все ли равно, что один чиновник сядет на место другого! К этому всегда сводятся у нас все реформы» [1, д.31, л.439]. «Не этими пустяками удовлетворить страну, – записал он в дневнике, – а переменить надо всю систему, весь строй. А строй этот в буквальном смысле анархичный. Как же не анархия, – разъяснял князь, – когда произвол заменил собою закон, кулачная сила – право, потребности чиновника – народное благо и когда слово, мысль, совесть находятся под полицейскою опекой? ... правительство старается проявить свою силу и свою власть в этом произволе... и кажется, будто оно бравирует общественное мнение, не хочет с ним считаться, но в этой браваре легко

усматривается довольно оригинальное сочетание бесшабашной наглости с безграничной трусостью. Многого правительство боится, но более всего боится оно общественного мнения, его суда. Вот почему оно рисует свою ответственность перед народом, перед обществом чем-то вроде ереси и всячески старается избежать ее, отвергнуть. А между тем ответственность эта – единая гарантия свободы и равенства, а эти в свою очередь – гарантия законности строя. И дойдем мы до нее, ее себе завоюем!» [1, д.31, л.49–49 об.] – в июне 1914 г. обозначал Голицын неизбежную, на его взгляд, перспективу.

А какие силы в России, по мнению князя, могли выступить тогда в роли «мотора» необходимых коренных преобразований? Он не рассчитывал на государственных деятелей из прежней «обоймы». По словам Голицына, перед «громадностью, умопомрачительностью» задач, вставших перед страной, они «уподобиться могут мышам, стоящим перед египетскими пирамидами». Подходящими кандидатурами на роль «богатыря, который сдвинет наш проклятый строй ... и мощною рукой поведет Россию по путям к свету и свободе», автор дневника считал общеземский и общегородской союзы. Он полагал, что они вполне могли бы взять в свои руки все дело народного представительства и стать основанием для «водворения правового строя» [1, д.31, л.313].

**«Все идет к народному
перевороту...»**

В то же время Голицын предвидел, что решающую роль в грядущей революции сыграют народные массы. В очередной раз он подчеркивал: «Все идет к народному – а не правительственному только – перевороту» [1, д.31, л.32 об.]. Для него была также очевидной абсолютная непредсказуемость событий, поскольку настроение и поведение «многомиллионного сфинкса» в лице крестьянства и «его пролетарских отпрысков» предугадать невозможно. Еще один, по словам Голицына, «неразгаданный сфинкс» – это армия. Но все это, – тревожился он, – «вовсе не заботит наших мудрых сановников, глухих и слепых» [1, д.31, л.334 об.–335].

В мае 1915 г. Голицын поместил в дневнике свое наблюдение о расколе общества на «три стихии, или три элемента, живущие и действующие отдельно друг от друга и притом не без взаимной вражды». Первая «стихия» – это народ, «безропотно приносящий тяжелые жертвы, но несомненно таящий в себе какие-то ожидания». Второй элемент – «общество, или интеллигенты, самоотверженно служащие и пособляющие этим жерт-

вам, но словно утратившие надежду на какие-либо иные, более широкие плоды». И, наконец, – третий элемент – это правительство, занятое, по словам Голицына, исключительно ограждением себя от упомянутых двух элементов. Он был уверен в том, что ни к чему хорошему этот «тройственный параллелизм» не приведет [1, д.31, л.395–395 об.].

Примерно тогда же, в середине 1915 г., князь предложил еще один взгляд на расклад общественно-политических сил в стране. Он выделил «две стихии, два полюса»: на одном из них – «правительство, стремящееся к сохранению власти, на другом – крайние партии противоположных друг другу окрасок, которые одинаково стремятся захватить эту власть» [1, д.31, л.404 об.]. Голицын вынужден был признать: «Между этими двумя крайностями нам, прогрессистам, конституционалистам, нет места и мы оказываемся бессильными» [1, д.31, л.520 об.]. Можно ли предотвратить столкновение упомянутых двух «стихий»? Автор дневника был убежден: примирить их могло бы только безотлагательное утверждение в России конституции, т.е. «честное, откровенное, добросовестное создание правового строя» [1, д.31, л.461]. Однако, по его мнению, шансов на развитие событий по данному «сценарию» тогда уже не существовало.

«Благодаря безумной реакции, которую наши чиновные слепцы принимали за твердую власть, мы сразу очутились в революции, ибо нечего скрывать – она уже началась, – констатировал он летом 1915 г. – Стало быть, у нас и "реакция", и "революция"» [1, д.31, л.461]. Характеризуя основные события этой революции, Голицын в августе 1915 г. высоко оценил решение московской городской думы о необходимости образовать «такое правительство, которое пользовалось бы доверием народа». В этом он видел преемственность революционной традиции. «Как это оправдывает все то, что происходило 10-летие тому назад в той же (московской городской. – *Н.Х.*) думе, на земских съездах, в 1-й Государственной думе!»; «Московское постановление произвело громадное впечатление, оно встрепенуло погань петроградскую. Давно пора!»; «Вслед за Москвой все города, сословия, общественные организации поднялись и высказались в еще более сильных формах» [1, д.31, л. 504 об.–506 об.], – делился Голицын впечатлениями от событий августа 1915 г. Тогда же он приветствовал и образование Прогрессивного блока в IV Думе как реализацию давней мечты своих соратников о создании конституционного центра. Знаковым событием автор дневника считал одновременное открытие в начале сентября 1915 г. двух съездов – общеземского и общегородского. Однако иллюзий у него не было: «Вероятно, там в верхах отнесутся к этому как слепые к картинам и глухие к музыке»;

«петроградского чиновника ничем не прошибешь» [1, д.31, л.523 об., 526].

Сохраняя однако уверенность в том, что перемены не заставят себя долго ждать, он считал показательным симптомом «наэлектризованное настроение» публики, утрату доверия общества к власти. А потому, замечал Голицын, «одной искры будет довольно для вспышки того, о чем у нас не думают наши мудрецы» [1, д.31, л.558]. В который раз он предсказывал: «Удар, извне нам нанесенный, разрушит наш режим». При этом он не сомневался в том, что «война послужила поводом, даже предлогом, а удар был подготовлен и нанесен нами самими себе». [1, д.31, л.489].

**«Лучшее средство
политически дозреть – это
иметь правовой строй...»**

Неизменно заявляя о своей «твердой вере» в «конечную победу наших общественных сил», Голицын указывал в дневнике на источники своего оптимизма. Во-первых, это заметные

успехи самоорганизации русского общества в годы войны. Он верил в то, что подобная «школа воспитания» не может пройти даром. Во-вторых, сторонник прогресса, он просто не видел другого пути для России, кроме как превращения ее в правовое государство. Не раз он отвечал и критикам этой идеи, тем, кто на протяжении почти полувека продолжал твердить, что «мы не дозрели, не доросли до правового строя и политической свободы». «Когда же мы дорастем? – восклицал Голицын. – Известно, что лучшее средство выучиться плаванию – это броситься в воду. Лучшее средство политически дозреть – это иметь правовой строй и право участия в нем, быть гражданином в полном смысле этого слова» [1, д.31, л.600].

В канун свержения самодержавия Голицын, по воспоминаниям его внука, «предвидел – куда приведет бессмысленная политика царских министров и, как истинный патриот, глубоко страдал» [5, с.24]. Опровергая мнение о «постановочном» характере Февральской революции, он выступил против обвинений «кадетов, прогрессистов и др. в том, что они "затеяли" переворот, когда народ не был к нему готов, и что все затеянное ими так изуродовалось. Это последнее обвинение имеет то основание, что кадеты не сумели воспользоваться моментом, когда власть была у них в руках, и оказались несостоятельными. Но первое обвинение нелепо: никто не затевал переворота, а совершился он силой вещей, роком, хотя и при деятельном содействии тех, кто в свое время

не послушался кадетов и так упрямо цеплялся за прежнее, негодное, воображая, что оно может быть сохранено мерами охраны» [4, с.330].

В послефевральской России Голицын отмечал полную сумятицу в умах, извращение понятий о свободе и порядке. «Безумная анархия и господство черни» [4, с.97], – так он характеризовал ситуацию к осени 1917 г. Исходя из опыта истории, князь не сомневался в том, что «революция в крайнем своем развитии всегда приводит к диктатуре... а деспотизм и произвол неизбежно ведут к революции» [4, с. 39–40].

Чем ближе к октябрю 1917 г., тем более беспросветным становилось настроение автора дневника. Голицын не отрекся от своих взглядов, по-прежнему считал правовой строй единственным путем к спасению России. Но обстановка в стране практически не оставляла у него сомнений в том, что эта цель «скрылась за горизонтом». Анализируя причины случившегося, он в который раз свидетельствовал об устойчивой закономерности в истории России: в обоих лагерях («монархический» и «анархический») «словно одинаково забыта Россия, а на первом плане стоят интересы классовые, партийные, личные» [4, с.50–51]. В этом Голицын видел угрозу для русского народа «остаться навеки под игом и в состоянии рабства» [4, с.84].

«Кажется, что все у нас готово для диктатуры»

Судя по записям сентября–октября 1917 г., он признавал, что «мы дошли до точки, когда можно ждать всяких событий, даже самых неожиданных» [4, с.76]. «Кажется, что все у нас готово для диктатуры. Даже все ее ждут, но увы! Диктатора нет» [4, с.91]. Кстати, имя Ленина Голицын нигде не упоминает в дневнике 1917–18 гг. Крайних левых он вообще отказывался рассматривать как будущих властителей и организаторов России. За несколько дней до 25 октября 1917 г. записал: «"крайние", заменяющие порядочных людей, очень много берут на себя, и нетрудно предугадать, что на этом-то сорвутся они, ибо не отличаются они знанием дела и способностью его вести» [4, с.99].

По словам Голицына, приход к власти большевиков ознаменовал начало гражданской войны. «Печален жребий России – перейти от убогого Николая и его хулиганов к нынешним анархистам-предателям» [4, с.327], – сокрушался князь. При этом он отмечал прямую связь «нынешней анархии с прежней монархией». Сходство режимов Голицын видел в тесной связи власти и злоупотреблений ею, «ничтожестве» личностей государственных мужей, несостоятельности наших «лучших людей». Он называл революцию «естественным плодом нашего многолетнего режи-

ма», «возмездием за порчу народа, за вековое угнетение его». «А мы все ищем виновников, на кого бы свалить ответственность. Все мы одинаково виноваты, но и все оказались одинаково слепыми и бессознательными орудиями рока, в том числе и Николай» [4, с.206].

Голицын указывал на один из главных просчетов оппозиции: «Мы мало интересовались народом, не заботились о его духовном развитии, не знали его. Интересовались мы его историей, этнографией, бытом, но его психика, круг его идей, его культурные влечения были для нас совершенно неизвестны. Теперь мы его видим, каков он на самом деле» [4, с.190–191]. «Народ как коллективность беспросветно дик» [4, с.333], – констатировал Голицын. «Впрочем, – подчеркивал он, – и наши так называемые образованные классы были дикими в душе своей вопреки внешнему лоску... Я не знаю, что у нас хуже, что более дико – разнузданность обнаглевшей, варварской толпы или самодурство наших аристократов, вельмож, мнящих себя "солью земли"» [4, с.316].

Единственным, «бесспорно, благодетельным и многообещающим результатом нашей анархии» князь считал «идею о федерализме», в поддержку которой он выступал задолго до 1917 г. В начале 1918 г., подчеркивая неизбежность создания федеративного строя, Голицын рассматривал это как «единственное надежное средство избежать расчленения национального или географического». В то же время он указывал на сложность реализации этого принципа: «Самоопределение народа и создание им своего государственного строя – бесспорная истина. Но как осуществлять ее на практике? Народные плебисциты – путь трудный и громоздкий, а выборы всюду – и у нас больше, чем где-либо, – дело случайности и злоупотреблений» [4, с.180].

«Что же дальше?» – пытался ответить Голицын на этот вопрос в конце 1917 г. Он не разделял сожалений многих о царском режиме. По поводу призывов к восстановлению монархии писал, что готов примкнуть к этому только при условии «прочной гарантии правового строя». Князь был в курсе собиранья антибольшевистских сил, но не рассчитывал на их успех. «И тут опять наша вечная язва – нет людей» [4, с.339], – замечал он. «Все ждут падения наших "правителей", а они и не думают уступать свое место, да и некому их столкнуть» [4, с.284]. Голицын полагал, что «на той ниве, которая вспахана (революцией. – Н.Х.), вряд ли что создастся» [4, с.112]. Впрочем, он готов был признать, что современникам событий не дано в полной мере понять их. По его словам, «это – задача будущего» [4, с.118].

В январе 1932 г., незадолго до ухода из жизни, отвечая на вопрос о том, «какова дальнейшая судьба России и будет ли когда-нибудь ликвидирован

советский режим», Голицын оставил «предсказание». Оно заключалось, во-первых, в предчувствии установления в стране единоличной диктатуры («наподобие того, как это было с Наполеоном после его побед в Италии и Египте»). Во-вторых, князь предвидел неизбежное в будущем падение большевистского режима, поскольку он не обладает «созидательными способностями». Причем, по его мнению, это «падение воспоследует силой инерции... как-то само собой, под собственной тяжестью, т.е. непригодностью к реальному окружающему миру» [4, с.354].

Князь В.М.Голицын
(худ. В.Серов).
Источник: Почетные
граждане города Москвы
(1866–1917)

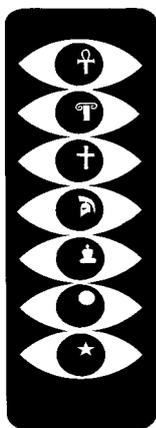
К этому времени сам Голицын и члены его семьи, как «социально чуждые элементы», уже не раз подвергались гонениям со стороны новой власти. После 1917 г. последовала череда арестов, приостановленная лишь после личной встречи в 1918 г. бывшего князя с председателем исполкома Моссовета Л.Б.Каменевым, в результате которой Владимир Михайлович получил (в память заслуг перед москвичами, а также в знак признания его сочувствия к политическим заключенным в бытность московским городским головой) своего рода «охранную грамоту». Однако в силу общей ситуации, стремительно менявшейся к худшему в отношении т.н. «бывших», в 1929 г. Голицын был лишен избирательных прав и выселен с семьей из столицы, жил в

Сергиевом Посаде, с 1931 – в Дмитрове (с семьей сына Михаила). Он был похоронен в с. Подлипечье под Дмитровым (на кладбище возле церкви Иконы Божией Матери Казанской), могила не сохранилась.

Представляется, что размышления Голицына во многом объективно отражали развитие общественно-политической ситуации в начале XX в. Согласно его наблюдениям, революция в России развивалась на протяжении длительного времени, не ограничиваясь рамками 1905–1907 гг. и событиями 1917 г. Дар глубокого проникновения в суть жизненных явлений нередко обеспечивал точность прогнозов автора дневника. А спустя более чем сто лет мудрый взгляд Голицына на всё им пережитое и осмысленное противостоит облегченным картинам прошлого (столь распространенным ныне), побуждает к размышлениям о причинах устойчивых закономерностей в отношениях между властью и обществом. Можно предположить, что его «рецепты» спасения России еще долго будут сохранять свою актуальность.

Библиографический список

1. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф.75.
2. Болдина Е.Г. Московский губернатор и городской голова Москвы князь В.М. Голицын // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: к 850-летию Москвы и 225-летию со дня рождения Московского генерал-губернатора, Светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына: материалы IV Голицынских чтений, 18–19 января 1997 г. Ч.1. С. Большие Вяземы, 1997. С.57–64.
3. Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни // Витте С.Ю. Избранные труды / сост., автор вступ.ст. и коммент. М.Ю.Лачаева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 568 с.
4. Голицын В.М. Дневник 1917–1918 годов. М.: «Захаров», 2008. 363 с.
5. Голицын С.М. Записки уцелевшего. Роман в жанре семейной хроники. – 2-е изд. М.: Никья: Редакция «Встреча», 2016. 656 с.
6. Кошкидько В.Г. Московский городской голова князь В.М.Голицын // Ярославский педагогический вестник. Т.1: Гуманитарные науки. 2012. №2. С.17–21.
7. Московская власть: городские головы (1782–1917): Иллюстрированные биографии руководителей городского самоуправления / Гл. ред. Платонов В.М.; Московская городская Дума, Центр исследований традиций и деятельности городского самоуправления. Вып.1 / Быков В.Н., Павлова О.Ф., Писарькова Л.Ф., Шапошников М.Б.; ред. Афанасьева М.А. М.: Б.и., 1997. 205 с.
8. Московская энциклопедия. Т.1: Лица Москвы. Кн.1 / Гл.ред. Шмидт С.О. М.: Московведение, 2007. 639 с.
9. Нестеров И.А. Московский городской голова князь Владимир Михайлович Голицын (1897–1905): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02). М., 2013. 34 с.
10. Нестеров И.А. Развитие революционных событий в Москве и отставка городского головы князя В.М. Голицына (январь–ноябрь 1905 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. №3. С.79–83.
11. Нестеров И.А. Общественно-политическая деятельность московского городского головы князя В.М. Голицына в 1904–1905 гг. // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Курск, 2013. №4(82). С.111–115.
12. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 528 с.
13. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863–1917. М.: Мосгорархив, 1998. 567 с.
14. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф, 2010. 735 с.
15. Почетные граждане Москвы (1866–1917): ист.-биогр. изд. / С.А.Комиссарова, В.Г. Кошкидько, К.А.Соловьев. М.: Московские учебники, 2009. 311 с.
16. Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник // Россия–XXI. 2007. № 4. С.118–137.
17. Шумейко И.Н. «Революция» в городском хозяйстве Москвы, стиле управления, деловом этикете при московском городском голове князе В.М.Голицыне // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: материалы XXI Голицынских чтений, (24–25 января 2015 г., Большие Вязёмы). Москва: Мелихово, 2015. С.279–286.

Геннадий Костырченко

**БРЕЖНЕВ
И
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
323.12(47)''1966–1982''

Со времен «позднего» Сталина советская номенклатура была поражена латентным антисемитизмом. В последующий период этот системный недуг в значительной мере ослабел, утратив репрессивную составляющую, однако продолжал существовать, проявляясь в основном в виде кадровых ограничений в отношении евреев. Став лидером СССР, Брежнев был вынужден смириться с такой парадигмой, хотя в личном плане не был юдофобом, более того, скорей, даже юдофилом. Но, не решившись на открытое противостояние аппаратному антисемитизму, он тем не менее высказывался в пользу развития в СССР еврейской культуры, симпатизировал и негласно покровительствовал такому видному мастеру эстрадной сатиры, как Аркадий Райкин, и другим представителям творческой интеллигенции еврейского происхождения.

Since times of "late Stalin" the Soviet nomenklatura was afflicted with anti-Semitism. In the subsequent period this systemic ailment weakened to a considerable extent and lost its repressive component. Yet it continued to exist finding its manifestations predominantly in form of restrictions imposed on career advancement of Jews. Having become the leader of the USSR Brezhnev had to live with such paradigm though he personally was not a hater of Jews. Moreover, Brezhnev had some sympathy to Jews. Though he did not went to the open conflict with anti-Semitism of the Party apparatus he nevertheless spoke for development of the Jewish culture in the USSR, felt a sympathy and provided the covert protection to so prominent master of the theater satire as Arkady Raikin and to other Jewish representatives of creative intelligentsia.

Ключевые слова: Леонид Брежнев; творческая интеллигенция; еврейский вопрос; сионизм; ЦК КПСС; номенклатура; антисемитизм; диссиденты; Аркадий Райкин; Геннадий Хазанов; советская мифология.

Key words: Leonid Brezhnev; creative intelligentsia; the Jewish issue; Zionism; the Central Committee of the Communist Party of the SU; nomenklatura; anti-Semitism; dissidents; Arkady Raikin; Gennady Khazanov; the Soviet mythology.

E-mail: genkost@mail.ru

**Юдофилия генсека
против юдофобии аппарата**

Волею истории Брежнев унаследовал от Хрущева такую систему государственного управления, которая пусть и обеспечивала вплоть до середины 1970-х гг. поступательное развитие

страны, но, будучи пораженной различными идейно-политическими и социально-экономическими пороками, в том числе и таким серьезным, как аппаратный антисемитизм, уже несла на себе явную печать обреченности. Тот же официальный антисемитизм заметно усилился с 1967 г., главным образом, вследствие провоцирующего воздействия широкой поддержки советскими евреями, особенно молодыми, победы Израиля в Шестидневной войне. Однако до этого и особенно в первый год лидерства Брежнев, рядясь в тогу либерала и следуя вроде бы прежним «оттепельным» курсом на «восстановление ленинских норм», пытался даже разрядить негативное напряжение в обществе, возникшее после завуалированно антисемитских выступлений Хрущева на встречах с творческой интеллигенцией в конце 1962 – начале 1963 гг.¹. В результате в пропагандистских материалах стала исподволь педалировать, видимо, с оглядкой на юдофилию Ленина (еще памятную пожилым партийцам и тем более цековским идеологам!) необходимость позитивного осмысления давно замалчивавшейся в стране еврейской проблемы. Именно такой акцент был сделан в репортаже с торжественного заседания в Риге, посвященного 25-й годовщине «восстановления Советской власти в Латвии». Конкретно в нем были процитированы следующие слова из выступления прибывшего в Латвию председателя СМ СССР А.Н.Косыгина: «Для нашего общества национальные пережитки в любой форме – будь то проявления национализма, великодержавного шовинизма, расизма, антисемитизма – явления безусловно чуждые, противоречащие нашему мировоззрению» [22, с.1].

В том же духе «Правда» наставляла своих читателей и спустя несколько месяцев, на сей раз посредством редакционной статьи: «...Ленин завещал нашей партии свято блюсти дружбу народов СССР. Он гневно обрушивался против каких бы то ни было проявлений национализма, в частности, он требовал неустанной "борьбы с антисемитизмом, этим гнусным раздуванием расовой особенности (так в тексте. – Г.К.) и расовой вражды"» [14, с.1].

---

¹ Подробно: [13, с.390–396].

**На процессе
Синявского–Даниэля**

Однако уже с 1966 г. началось закручивание гаек, в том числе и в еврейской политике. Во многом это стало следствием прошедшего тогда публичного процесса над диссидентами А.Д.Синявским и Ю.М.Даниэлем.

Суд над Андреем Синявским (на переднем плане) и Юлием Даниэлем. Февраль 1966 г.

Несмотря на то, что, в отличие от последнего, Андрей Синявский не был евреем, а являлся потомком русских дворян, не без стараний властей распространялись слухи об обратном, благо тот подписывал свои нелегальные произведения псевдонимом «Абрам Терц», позаимствованным из еврейской блатной песни. Однако такое ложное и с явной потугой на общественную дискредитацию причисление Синявского к нации, олицетворяющей мятежный интеллектуализм, несколько не смущало и тем более не раздражало этого человека, чей филосемитизм сформировался еще на основе давнего детского личного опыта, так описанного им в конце жизни: «Совершенно случайно, по территориальному праву я учился в знаменитой привилегированной школе, и 80% моих одноклассников были хорошо одетые еврейские дети, поскольку их родители в середине 30-х годов занимали высокие посты. Евреи преобладали тогда в правящем аппарате и в культурной жизни Советского Союза. А я был из семьи очень бедной. Естественно, надо мной смеялись,

когда я выходил к доске, на меня рисовали карикатуры, где заплаты на моих штанах занимали почетное место. Им, богатым, были смешны мои опорки. Однако я хорошо учился, и поэтому конкурентная ситуация меня не волновала – я был с евреями наравне. А некоторых моих русских одноклассников это травмировало. Потому что по сравнению с ними евреи были находчивее, образованнее, интеллектуальнее. И до сих пор я мысленно говорю русским, когда евреи их забивают: а вы попробуйте! Вы дойдите до такого же уровня интеллекта, скепсиса, образования, до какого иногда дорастают евреи» [26, с.368].

К сожалению, Брежнев, в отличие от Снявского, не оставил потомкам такого же исповедального откровения по еврейскому вопросу. Вот почему, учитывая историческую значимость его личной позиции по нему, пришлось ее реконструировать, пусть и опираясь лишь на косвенные факты и немногочисленные сохранившиеся свидетельства. Проведенный анализ этих данных позволяет со значительной долей уверенности констатировать главное: Брежневу не был присущ личный антисемитизм. И не только потому, что, в отличие от Сталина и Хрущева, он не проявлял в политике избыточной эмоциональности, как известно, далеко заносившей этих его предшественников за рамки здравого смысла. Но от юдофобии Брежнева предохранили не только такие свойства характера, как сдержанность и неэкзальтированность в служебных делах, но и жизненные уроки, полученные им с раннего возраста в семье. Известно, что ярким впечатлением отрочества будущего генсека стала глубоко врезавшаяся в память картина: в России полыхает Гражданская война, в поселке Каменский Екатеринославской губернии, где он жил, полная анархия и вакханалия насилия безвластия, его отец Илья Яковлевич укрывает в своем доме спасающихся от погромов евреев.

Проникнувшись еще с молодых ногтей сочувствием к гонимому народу, Леонид Брежнев навсегда сохранил в душе такое к нему отношение, свидетельством чему может хотя бы служить рабочая запись заседания Политбюро 20 марта 1973 г. Если верить ей, на нем он выказал достаточно удовлетворительную информированность о текущем состоянии еврейской культуры в СССР. Во всяком случае ему, в отличие, например, от Косыгина, был известен как сам еврейский литературный журнал «Советиш геймланд», так и его главный редактор Арон Вергелис. Именно с тот день Брежнев впервые за долгий начавшийся еще при Сталине период гонений на евреев отважился на доброе слово в их адрес, задавшись следующими «дерзкими», как он выразился, вопросами: «а почему не дать им (евреям. – Г.К.) маленький театрик на 500 мест...

пусть тетя Соня поет там еврейские свадебные песни»; «а что если открыть» в Москве еврейскую школу; «а что если разрешить еврейскую еженедельную газету»? [10, с.158]

Ударившись далее в воспоминания, Брежнев поведал историю о том, как вскоре после войны к нему, тогда первому секретарю Днепропетровского обкома, заехал в гости первый секретарь Ворошиловградского обкома А.И.Гаевой, которого он повел в только что открывшуюся в городе филармонию. В тот день там выступала незнакомая Брежневу исполнительница еврейских песен. Судя по его теплым словам на Политбюро, ее концерт ему тогда явно понравился: «Только песенку споет, а зал кричит: браво, Соня!» [10, с.159]

Об отсутствии в Брежневе предубежденности к евреям говорит и тот факт, что, начиная с 1958 г. и вплоть до смерти в 1982 г., его первым помощником являлся Георгий (Генрих) Эммануилович Цуканов, который, числясь по паспорту русским, был, скорей всего, полукровкой. В близком окружении Брежнева Цуканов оказался не только потому, что они были земляками. Говорят, отец последнего был начальником будущего генсека в бытность того в 1937 г. инженером Днепровского металлургического завода в Днепродзержинске. На этом предприятии впоследствии работал и сам Георгий Цуканов, доросший там до главного инженера.

Однако усилия Брежнева по смягчению еврейской политики торпидовались официальной антисемитской пропагандой, усиливавшейся тогда с каждым днем. К тому же благие пожелания генсека по содействию еврейской культуре, что называется, на корню забивались антисемитскими нравами, прочно закрепившимися в аппарате ЦК КПСС со времен Сталина. Сочной их иллюстрацией может служить трагикомическая история, приключившаяся осенью 1974 г. с консультантом Отдела пропаганды ЦК Л.А.Ониковым. Работая на Старой площади с 1960 г., этот этнический армянин специализировался на проблематике межнациональных отношений в СССР. Пораженный массовой еврейской эмиграцией начала 1970-х гг., он, свято веривший в светлое коммунистическое будущее советских народов, решил на свой страх и риск докопаться до ее истинных причин. Для этого Оников, используя личные связи (знакомство с замминистра внутренних дел), добился допуска в УВИР Мосгорисполкома, где, интервьюируя оформлявших выездные документы евреев, провел независимое социологическое исследование. Его результаты он изложил в пространной записке, в которой наряду с прочим предложил: усилить контроль за антисемитской литературой, грешившей низким качеством и неотфильтрованностью от антисемит-

ских коннотаций; издать самоучитель идиша и организовать в школах Одессы, Черновцов и Биробиджана факультативное его изучение; создать в ряде библиотек отделы еврейской литературы, открыть стационарный еврейский театр, транслировать еврейские песни по радио и телевидению [8, с.199–203]. Парадоксально, но именно эти рекомендации, созвучные вроде бы с желанием Брежневым поддержать еврейскую культуру, вызвали наибольший гнев цековского начальства. Прочитав записку О니кова, секретарь ЦК И.В.Капитонов потребовал его немедленного увольнения с работы. Однако за провинившегося консультанта ходатайствовал перед М.А.Сусловым исполнявший обязанности заведующего Отделом пропаганды Г.Л.Смирнов. Благодаря его заступничеству, поддержанному секретарем ЦК П.Н.Демичевым, увольнение Оникову заменили выговором [19]. Отделавшись, что называется, малой кровью, последний постарался побыстрее выбросить из головы все связанное с опасным еврейским вопросом. Однако избавиться от него оказалось совсем не просто, ибо у цековского начальства была долгая память на любое проявление подчиненными рационального и лишнего юдофобской мифологии отношения к еврейству. Вот почему Оников надолго стал притчей во языцех у обитателей кабинетов на Старой площади, отравленных в большинстве своем ядом антисемитской конспирологии. Вспоминая о приключившейся с ним в ЦК «еврейской истории», Оников с горькой иронией отмечал: «Финал был смехотворным. В столовой во время обеденного перерыва зав. Сектором телевидения Гриша Оганов, армянин, как и я, лукаво прищурились, вдруг спрашивает меня: "Леон, кто ты по национальности?" Отвечаю в той же тональности: "Шотландец". – "Нет, брат, ты – еврей. И числишься в тайном списке евреев аппарата ЦК под номером 21". – "Очко", – невольно вырвалось у меня. Последующие события, – продолжал Оников, – убедили меня, что такой список (разумеется, неофициальный...) действительно существовал. Под номером один в нем значился Г.Цуканов – первый помощник Л.Брежнева... По какому признаку заносились имена в этот список, сказать трудно... В этом списке, кстати, числился и нынешний посол в Израиле А.Бовин. Почему? Видимо, он объективно высказывался по "еврейскому вопросу". Меня не раз спрашивали, не еврей ли Бовин. Отвечал: нет. Я лично был знаком с его матерью, родственниками – русские люди. На таком же основании, если речь идет о добрых чувствах к какому-либо народу, его можно считать не только евреем, но и турком» [20, с.29].

**Покровительство
Аркадию Райкину**

Несмотря на такой фон аппаратной антипатии к евреям, Брежнев тем не менее позволял себе покровительствовать некоторым наиболее знаменитым из них, оберегая тем самым от высокопоставленных бюрократов, ратовавших за жесткое пресечение «происков сионистов». Будучи выходцем из социальных низов и предпочитая всем остальным искусствам эстрадные шоу, Брежнев уже вскоре после того, как сменил Хрущева, поспешил поддержать нелюбимых последним популярных певцов и актеров Л.О.Утесова и М.Н.Бернеса, дав им в 1965 г. почетные государственные звания народных артистов соответственно СССР и РСФСР². Но особенно ценил Брежнев талант артиста Аркадия Райкина – популярного эстрадного исполнителя сатирических миниатюр. Познакомились они еще летом 1941 г., когда буквально за несколько дней до начала войны Райкин вместе с другими артистами Ленинградского театра эстрады и миниатюр приехал на гастроли в Днепрпетровск. Любившему шутки и веселье Брежневу Райкин сразу понравился, хотя война и не позволила тому там выступить. И пусть их знакомство было мимолетным, Райкину навсегда запомнилось, как Брежнев сделал все возможное, чтобы уже 22 июня 1941 г. вывезти ленинградских артистов из небезопасного города, бои за который развернулись уже 19 августа. Вместе с фронтовой бригадой Райкин потом не раз приезжал в оперировавшую в районе Новороссийска 18-ю армию, чей политотдел возглавил в 1943 г. полковник Брежнев. Возможно, именно он представил Райкина к награждению медалью «За оборону Кавказа». Встречались они и после войны, и потом по воцарении Брежнева в качестве генсека [16, с.283–284]. Став таковым в конце 1964 г., тот сразу же встретился с Райкиным, прибывшим тогда в Москву, чтобы вылететь вместе с труппой своего театра на гастроли в Англию. Не без звонка из Кремля Райкину вскоре предоставили в Москве и квартиру в престижном доме на пересечении улицы Горького и Благовещенского переулка. Однако, принадлежа к таким разным социальным слоям, как высшая бюрократия и творческая интеллигенция, генсек и артист были в личном плане всегда далеки друг от друга. И если при Брежневе карьера Райкина и пошла резко в гору (в 1968 г. последний получил звание народного артиста СССР, а в 1980 г. – Ленинскую премию), причиной тому была не столько очевидная симпатия генсека к популярному арти-

---

² Утесов стал первым эстрадным артистом, получившим звание народного артиста СССР.

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

сту, сколько почти всенародная любовь к нему. Вынужденная считаться с популярностью Райкина власть щедро награждала его и одаривала всевозможными благами, не забывая, однако, использовать в пропагандистских целях. И хотя далекий от диссидентства артист и не был против этого – например, участвовал в различных антисюионистских акциях, – однако органически присущее его незаурядному таланту свободолюбие порой спонтанно прорывалось наружу, провоцируя конфликты с властью имущими. Чутко ощущая эту опасную для них непредсказуемость, чиновники не любили Райкина, который к тому же сделал их излюбленной мишенью своей сатиры.

Антисюионистская пресс-конференция представителей еврейской общественности в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран, 4 марта 1970 г. Первый ряд, слева направо: А.Л.Вергелис, Э.А.Быстрицкая, Д.А.Драгунский, А.И.Райкин.

Особенно не жаловали артиста руководители Украины, на которых не могло не влиять то немаловажное обстоятельство, что исторически уровень антисемитизма там был выше, чем в среднем по стране. Может быть, поэтому, начиная с конца 1940-х гг., Райкин очень редко там гастролировал. Не сложились у него отношения и с первым секретарем ЦК КПУ П.Е.Шелестом, занявшим этот пост летом 1963 г. Когда спустя четыре года в Киев после двадцатилетнего перерыва приехал Райкин, его единственный концерт привел в шок украинского руководителя.

Собственно, сыр-бор разгорелся из-за миниатюры, где Райкин, восходя по выстроенной из канцелярских столов декорации-пирамиде, ярко изобразил карьерную метаморфозу советского бюрократа, который, проявив недюжинные способности по части чиновничества, угодливости и лизоблюдства, стремительно поднялся с мелкой должности «завскладом» до кресла министра и, воззрившись оттуда на всех «нижестоящих», презрительно цедил через нижнюю губу: «А теперь я самый-самый. Ни хрена не делаю и на всех плюю» [27].

Возмутившись этой финальной репликой, прозвучавшей как злая насмешка над властями предрежащими, Шелест устроил разгон подчиненным, допустившим столь крамольное выступление. И хотя он не стал жаловаться Брежневу, зная, что среди его «чудачеств» [30, с. 597] была и симпатия к Райкину, однако ввел негласный запрет на дальнейшие концерты артиста на Украине. Тем не менее, обзаведясь в начале 1969 г. путевкой Минкульта СССР, Райкин смог все же потом приехать на Украину. Правда, на сей раз не в Киев, а в бывшую республиканскую столицу Харьков, давая аншлаговые концерты с 29 марта по 1 апреля. Реакция местных властей последовала 10 апреля, когда начальник Управления КГБ по Харьковской области П.Ф.Фещенко направил председателю КГБ при СМ УССР В.Ф.Никитченко следующую записку:

«Выступление А.Райкина с программой, которую он показывал в Харькове, вызвало неодобрение со стороны части зрителей. Приводим наиболее характерные высказывания:

– преподаватель Педагогического института им. Г.С.Сковороды Ф-ко Л.В.: "Мы знаем, что в нашей жизни есть недостатки. С болью переживаем и боремся с ними. Но бороться так, как это злопыхательски делает Райкин, значит искажать нашу действительность и давать лишние козыри нашим зарубежным и внутренним недругам".

– заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Института культуры Б-ко П.Н.: "Райкин в своем концерте некоторые вещи смакует и преподносит их с явным удовольствием. Это не способствует воспитанию молодежи, а, скорее, наоборот". ...Необходимо отметить, что на всех концертах А.Райкина в зрительном зале присутствовало примерно 3/4 лиц еврейской национальности, которые весьма бурно реагировали на тенденциозные моменты выступления А.Райкина» [27].

Масла в огонь затлевающего в Харькове скандала добавило пребывание там 16–17 апреля 1969 г. поэтесс Р.Ф.Казаковой и И.И.Кашежевой, проведших по линии СП СССР несколько встреч с читателями. Читая со сцены наиболее социально острые стихотворения, еврейка-полукровка

Римма Казакова³ сделала упор на противодействии возрождению сталинизма⁴, а адыгейка Инна Кашежева – на еврейском «пятом пункте»⁵. После чего новые тревожные «сигналы» ушли из Харькова по каналам госбезопасности в Киев, где глава украинского КГБ Никитченко свел воедино словесные бичевания подчиненных в адрес Райкина, Казаковой и Кашежевой, представив их 29 апреля 1969 г. в виде докладной записки Шелесту. Тот же, наложив резолюцию «ср.[очно] написать инф.[ормацию] в ЦК КПСС», сразу направил ее секретарю ЦК КПУ по идеологии Ф.Д.Овчаренко. Но последний – академический интеллектуал, – будучи, видимо, не в восторге от этого указания партлидера Украины, не очень торопился его исполнить, направив соответствующую бумагу Суслову только 12 мая. Вот наиболее примечательные выдержки из нее: «В апреле сего года в Харькове выступили поэтессы Римма Казакова и Инна Кашежева с чтением своих стихотворений, в том числе и идейно порочных... В Харькове гастролировал народный артист Союза ССР Райкин А.И., в концертах которого Михаил Званицкий (М.М. Жванецкий. – Г.К.) и другие исполняли ряд интермедий, искажающих нашу действительность... Стихотворения Р.Казаковой и И.Кашежевой, исполнявшиеся перед молодежной аудиторией, проникнуты чувством неверия, разочарования. Сложные периоды нашей истории освещены в них крайне односторонне. В отдельных стихотворениях утверждаются идеи космополитизма» [1, д.86, л.81–82].

14 мая 1969 г. Суслов начертал на послании Овчаренко: «Тов. Шауро. Просьба обратить внимание» [1, д.86, л.82]. Несмотря на вроде бы достаточно формальный и мягкий характер этого данного заведующему Отделом культуры ЦК указания, тот отреагировал на него с повышенным рвением. Уже в тот же день его заместитель З.П.Туманова и инструктор Отдела культуры А.К.Фролов подготовили для Суслова сле-

³ Родители Р.Казаковой: отец – Федор Лазаревич Казаков, мать – Софья Александровна Шульман.

⁴ «Смогли без бога – сможем без вождя. / Вожди, вожди – народец ненадежный, Попробуй угадай, какая там под хвост вожжа, / Когда опять натягивают вожжи... / ...Послушные шли за вождем, / Как за козлом овечки! / Пещерный век – анахронизм, вожди! / Последней веры оплывают свечки» [1, д.86, л.84].

⁵ «Графа «национальность» – это лишнее. / Она давно в анкетах не нужна. / Какая я? Любая, даже рыжая, / Когда того потребует страна... / Не от того я нервная и резкая, / Что вспомнила про родичей своих. / Вовек не текла в них кровь еврейская, / И репрессированных нет среди них.... / Мы умирали всюду, настрадались, / Намаялись вперед на сотню лет. / А почему? Ответ среди анкет. / Пункт пятый – ничего короче нет» [1, д.86, л.87].

дующую справку: «Как сообщил секретарь правления СП СССР Воронков К.В., выступления поэтесс Р.Казаковой и И.Кашежевой обсуждены на секретариате правления СП СССР. Т.т. Казаковой и Кашежевой указано на недопустимость подобных выступлений. Бюро пропаганды советской литературы при СП СССР (т. Ляшкевичу Д.Е.) предложено более требовательно подходить к отбору авторов для публичных выступлений и рассмотрению их репертуара. Министерству культуры РСФСР (т. Александрову) предложено усилить контроль за репертуаром артистов эстрады» [1, д.86, л.94].

Поскольку писателями и поэтами занимался в основном Отдел пропаганды ЦК, а в ведение Отдела культуры ЦК входил надзор за театральным искусством, от «постпражской» ретивости Шауро досталось в дальнейшем, главным образом, творчески увлекавшемуся Райкину, чья профессионально выверенная острая социальная сатира воспринималась на Старой площади как скрытый подрыв советского режима. Пристально отслеживая опасную балансировку артиста на грани цензурно допустимого, идеологические охранители скрупулезно накапливали в спецдосье негативные отзывы «трудящихся» на его выступления, потчюя ими время от времени свое начальство. Один из них, имевший явный антисемитский душок, в ЦК направил в июне 1969 г. пенсионер из Донецка П.Д.Кабанько. Бравируя более чем сорокалетним партстажем, он немилосердно разругал новую программу Райкина «Светофор», «гвоздем»

Обложка книги Юрия Иванова «Осторожно: сионизм!» (М., 1969)

которой были миниатюры М.М.Жванецкого «Авас» и «Век техники». Заявитель утверждал, что они – проявление злобной реакции на то, что «сейчас евреев стали теснить в науке». Затем в письме пояснялось: «Такая постановка вопроса (антиеврейские утешения. – Г.К.) страшно не нравится Райкину, он протестует в завуалированном виде, и для этого он делает молодого русского (одного из героев миниатюры «Авас». – Г.К.) ... дураком» [1, д.86, л.91–92]. Кабанько обвинял Райкина и в «оскорблении русских женщин», чьи имена якобы только и «склонял» со сцены, не произнося «ни одной Цили, Сарры, Розы...» Завершалось послание восторженным упоминанием «замечательной книжки» Ю.С.Иванова «Осторожно: сионизм!», которая, как многозначительно подытожил Ка-

банько, «во многих отношениях имеет прямое отношение к Аркадию Райкину» [1, д.86, л.93 об.].

Скапливавшийся в ЦК компромат на Райкина достиг критической массы к осени 1970 г., запустив тогда чрезвычайно болезненную для него аппаратную проработку. Поводом послужил созданный по пьесе М.М.Жванецкого и Л.И.Лиходеева спектакль «Плюс–минус», прошедший 3 и 4 октября в переполненном зале московского Театра эстрады. Наибольшее раздражение на Старой площади вызвало то, что эту написанную к 100-летию юбилею В.И. Ленина пьесу авторы с избытком уснастили его цитатами, бичевавшими бюрократов, что было воспринято как дерзкое покушение на монопольное право ЦК КПСС интерпретировать идейное наследие вождя. Вызвав Райкина к себе «на ковер», взбешенный В.Ф.Шауро закричал на него с порога: «Что там "Голос Америки" или Би-би-си! Стоит в центре Москвы человек и несет антисоветчину!» Обескураженный столь грозным приемом артист был строго предупрежден, «что цитировать В.И.Ленина не надо» [25, с. 397].

Вспоминая об этом разгоне, Райкин писал: «В той критической ситуации, когда он (Шауро. – Г.К.) обвинил меня в антисоветчине (хорошо еще не называл врагом народа!), стало ясно, что продолжать работу трудно, если не невозможно. Вот тогда-то прямо из его (Шауро. – Г.К.) кабинета на Старой площади меня увезли в больницу с тяжелым инфарктом. Приехала "скорая помощь", уложили на носилки – никто не шелохнулся, не извинился. Только внизу гардеробщица, увидев носилки, сказала доброе слово» [25, с.398].

Сердечный удар, поразивший Райкина в здании ЦК, не мог не обеспокоить Брежнева. Очевидно, по его просьбе главный редактор «Правды» М.В.Зимянин направил лечившемуся в Кремлевской больнице артисту ободряющую записку, в которой посоветовал: «Не обращайтесь на... обвинения, держите хвост морковкой» [24, с.398]. Как по мановению волшебной палочки уже вскоре в «Ленинградской правде» появилась хвалебная статья о спектакле «Плюс–минус». А 20 ноября 1971 г. был опубликован указ о награждении Райкина орденом Трудового Красного Знамени

Отнюдь не наивный Райкин не мог не понимать, что дисциплинированный партчиновник Зимянин никогда не решился бы поддержать его по собственной инициативе и что вопреки официальной формулировке орден ему вручили отнюдь не в связи с шестидесятилетием, отмечавшимся, кстати, почти месяцем ранее. Несомненно, догадываясь, что за всеми этими благодеяниями стоит Брежнев, Райкин, «воспрянул духом». Так последний выразился в мемуарах [24, с.398], в которых ясно дал

понять, что поддержка генсека пришлась как нельзя кстати, ибо вскоре против артиста была, по его выражению, «запущена сплетня», будто он «отправил в Израиль гроб с останками матери и вложил туда золотые вещи!» [25, с.399]. И это при том, что, свою мать, Е.Б.Гуревич, артист похоронил на ленинградском Преображенском кладбище еще в 1965 г.

Подобные с привкусом юдофобии вздорные наветы на представителей либеральной творческой интеллигенции, причем не только еврейского, но порой и русского происхождения, не были тогда редкостью. Особенно стремительно они стали разрастаться после Шестидневной войны 1967 г., когда, скажем, поползли слухи, что писатель К.М.Симонов создал на собственные средства подпольный фонд в поддержку Израиля [17, с.528], а певец Л.О.Утесов закопал бриллианты в могиле жены [12, с.15]. Все эти толки, включая и упомянутые рассказы о Райкине, разносились не только народной молвой. Распространяли их и некоторые партийно-государственные чиновники. Ведь скандальную историю о набитом драгоценностями материнском гробе Райкину поведал его московский родственник, услышавший ее на политзанятии из уст лектора одного из столичных райкомов партии⁶.

Однако узнав, что в целенаправленном его шельмовании участвуют и представители властей, Райкин не испугался, ибо это были неопасные для него аппаратчики низшего и среднего звена. Более того, опекаемый с самого верха, он стал защищаться энергично и решительно. Еще залечивая инфаркт в Центральной клинической больнице 4 главного управления при Минздраве СССР (знаменитой «Кремлевке»), он уполномочил жену подать официальную жалобу по факту его публичной дискредитации. И вот когда та позвонила в тот райком партии, который выдал путевку незадачливому лектору, нагнетавшему страсти вокруг мифических гробовых сокровищ ее мужа, и пригрозила на всякий случай, что если будет надо, дойдет и до председателя КПК при ЦК КПСС А.Я.Пельше, реакция была быстрой и угодливой. Уже через несколько дней ей сообщили, что этого лектора не только заставили публично извиниться за дезинформацию, но и уволили с работы. Такой результат приободрил Райкина, который после выписки из стационара стал сам отстаивать свое доброе имя. Первым делом он отправился в ЦК, где,

---

⁶ Аналогичную легенду о Райкине также распространяла заведующая отделением кремлевской ЦКБ и жена офицера КГБ П.Н.Мошенцева. В частности, она рассказывала: «В аэродроме несли цинковый гроб еле-еле шесть человек. Кто-то сказал "вскройте", вскрыли, а там – труп матери, золото, бриллианты... Райкина вызывали на Лубянку, два месяца он был в жуткой депрессии...» [12, с.15].

встретившись с Шауро, уже более не трепетал от страха, а, как бы поменявшись с ним ролями, принялся распекать его, требуя объяснить, «откуда пошла сплетня» о драгоценностях в гробу и почему она «звучит даже на партийных собраниях?» По словам Райкина, обескураженный его напором Шауро «сделал вид, что не понимает о чем речь, и перевел разговор на другую тему». «Самое смешное», как отмечал Райкин, бурное объяснение с Шауро «помогло»: неожиданно возникнув, злополучная легенда так же быстро «и умерла» [25, с.399].

После того как Брежнев дал ясно понять номенклатуре, что он на стороне Райкина, ее отношение к популярному артисту значительно смягчилось. То же самое произошло и в Ленинграде, где Райкин жил и работал и руководители которого, мягко говоря, никогда не жаловали артиста. Особенно сложными были у него отношения с первым секретарем Ленинградского обкома партии В.С.Толстиковым, который с самого назначения в 1962 г. третировал артиста как антисоветчика, действовавшего под маской клоуна и фигляра. Осенью 1970 г. жизнь, к радости Райкина, развела его с этим партбоссом-сталинистом, отправленным тогда послом в Китай. По иронии судьбы причиной этой отставки стал крупный скандал, возникший в июне 1970 г. из-за неудачной попытки группы подпольных сионистов во главе с Э.С.Кузнецовым и М.Ю.Дымшицем захватить в аэропорту «Смольное» под Ленинградом самолет, чтобы, угнав его Швецию, перебраться оттуда в Израиль.

Однако сменивший Толстикова Г.В.Романов, обязанный тому назначением в 1963 г. вторым секретарем Ленинградского обкома, относился к Райкину так же неприязненно, как и его предшественник. Во всяком случае ни разу не почтил своим присутствием концерты артиста. Дело в том, что, по мнению таких современных петербургских либерал-общественников, как Н.С.Катерли и Б.Л.Вишневский, Романов «люто ненавидел и травил» не только Райкина, но и других независимо державшихся представителей городской творческой интеллигенции из числа евреев, в том числе поэта И.А.Бродского, писателя и историка К.М.Азадовского [9, с.7], писателя С.Д.Довлатова⁷. Доставля-

---

⁷ *Выехавший в 1978 г. по израильской визе в США писатель армяно-еврейского происхождения Довлатов считал себя «русским по профессии». Оказавшись на Западе, он не держал зла на своих недоброжелателей в СССР, так выражая свою незлобивость: «Сейчас в эмиграции любят говорить о пережитых страданиях. Меня никто не выкидывал, не вытеснял, не высыпал... Просто сама жизнь так сложилась. В наручниках меня никто не заставлял туда ехать – просто посоветовали. Я нормально, в общей массе уезжающих*

лось от Романова и тем, кто на свой страх и риск пытался игнорировать такую его национальную политику. Например, всемирно известному климатологу и совсем не еврею М.И.Будыко, который с 1954 г. возглавлял Ленинградскую главную геофизическую обсерваторию им. А.И.Воейкова, дружил с А.А.Ахматовой, а в начале 1970-х гг. принял на работу вопреки негласному наставлению обкома партии нескольких специалистов еврейского происхождения. Романов отомстил Будыко тем, что при выдвижении ученого в академики представил на него в АН СССР отрицательную характеристику, вследствие чего тот был забаллотирован. А в 1975 г. Будыко вообще был вынужден покинуть обсерваторию [21, с.54].

Свою позицию по Райкину и еврейскому вопросу Романов с предельной откровенностью обозначил незадолго до смерти, заявив корреспонденту: «А что Райкин? Пытался изображать самостоятельного, в пасквили свои постоянно дух антисоветчины вносил. Я делал ему замечания, какие-то произведения мы действительно не допускали к исполнению. Может быть, клерки мои в отношении него что-то и перебарщивали – но у него же и таланта-то особенного не было. ... А с проявлениями антисоветских настроений я действительно принципиально боролся. Пятое управление Комитета госбезопасности мне в этом помогало, в том числе и персонально Виктор Васильевич Черкесов⁸, на которого тоже было модно жаловаться, что он душит все прогрессивное. Не прогрессивное, а антисоветское – очень серьезная разница есть между этими понятиями. Вот был случай – я остановил публикацию книги Дмитрия Сергеевича Лихачева "Византийские легенды". Редактором этой книги была Софья Полякова – еврейка. Приглашаю я Лихачева к себе, спрашиваю прямо: "Зачем вы таких людей к работе привлекаете?" Он спрашивает: "Каких?" Я: "Тех, которых не нужно". Он: "Евреев, что ли?" Я: "Да". Его это тоже почему-то обидело, хотя я был прав, евреи тогда стояли на антисоветских позициях, и мы должны были препятствовать их деятельности» [11, с.26].

И опять Райкину помог Брежнев. На сей раз тем, что в 1981 г. разрубил гордиев узел взаимных антипатий между Романовым и артистом, оказав последнему помощь в переезде вместе с театром в Москву.

прибыл сначала в Вену, потом в Нью-Йорк» [18, с.28].

⁸ В 1970-е гг. В.В. Черкесов возглавлял 5 отделение Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области.

**Геннадий Хазанов как новая
привязанность генсека**

Если артистическая карьера Райкина клонила к закату, то другая звезда эстрадного юмора – Геннадий Хазанов⁹ – стремительно восходила тогда к зениту артистических достижений и популярности на эстрадном поприще. Этот еще один любимец Брежнева считал Райкина своим учителем, познакомившись с ним в 1959 г. на его концерте в Москве. Будучи весьма социально адаптивным, Хазанов значительно меньше конфликтовал с властями, чем Райкин. Замечательная приспособляемость Хазанова к сложностям советской жизни проявилась не только в том, что отцовской фамилии (Лукачнер) он предпочел более благозвучную материнскую, но еще и в том, что, вступая в 1958 г. в комсомол, решил избавиться от проблем, связанных с собственным еврейством, записав себя в учетной карточке осетином [7]. Однако наивный обман вскоре раскрылся, что, впрочем, не имело серьезного значения в пору, когда он начал выступать с эстрады, ибо для советских идеологических церберов, параноически воспринимавших даже самую невинную сатиру, важна была не столько национальность артиста, пусть даже такая неблагонадежная, как еврейская, сколько его репертуар. А поскольку во многих репризах Хазанова угадывалась скрытая издевка над чиновным самодурством и убожеством советского быта, они не могли не вызвать подозрений у властей. Особенно серьезными были таковые в отношении спектакля «Очевидное и невероятное», чья премьера прошла 13 ноября 1981 г. в Московском театре эстрады. Собственно, объектом главных придирок и нареканий стали насыщенные остросоциальными аллюзиями тексты монологов, написанные талантливым писателем-сатириком А.И.Хайтом, являвшимся в то время драматургом Камерного еврейского музыкального театра в Биробиджане.

Но чиновники на Старой площади знали о слабости, которую питал к Хазанову Брежнев, и потому спектакль сразу не закрыли, а подвергли жесткой переработке. Впрочем, когда в феврале 1982 г. он в отцензурированном виде вновь был представлен зрителям, партидеологи все рав-

---

⁹ Бывший зять Брежнева Ю.М. Чурбанов писал в начале 1990-х гг.: «Леонид Ильич любил Геннадия Хазанова – я только не понимаю, зачем сегодня Геннадий Викторович Хазанов в своих выступлениях так неудачно, на мой взгляд, копирует Леонида Ильича и рассказывает (на эстраде) старые анекдоты про Брежнева, многие из которых... Леониду Ильичу были известны. Они вызывали у него разве что добродушную улыбку. Все видели (по телевидению), что Хазанов принимал участие в торжественных правительственных концертах, где был Леонид Ильич...» [29, с.71].

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

но были недовольны. Серьезно не ладивший с юмором Шауро доложил в июне Суслову, что «Г.Хазанову не удалось в полной мере реализовать переданные ему пожелания» [2, док. 9, л.1]. Тем не менее, пока Брежнев был жив, спектакль «Очевидное и невероятное» со скрипом, но шел на сцене Московского театра сатиры. Его запретили только в 1984-ом...

В Московском государственном театре эстрады, слева направо: Г.В.Хазанов, М.Г.Розовский, А.И.Райкин, С.Ю.Юрский, А.В.Филиппенко, С.Т.Альтов. Начало 1980-х гг.

Мифология вокруг семьи Брежнева

Существует еще масса других фактов, свидетельствующих о том, что никаких фобий в отношении евреев у Брежнева не было. В связи с этим весьма характерен эпизод, имевший место в канадском городе Гандере (о. Ньюфаундленд), где следовавший в феврале 1974 г. из Москвы в Гавану Брежнев сделал краткую техническую остановку. Случилось так, что местные еврейские активисты, прознавшие заранее о прибытии советского лидера в аэропорт этого города, устроили там демонстрацию протеста против советской эмиграционной политики. Проходя мимо этой разгневанной толпы, Брежнев не испугался. Более того, вопреки рекомендации сопровождавшего его генерала КГБ подошел к демонстрантам. Далее, согласно Яковлеву, произошло следующее: «Состоялась достаточно миролюбивая беседа. Брежнев

был очень доволен. "Надо уметь разговаривать с людьми", – ворчал он, ни к кому не обращаясь. Поручил мне взять у демонстрантов письменные просьбы и направить их в ЦК на его имя» [32, с.192].

Хлебнув лиха при позднем Сталине и не дождавшись сколько-нибудь адекватного реабилитирующего воздаяния за это при Хрущеве, советские евреи не могли не связывать с Брежневым свои надежды на лучшее будущее. В чем-то они первоначально даже симпатизировали ему, будучи так или иначе наслышаны о его терпимом отношении к ним и обсуждая слухи об этническом происхождении его жены. На этой почве даже возникли кривотолки о том, что осенью 1966 г. Брежнев участвовал в установлении в Бабьем Яру закладного камня будущего мемориала [30]. Однако, отмечая впоследствии, что Брежнев не был антисемитом – «ни биологически, ни политически», – многолетний сотрудник Международного отдела ЦК А.С.Черняев оговаривался: «Но заложенная при "позднем" Сталине в государство, партию и общество установка – максимально нивелировать "еврейский фактор" в политике и идеологии – продолжала действовать, освободившись лишь от зверских форм ее реализации» [28, с.335].

Но наиболее интенсивным и причудливым был русскопартийный дискурс о криптоевреях в советских верхах и «кремлевских еврейских женах» как инструменте мирового сионизма по манипулированию советскими руководителями. Объектами подобных спекуляций становились в первую очередь все недруги так называемой Русской партии (РП)¹⁰ из числа высокопоставленных аппаратных деятелей. Скажем, тот же Суслов, чью жену Елизавету Александровну (возглавляла Московский стоматологический институт) национал-патриоты «записали» в еврейки. Соответствующие слухи особенно усилились после выхода в 1975 г. очередного романа Шевцова – «Набат»¹¹. В нем супруги Сусло-

---

¹⁰ Выражение, используемое в исторической политологии для обозначения негласных приверженцев русского национализма в советской номенклатуре.

¹¹ Выход в свет этого романа знаменовал собой снятие негласного вето, наложенного властями в 1970 г. на публикацию книг Шевцова. Произошло это благодаря поддержке А.Н.Шелепина, который в июне 1974 года переправил в Политбюро челобитную Шевцова по поводу «собственной травли и преследования». В ней тот сетовал на «глухую непроницаемую стену», «воздвигнутую сионистами» вокруг него. Вместе с тем Шевцов утверждал, что он был прав, когда в изданных в 1970 г. романах призывал читателей «к политической и идейной бдительности, разоблачая антисоветчиков и сионистов типа Солженицына, Сахарова и Медведевых...» Шевцов заверял, что «антисоветской сионистской мрази», «затравившей» Есенина и Маяковского, не удастся заставить его, «писате-

вы узнавались в образах крупного руководителя и «покровителя сионистов» Мирона Андреевича Серова и его жены Елизаветы Ильиничны – директора медицинского учреждения¹².

Поскольку Сулов пользовался безоговорочной поддержкой Брежневых, последний также подозревался в родственных связях с еврейством. Пусть и не очень активно, но РП распускались слухи о том, что отец генсека мог быть евреем. По сведениям, явно взятым с потолка, он сначала был то ли Исааком Каминским, то ли Израилем Горпинским, но, взяв потом фамилию свояченицы (сестры жены), стал именоваться Ильей Яковлевичем Брежневым [5, с.11–12]. Очевидно, подобные измышления частично провоцировались анкетной лабильностью самого Л.И.Брежнева, который, работая на Украине, указывал в документах, что он украинец, а переехав в Москву, стал писать себя русским. Но особенно сильно досталось от молвы жене Брежнева Викторией Петровне, чему, возможно, поспособствовала ее левантийская внешность. И хотя сама она неоднократно заявляла, что родилась в Белгороде «в простой русской семье» (отец – паровозный машинист П.Н.Денисов; мать Анна Владимировна – домохозяйка), тем не менее в кругах национал-патриотов ее величали Викторией Пинсуховной Гольдберг, происходившей якобы из семьи выкrestов [23, с.20–22; 4, с.467–468].

Приписывалось ей и родство (племянница) со Львом Мехлисом, стяжавшим печальную славу одного из главных проводников репрессивной политики Сталина. Впрочем, немало евреев, особенно из среды творческой интеллигенции, принимали ее за свою, о чем, кстати, рассказывала она сама: «И во Франции была с Леонидом Ильичом. Там у меня конфуз вышел. Прилетели мы, торжественная встреча, а вдалеке демонстрация стоит с плакатами. И среди плакатов такое содержание: "Виктория Петровна! Вы – еврейка! Помогите своему народу! Пусть евреев отпустят на родную землю". А мне неудобно. Я не еврейка, хотя говорили, что очень похожа. И сказать, что не еврейка, неловко, еще подумают, что я от нации своей отказываюсь, как это у нас бывало» [4, с.469–470].

ля-коммуниста», уйти из жизни, подобно им. На фоне происшедшего тогда ужесточения режима стенания Шевцова возымели позитивное для него действие. Его пригласили на беседу в Отдел культуры ЦК, после чего издательство «Современник» заключило с ним договор на издание «Набата» [3, с.404–408, 459–460].

¹² Показательно, что впоследствии Семанов, видимо, чрезмерно увлекшийся «русскопартийной» мифологией, утверждал, что «реальную супругу Сулова звали именно» Елизавета Ильинична [24, с.152].

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Л.И.Брежнев вместе с женой Викторией Петровной. 1977 год.

(Окончание следует)

Список сокращений

- КГБ – Комитет государственной безопасности.
- КПК – Комитет партийного контроля.
- КПУ – Коммунистическая партия Украины.
- Оп. – опись.
- Пер. – перечень.
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.
- РП – Русская партия.
- СМ – Совет Министров.
- СМИ – средства массовой информации.
- СП – Союз писателей.
- УВИР – Управление виз и регистрации.
- ЦКБ – Центральная клиническая больница.
- Ф. – фонд.

Библиографический список

1. РГАНИ. Ф.5. Оп.61.
2. РГАНИ. Ф.89. Пер. 60.
3. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973 –1978: Документы. В 2-х т. Т.1. 1973–1976. М., 1976. 1055 с.
4. Васильева Л.Н. Кремлевские жены. Факты, воспоминания, документы, слухи, легенды и взгляд автора. М., 1992. 544 с.
5. Буровский А.М. Брежнев без лжи. Да здравствует «Застой!». М., 2013. 352 с.
6. Галковский Д.Е. Тайна биографии Брежнева (<http://ricolor.org/history/rsv/good/bregnev>; <http://galkovsky.livejournal.com>)
7. Гордон Д. Как Гена Хазанов осетином стал (<http://www.jewish.ru/culture/press/2009/08/news994277528.php>).
8. Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б.М.Морозова. Тель-Авив, 1998. 288 с.
9. «И хорошо. Спасибо. Слава Богу» // Еврейское слово. 2013. 5–11 февраля.
10. Источник / Вестник. 1996. №1. С.199–203.
11. Кашин О.В. Хозяин Ленинграда // Русская жизнь (СПб.). 2007. №10.
12. Колобаев А.Н. История одного инфаркта: интервью с И.Л.Петрущенко // Совершенно секретно. 1998. №2 (108).
13. Костырченко Г.В. Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция. Еврейский вопрос. М., 2012. 528 с.
14. Ленинская дружба народов // Правда. 1965. 5 сентября. С.1.
15. Майзель С.А. Брежневские шестидесятые (<http://maizelsa.narod.ru>).
16. Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И.Брежнева. Кн.1. М., 1991. 335 с.
17. Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР в 1953–1985 гг. М., 2003. 624 с.
18. Огонек. 1990. №24.
19. Оников Л.А. Почему они уезжали? // Труд. 2000. 18 января.
20. Оников Л. А. Как я стал евреем в аппарате ЦК КПСС // Бовин А.Е. Пять лет среди евреев и мидовцев. М., 2003.
21. Поповский М.А. Управляемая наука. London, 1978. 320 с.
22. Праздник в столице Латвии // Правда. 1965. 19 июля. С.1.
23. Семанов С.Н. Леонид Брежнев. М.: Алгоритм, 2005. 448 с.
24. Семанов С.Н. Андропов. Семь тайн генсека с Лубянки. М., 2001. 416 с.
25. Райкин А.И. Воспоминания. СПб., 1993. 446 с.
26. Синявский А.Д. Основы советской цивилизации. М., 2002. 464 с.
27. Хазан Л. Новое об Аркадии Райкине // Бульвар Гордона. 2012. Декабрь. №50 (398). http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s50_65818/7847.html

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

---

28. Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. 528 с.
29. Чурбанов Ю.М. Я расскажу все, что было... М., 1993. 175 с.
30. Шейнин Б.С. «Не дай умереть ребёнку». Из воспоминаний кинематографиста // Заметки еврейской истории. 2005. № 9 (58); <http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/Nomer9/Sheinin1.htm>
31. Шелест П.Е. Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994. 632 с.
32. Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2000. 605 с.

**К счастью, культура и цивилизация
бесконечно прочнее, чем заверяют
нас клоуны политического цирка.
Политические, да и не только
политические, партии, группировки,
фракции и армии приходят и уходят,
а культура остается.**

Питирим Сорокин

Хорошо и прочно строится лишь то,
что строится исподволь и постепенно.

Питирим Сорокин

Андрей Келлер

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА XVIII–XIX ВЕКОВ¹

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК

94(47)''1717/...''

В результате промышленной революции и гигантомании прошлого фабрики и заводы XX в., подобно древним египетским пирамидам, становясь музейными объектами, уходят в прошлое. Им на смену приходят экологичные, гибкие и высокотехнологичные малые формы производства, имеющие генетическую связь с ремесленной мастерской. Это приводит к пересмотру истории ремесла и появлению новых исследовательских горизонтов. Но зачастую шедевры технического прогресса, возвышающиеся над экономической пустыней, все еще закрывают своей тенью ремесленного мастера. На примерах ремесленной мастерской, завода и фабрики попытаемся посмотреть, в каких отношениях эти понятия находились во времена protoиндустриализации XVIII – 1-й половины XIX в. и индустриализации во второй половине последнего.

The factories of the 20th century, the results of the Industrial Revolution and the megalomaniac arrogance of the past, are now akin to the pyramids of Ancient Egypt – they have become historical relics. In their place have arisen ecological, flexible, highly technological, and small forms of production: these have a direct genetic link with craft workshops, a fact which has led to a re-evaluation of the history of crafts and new horizons in historical research. Often, however, gigantic industrial factories, masterpieces of technological progress, sometimes obscure craft workshops in their shadows, making it seem as if they are towering over an economic wilderness. Looking at workshops, factories, and manufactories, we attempt here to consider the relationship between these terms in both the proto-industrial era of the 18th and first half of the 19th centuries and the period of industrialisation in the second half of the 19th century.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; городское ремесло; завод; многоукладность; промышленная революция; ремесленная мастерская; трансграничность; фабрика.

Key words: artisan workshop; city's handicraft; city's craftworker; cross border; factory; industrialisation; multistructural character of the economy; St. Petersburg; works.

E-mail: a.v.keller@urfu.ru

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдичионной археографии, Уральский федеральный университет). Договор №14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г. Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2017. №3.

II.**Ремесленная мастерская, мануфактура или фабрика?**

Один из существенных вопросов философии определил Г.-Г.Гадамер, постулировав задачу осознания соотношения *слова* и *понятия*. Немецкий философ предложил проанализировать практику применения слова в устной и письменной речи, а также понятия в научной мысли, обусловленного уже сложившимся словоупотреблением [5, с.30–31]. Такая постановка вопроса особенно актуальна для истории терминологии ремесла, переосмысление которой должно открыть новые горизонты не только в изучении последнего, но и в появлении нового событийного горизонта будущего, в котором ремесло, как социально-экономический уклад альтернативный экономике крупной капиталистической индустрии, может играть роль дополнительного инструмента в переходе развития от ресурсоориентированной индустриальной экономики к «зеленой экономике» будущего.

Историю терминологии городского ремесла необходимо предварить небольшим экскурсом в историографию XX в., дискурсы которой во многом актуальны и сегодня. Понятие многоукладности, переосмысленное историками «нового направления» на рубеже 1960-х – 1970-х годов, не смогло лечь в основу анализа новой историографической традиции ремесла по ряду причин. В.В.Поликарпов подробно рассмотрел этот эпизод в работе с характерным названием: «Цусима советской историографии», имевшей своим результатом разгром «нового направления» в 1972–1973 гг. [9, с.19, 21, 34, 106, 110]². Поводом к этому послужил «рецидив» народнических взглядов с новым толкованием понятия многоукладности, от которого напрямую зависело исследование истории ремесла. Ведь «примитивные формы и остатки докапиталистических укладов ...на основе старокapиталистических и докапиталистических отношений» могли рассматриваться не иначе как изживший себя архаизм [9, с.22, 84]. К примеру, Ю.Н.Нетесин и В.И.Бовыкин критиковали новаторов: «Историки в последнее время (т.е. ок. 1969 г. – *А.К.*) чрезмерно увлеклись изучением отсталых, неразвитых или пережиточных укладов в ущерб истории монополистического капитализма». Уральский историк В.В.Адамов заверил их, что их опасения напрасны, т.к. «изучение отсталых и переходных структур на настоящей стадии развития науки является ключом к познанию высших форм капитализма», изучение

---

² См. статью В.В.Адамова: [1, с.225–256].

которого происходило «в полном отрыве от тех процессов, которые шли в основной толще экономики страны». Перефразируя Адамова, можно сказать, что изучение истории ремесла является ключом к пониманию развития российской экономики в эпоху индустриализации: «Понятие многоукладности оказалось настолько идеологически нейтральным, что получило... всеобщее признание в мировой литературе» [9, с.88–89, 112].

Важность «нового направления» для изучения истории ремесла становится понятной, поскольку оно сближалось с дореволюционной историографией и «денационализаторской» школой 1920-х годов. Диспут 1928–1929 гг. на конференции Общества историков-марксистов по вопросу о «наслоении хозяйственно-различных, исторически-преемственных типов», соответствующих понятию многоукладности, наглядно показал это [9, с.85–86]. Предполагаемое изменение фокусировки, направленной на изучение ремесла в рамках капитализма, но вне его парадигмы, позволяет посмотреть на ремесло не как на «пережиток» «традиционализма, инерции и отсталости», по выражению Дэвида Сондерса, а как на альтернативный социально-экономический уклад [9, с.90, 112–113; 32, р.127, 136–137]. Поэтому приходится говорить не о вытеснении фабрики и заводом ремесла, а об их сосуществовании, что и является многоукладностью, которую не надо изживать, но необходимо описать и понять ее роль в экономике страны: «...никаких других теоретических открытий, столь же широко раздвигающих горизонт, позволяющих логически упорядочить, систематизировать столь сложную историческую реальность, как общественное развитие России начала XX в., – никаких других столь же тонких и эффективных инструментов историки не получали и на Западе»³.

Именно научные школы по истории экономики М.И.Туган-Барановского и И.М.Кулишера, а спустя примерно три десятка лет – В.В.Адамова на Урале позволили творчески переосмыслить народнические взгляды на ремесленную и кустарную промышленность в рамках многоукладности как на важный ресурс российской экономики. Говоря о терминологии ремесла в имперский период, нельзя не сказать о важной роли Петербурга как о месте, где трансфер знаний и технологий происходил наиболее интенсивно. По аналогии с трилогией Фернана Броделя, посвященной Средиземному морю и средиземноморскому

---

³ [9, с.113; см. также: 27, S.157, 159; 28, S.65–69, 143–144; 29, S.17, 47–51, 234–246; 30, S.66–68].

миру, напрашивается параллель с Балтийским морем. На протяжении многих столетий *mare balticum* представляло собой единое трансграничное пространство, характеризующееся огромным количеством исторических связей: экономических, культурных, семейных. Пограничное положение Петербурга как города-порта с его маритимной экономикой⁴, в отличие от материковой экономики Москвы, являющейся средоточием центрального экономического района России, определяло в значительной степени и его экономические связи, и особое место как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Петербург был не менее тесно, чем с Центральной Россией, связан с европейскими портами, в том числе с Любеком на северном побережье Германии. К примеру, доставка груза морем из Любека в Петербург (приблизительно 1 400 км) длилась около недели. Столько же, сколько по Московско-Петербургскому тракту в 1746 г., протяженность которого составляла на тот момент 778 км. [7, с.12]. Не забудем, что главные торговые центры Северо-Западной Руси Новгород и Псков на протяжении долгого времени были втянуты в сферу экономической активности одной из крупнейших торговых корпораций Средневековья и Раннего Нового времени – Ганзейского союза (*Deutsche Hanse*). В него входили торговые города побережья Балтийского моря и прилегающих к нему территорий [13, с.22–23].

Трансграничная история позволяет сравнивать схожие социально-экономические феномены в различных культурах и обществах, в данном случае – российской и немецкой. Трансграничность предполагает иной горизонт событий, помогающий видеть в культуре не герметически закрытый сосуд, а нечто постоянно меняющееся, относительно открытое и динамичное. Это система, сочетающая в себе мобильные и статичные компоненты. Соревновательность и сравнение своего с чужим есть один из древнейших принципов развития культур, культурная практика, присущая любой культуре. Поэтому понятие «оригинала», на который надо равняться, есть всего лишь иллюзия. На самом деле, существуют бесконечные ряды модификаций.

* * *

В «Очерках русской промышленности», увидевших свет в 1924 г., И.М.Кулишер наглядно показал, что в петровские и екатерининские «фабрики» и «заводы» в XVIII веке современниками мог вкладываться

---

⁴ См.: *International Maritime Economic History Association*.

совсем другой смысл. Иная «фабрика» ничем не отличалась от ремесленной мастерской (см.: [8, с.135–136, 140–142]). Это значит, что граница между названными типами «промышленных» предприятий была зачастую условной и могла перемещаться как в ту, так и в другую сторону, в зависимости от цели и успеха проекта. Призванные в 1813–1814 гг. в Златоуст немецкие и эльзасские мастера из Золингена и Клингенталя именовались «фабрикантами» холодного оружия, хотя в большинстве своем были ремесленными мастерами [4, с.290–292]. Это и есть объяснение того, что известный «фабрикант» Петр Вейерсберг приехал с братом и сыновьями: Фридрихом, Василием, Густавом, Эдуардом и Рейнгардом – на Оружейную фабрику в Златоуст и работал там браковщиком, получая при этом самое высокое жалованье в 3 000 руб. в год [6, с.4]. Мог наблюдаться и обратный эффект, когда ремесла идентифицировались с крупными предприятиями. В своем путеводителе по Петербургу (1820) Г.Л. фон Аттенгофер писал: «Рукоделия, доставляющие пропитание большей части жителей города и его окрестностей, в новейшие времена весьма размножились и усовершеншились. На императорских фабриках и частным лицам принадлежащих занимаются до 30 000 человек» [2, с.265].

Положение вещей мало чем отличалось в петровскую эпоху. Достаточно привести несколько хрестоматийных случаев. Указом от 8 июня 1717 г. подканцлеру барону Петру Шафирову и тайному советнику графу Петру Толстому представлено «труд приложить, дабы в нашем государстве учредить фабрику или художества всяких материй и парчей», где художества являются синонимом ремесел или промышленности вообще⁵. В том же указе говорилось, что правительство брало на себя обязательство предоставить сановным предпринимателям там, где «те заводы завести заблагоразсудят, на первое время готовые двory строения безденежно»⁶. Отсюда видно, что слова 'завод' и 'фабрика' применяются как синонимы. В 1718 г. купец Павел Вестов получает «право на исключительное устройство в Москве сахарных заводов на 10 лет, в 1719 г. стольнику Афанасию Савелову и купеческим сыновьям Томилиным [даются] привилегии на устройство скипидарных, канифоль-

---

⁵ Во многих случаях такие предприятия являлись расширенными ремесленными мастерскими [8, с.140].

⁶ ПСЗ-1, 3089. Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому. – На исключительное заведение в России фабрик для делания всяких материй и парчей [10, с.496–497].

ных и гарпиусных заводов»⁷. По мнению Кулишера, с которым можно согласиться, законодатели имели в виду не форму производства, а производство как таковое: оружия, тканей, льна, сукна (сельское хозяйство и кустарная изба в том числе. – *А.К.*) [8, с.103, 136].

В дальнейшем повествовании Кулишер приводит множество примеров, когда под собирательным словом *промышленность* в XVIII в. могли пониматься фабрика, завод, мануфактура, ремесленная мастерская⁸ или кустарная изба [8, с.135–142]. В двух последних случаях Кулишер разделяет понятия ремесленника и кустаря. Первый работает на себя и локализуется, как правило, в городе, второй – на селе и работает на скупщика. До начала XX в. расхожее понятие «ремесленная промышленность» применялось в противовес крупной. Почему, становится понятным из этимологии этого слова. Оно происходит от глагола *промышлять*, а тот, в свою очередь, от сущ. м.р. *промысел*. По мнению М.Фасмера, первоначальное слово *кустарный* (*промысел*) заимствовано из средне-нижне-немецкого *kunster* – «знарок искусства, ремесла» или ново-верхне-немецкого *kunster, künstler* (с XV в.), которые считают исходным ново-верхне-немецкого *Künstler* – «художник, мастер своего дела» (нем. *die Kunst* – искусство) [16, т.1, ч.2, с.358; т.3, ч.2, с.1415; 18, т.3, с.282; 19, т.2, с.359].

Петр I в 1696 г., обращаясь к тульскому кузнецу Никите Антurfьеву (родоначальнику горнозаводчиков Демидовых): «Постарайся, Демидыч, распространить свою фабрику» ...предлагает ему расширить свое чугунное, плавильное и оружейное производство, которое выполнялось в то время тульскими казенными кузнецами в своих же избах ремесленным способом. То же касается и тульского «оружейного завода» с 70-х годов XVII в., вплоть до 1873 г., означавшего «лишь нечто собиратель-

⁷ *Гарпиус* – тождественное с канифолью; слово, заимствованное, видимо, от нем. *Kolophonit*, производное от названия ионического города Колофон, являвшегося в античности центром торговли данным сырьем, – вареная и очищенная белая смола; твердая и ломкая смола, остающаяся от перегонки жидкой (живицы), при добыче скипидара. Иногда так называют смоляную мастику, сплавную смолку. *Гарпиусовый*, из *гарпиуса* сделанный; *гарпиусный*, то же, или к нему относящийся [17, с.848].

⁸ Под *ремесленной мастерской* понимается ручное производство с применением ручных инструментов и/или механических приспособлений (прялка, ткацкий, токарный станок и т.д.), с небольшим количеством работников, включая мастера, подмастерьев и учеников, владеющих, за исключением последних, как правило, всеми операциями для производства конечного продукта.

ное в смысле целой группы мелких самостоятельных заведений, работавших, главным образом, на казну, но также и для вольного рынка». В указе Петра 1712 г. выражение «завод суконный размножать», предполагает не что иное, как “*la fabrique de soie lyonnaise*”, или «лионск[ая] шелков[ая] промышленность, которая производилась исключительно в кустарных мастерских» [8, с.136]. Эти случаи невозможно подвести под один знаменатель, т.к. тогда сосуществовали разные виды мануфактур: централизованная и рассеянная, имевшие в своей основе разделение труда и ремесленные технологии производства. Этим объясняется «расстворение» мануфактур с началом промышленного переворота и их вытеснение заводом и фабрикой. Ремесленная же мастерская продолжала соседствовать с последними, оставаясь в отдельных отраслях производства и до сегодняшнего дня безальтернативным поставщиком качественных продуктов, изготовленных по индивидуальному заказу.

Итак, кажущееся современному читателю «смешение» понятий совершенно естественно для XVIII в., когда *ремесло* стоит в близкой связи со всеми словами, относящимися к производству (ремесленному, фабричному, заводскому). Слово 'завод' происходит от глагола 'заводить' (др.-слав. водить) в смысле 'хозяйствовать', имевшего широкий спектр применения в области производства продуктов потребления. С индустриализацией и возникновением крупного промышленного производства во 2-й половине XIX в. слова 'заводчик' и 'промышленник' получают однозначную коннотацию с крупным предпринимателем. Эволюционирует и слово 'мануфактура', послужившее производным для слов 'мануфактурщик' и 'мануфактурные товары' легкой промышленности, подразумевавших обработку волокнистых веществ и выработку тканей. Слово мануфактура заимствуется в немецком из французского и английского языков – *manufacture* от лат. *manus* 'рука' и *factūra* 'делать, обрабатывать', а из немецкого в начале XVIII в. – в русский язык⁹.

Чем дальше мы уходим в глубь веков, тем чаще мы встречаемся с ремесленной мастерской как основной производственной единицей. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.», наряду со словом 'мастерская', значатся синонимы 'мастерская изба' или 'мастерская горница'. Употреблялось это слово и в названиях государственных учреждений. В XVII в. имеются Государева или Царская мастерская палата и Царицына мастерская палата, в ведении которого находилось ткацкое дело [15, с.38].

---

⁹ См. лат. *facere* 'делать', также лат. *manufactūra* 'ручная работа'.

Этимология понятия 'фабрика'¹⁰ означающего сегодня крупное промышленное предприятие, имеет прямое отношение к ремесленной мастерской, а 'фабрикант' происходит от латинского слова, означающего в переводе на русский язык 'ремесленник'. В XVII в. немецкое *die Fabrik* заимствуется из французского (*fabrique*), и в начале первого десятилетия XVIII в. появляется в русском языке ранее всего у двуязычных поляков через польское *fabryka* в двух значениях: производство, изготовление чего-либо, а также завод, предприятие, выпускающее какие-либо изделия (также фр. *fabricat*, т.е. фабрикат, произведенный продукт, от лат. *fabricātum-fabricāre*). В это время различие между противоположными понятиями 'фабрика' и 'мануфактура', как другого рода производства, еще не сложилось, а слова фабрика – мануфактура – завод употребляются синонимически. Вот как объяснял словарь XVIII в. значение завода / фабрики: «Заводы бывают двоякие: одни людьми, другие водою или ветром действуют, к первым всякия великия фабрики, яко суконныя, полотняныя, селитренныя, стеклянныя, и тому подобныя, сии гречески называются мануфактуры (лат. – *A.K.*) ...ко вторым все крущцовыя, золотыя, серебряныя, медныя, сии французы фабриками, немцы Верк (завод, нем. *die Werkstatt*, ремесленная мастерская. – *A.K.*) называют, обоя точно Руски работа» [3, с.143]. Более поздний Словарь Академии Российской 1794 г. издания указывает также значение, близкое по смыслу к ремесленной мастерской: фабрика – лат., завод или место, где в большом количестве производится какое-либо рукоделие. *Чулошная фабрика. Суконная фабрика. Купить что на фабрике. Содержать, завести фабрику. Фабрикант – содержатель одной или многих фабрик* [14, ч.6, стлб.479]. В XIX в., вследствие индустриализации, слова завод и фабрика принимают современное значение [3, с.143].

Некоторые ремесленные понятия с измененной семантикой существуют и сегодня. Слово цех (ремесленный, мн.ч. цехи) осталось в обозначении заводского цеха (мн.ч. цеха). Цеховой мастер как мастер цеха или бригады также остался в измененном значении. Практика применения вышеназванных слов в XVIII в. определялась размытой семантической границей или смысловой близостью слов. В записке «Предложение о размножении фабрик» от 2 мая 1745 г. В.Н.Татищев пишет о вопросах развития ремесла, комментируя с сожалением «токмо Мануфактур-коллегия, в то вступя, у меня руки отняла». Это и понятно, ведь Татищев

¹⁰ Лат. *fabrica* 'искусство', 'мастерство', 'мастерская'; 'способ изготовления', 'фабрикация', 'производство'; лат. *faber* 'художник', 'кузнец', 'ремесленник'.

предлагал изъять ремесленников из ведомства Мануфактур-коллегии и передать их снова в ведение магистрата, т.е. вернуть им статус, данный Петром I при учреждении цехов в 1721–1722 гг. Новаторство В.Н.Татищева заключалось в предложении четко разделить мануфактуры и ремесленные мастерские. Для этого он определяет понятие фабрики, выделяя ремёсла: «Хотя фабрика французское слово есть весьма пространного разумения, заключающее в себе всякие ремесла, однако ж мнитца, что его императорского величества высокое определение касается токмо до одних тех фабрик, которые во множественном числе людей и работ состоят, как то суконные, шелковые, полотняные и тому подобные великие заводы, а не все единственные ремесла» [20, с.399–400, 407–409].

Это не мешает Татищеву в записке «Например представление о купечестве и ремеслах» от 12 мая 1748 г. поставить фабрики, заводы и ремесленников в один ряд, упоминая среди заслуг царя Алексея Михайловича, что тот «между многими его знатными и вечной славы достойными делами не меньше он о рукоделиях, ремеслах и купечестве его труда показал», устроив «медные и железные заводы, яко же и оружейные... [заведя] холщевые и шелковые фабрики ...[призвав множество] ремесленников иностранных» [20, с.414].

Анализируя частотность употребления слов мастерская (нем. die Werkstatt – ремесленная мастерская; das Werk продукт, завод, die Statt место работы), мануфактура и фабрика в немецком языке на 1 млн. токенов в 1600–2000 гг. (соответственно 9,37; 3,44; 22,73), можно увидеть корреляцию развития ремесла и крупной промышленности в Германии [21; 22; 23]. Если на эти данные наложить рост численности цеховых ремесленников Петербурга на протяжении XVIII–XIX веков, получим примерное совпадение кривых роста численности цеховых ремесленников в Петербурге и частотности употребления слов в немецком языке [30, S.479–480, 482–484]. Это говорит о глубокой интегрированности российской столицы в общеевропейский рынок и чутком реагировании ремесленной промышленности на взлеты и падения его экономической конъюнктуры.

Мануфактура возникает в раннее Новое время, прежде всего, в государствах с абсолютистской монархией, способной мобилизовать значительные трудовые, денежные и материальные ресурсы. Мануфактурное производство достигает своего пика в XVIII в. в производстве прежде всего фарфора, шелка, гобеленов, обоев, кожгалантереи, игорных карт, часов, оружия и бумаги. Ремесленная мастерская «расходится» с мануфактурой, примерно с 1780-х гг., во время первого периода индустриа-

лизации в Германии и начала внедрения паровых машин в текстильной (легкой) промышленности (1770–1840), т.е. когда кривая ремесла идет вверх, а мануфактуры – вниз. Упадок мануфактуры и ее вытеснение текстильными фабриками происходит там, где она была наиболее распространена.

Второй период индустриализации в тяжелой промышленности (1830–1890): строительство железных дорог, развитие металлургии и машиностроения, и третий – в «новой индустрии» (химия, электротехника, двигатели внутреннего сгорания) 1880–1914 гг. – дают новые толчки к развитию ремесленной промышленности и появлению ее новых видов [33]. Замечено, что увеличение выпуска массовой продукции неуклонно вело к повышению спроса на ремесленные изделия более высокого качества. Кривые роста и падения соответствуют всеобщей тенденции развития в немецком и российском ремесле. Периоды взлета и падения в Германии примерно совпадают с российскими, при некотором запоздании последних. Динамика их роста совпадает с начавшейся примерно с середины XIX в. второй фазой индустриализации, в частности ремесла, в России и в Германии. Примерное совпадение трендов роста ремесла и крупной промышленности во время индустриализации не является случайным. Ремесленники и мастера активно участвовали в промышленном развитии, многие из них становились предпринимателями [25, S.44–45]¹¹. К примеру, в Санкт-Петербурге в 1850, 1852 и 1853 гг. среди 176, 131 и 82 основателей новых промышленных предприятий столицы цеховых и нецеховых мастеров числилось соответственно 69, 66 и 62, причем цеховые были среди них в большинстве, или 39,2%, 50,4% и 75,6% от общего числа [11]. Между 1881 и 1897 гг. доля ремесленников среди предпринимателей уменьшается, но и тогда составляет солидную 1/3 от общего числа [12; 30, S.435–436].

Отвечая на вопрос, поставленный в подзаголовке статьи, какова была смысловая нагрузка понятий ремесленная мастерская, мануфактура или фабрика, можно сказать, что в период протоиндустриализации, когда уровень смешения понятий и форм производства еще был высок, под производством, представляющим ремесленную мастерскую, могла скрываться фабрика или завод и наоборот. С развитием индустриализации во 2-й половине XIX в. фабрика и завод начинают однозначно идентифицироваться с крупными промышленными предприятиями, хотя и состоящими зачастую из ряда расширенных «мастерских», поз-

¹¹ См. об «индустриализации» ремесла [24, S.251–301; 25; 26, S.44–45; 31, S.146–164].

же – «цехов». Претерпевала модернизацию и ремесленная мастерская, внедряя «миниатюрную» технику в виде электромоторов, бензинового, дизельного и газового моторов.

Список сокращений

РГИА. – Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.

DWDR. – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.

Библиографический список

1. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1972. С.225–256.
2. Атенгофер Г.Л. фон. Медико-топографическое описание Санктпетербурга, главного и столичного города Российской Империи. СПб.: Импер. Акад. наук, 1820. 432 с.
3. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
4. Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. Кн.5–6. С.289–295.
5. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 366 с.
6. Ермакова О.К. Иностранные мастера – основатели оружейного дела в Златоусте (первая половина XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2012. №4–5. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/--gn12-45/499-a> (дата обращения: 15.02.2017).
7. История железнодорожного транспорта России. СПб.; М.: Петербург. гос. ун-т путей сообщ., 1994. Т.1: 1836–1917. 335 с.
8. Кулишер И.М. Очерк истории русской промышленности. Пгд: К.-О. Петрогубпрофсов, 1922. 156 с.
9. Поликарпов В.В. Цусима советской историографии // Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. 552 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. П Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т.5. 1713–1719. 781 с.
11. РГИА. Ф.18. Оп.2. Д.1382 (1850 г.), 1453 (1853 г.), 1468 (1854 г.): О вновь открытых фабриках и заводах.
12. РГИА. Ф.20. Оп.3. Д.1985, 2079, 2160, 2251, 2144 а, б: По отношению градоначальника выданных свидетельств на открытие фабрик, заводов и других промышленных заведений (1881–1897).
13. Симонян Р., Кочегарова Т. Новый Ганзейский союз – оптимальный формат сотрудничества России и Евросоюза // Власть. 2009. №12. С.22–25.
14. Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794. Ч.5. От Р. до Т. 1794. 1084 стлб.; Ч.6. От Т. до конца. 1064 стлб.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1982. Вып.9 (М). 358 с.
16. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т.1. Ч.2. 807 с.; Т.2. Ч.1. 851 с.; Т.3. Ч.1. 910 стб.; Ч.2. 911-1684 с.

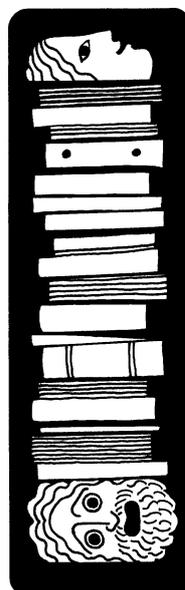
17. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / Под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртене. Т. 1-4. 3-е изд., испр. и знач. доп. Т.1. XIV с., 1744 стб. СПб.; М.: т-во М.О. Вольф, 1903.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О.Н.Трубачева. Изд. в 4-х тт. Т.3. 830 с. М.: Астрель Аст, 2003.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1–2. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1
20. Экономические записки В.Н.Татищева // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т.7. С.397–427.
21. DWDR. Fabrik. URL: <https://www.dwds.de/wb/Fabrik> (дата обращения: 10.02.2017).
22. DWDR. Manufaktur. URL: <https://www.dwds.de/wb/Manufaktur> (дата обращения: 10.02.2017).
23. DWDR. Werkstatt. URL: <https://www.dwds.de/r/plot?q=Werkstatt> (дата обращения: 10.02.2017).
24. Gessner D. „Industrialisiertes Handwerk“ in der Frühindustrialisierung. Ein Beitrag zu den Anfängen der Industrie am Mittelrhein und Untermain. 1790–1865 // Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde Neue Folge. 1982. 40. S.251–301.
25. Hahn H.-W. Die Industrielle Revolution in Deutschland. Enzyklopädie deutscher Geschichte. 3. Ausgabe. Oldenbourg Verl., 2011. 193 S.
26. Hahn H.-W. Zwischen Fortschritt und Krisen: die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchphase der deutschen Industrialisierung. München: Stiftung Historisches Kolleg, 1995. 47 S.
27. Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Organisationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. Königstein/Ts.: Hain, 1980. 324 S.
28. Haumann H. Unternehmer in der Industrialisierung Rußlands und Deutschlands. Zum Problem des Zusammenhangs von Herkunft und politischer Orientierung // Scripta Mercaturae. 1986. 20. S.14–161.
29. Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Russland. 1760–1870. Rechtliche Lage und Soziale Strukturen. Köln ; Wien : Böhlau, 1986. 689 S.
30. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2002. 601 S.
31. MacLachlan A.J. Der Übergang vom Handwerker zum Unternehmer in Mainz 1830–1860 // Ulrich Engelhardt (Hrsg.). Handwerker in der Industrialisierung. Lage, Kultur, Politik vom späten 18. Bis ins frühe 20. Jahrhundert. Stuttgart: Klett-Cotta, 1984. 667 S. S.146–164.
32. Saunders D. The Static Society: Patterns of Work in the Later Russian Empire // Reinterpreting Russia / ed. By Hosking G. , service R. L. , 1999. VIII, 232 p.
33. Ziegler D. Die Industrielle Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. 152 S.

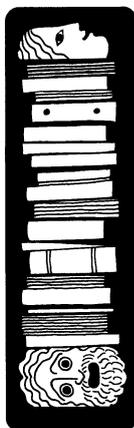
Человеческое общество... похоже на волнующееся море, в котором отдельные люди, подобно волнам, окруженные себе подобными, постоянно сталкиваются друг с другом, возникают, растут и исчезают, а море – общество – вечно бурлит, волнуется и не умолкает...

Питирим Сорокин

Что применимо к индивидам,
то применимо и к массе.

Питирим Сорокин

Николай Митрофанов

ГИБЕЛЬ ДУХОНИНА

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
94(47) "1917"

На переломе эпох последнему главнокомандующему русской армией генералу Н.Н.Духонину (1876–1917) выпала тяжелейшая обязанность не только крепить оборону воюющей России, но и удерживать усталую армию от влияния восставших элементов, которые обещали решить наболевшие проблемы, если страна немедленно заключит мир с Германией и ее союзниками. Посвятив себя бескомпромиссной борьбе с надвигающейся анархией, Духонин стоял на своем посту в Ставке в городе Могилеве, не страшась угроз и уговоров, исходивших от красного Петрограда. Он стремился избежать кровопролития, надеясь на разум людей, сознавая, что ближайшие дни революции будут наполнены смертельными опасностями и для него лично.

At the tipping point of epochs General N.N.Dukhonin (1876–1917), the Commander-in-Chief of the Russian Army, had to perform the most arduous task: he had not only to reinforce the defense of warring Russia but he had at the same time to restrain influence of rebelling elements on the tired army. The rebelling elements promised to solve painful problems if Russia made the immediate peace with Germany and its allies. Having committed himself to the uncompromising struggle against the imminent anarchy Dukhonin kept his guard at the General Headquarters in Mogilev and ignored threats and blandishments originated in Red Petrograd. Relying on the human reason Dukhonin strove to avoid the bloodshed though he was aware that the odd come shortly days of the revolution would be charged with deadly dangers for him personally.

Ключевые слова: генерал Н.Н.Духонин; Первая мировая война; анархия в войсках; требования большевиков заключения мира с Германией; смерть генерала.

Key words: General N.N.Dukhonin; World War I; anarchy in the troops; demands of the Bolsheviks for concluding peace with Germany; death of the general.

E-mail: nikmitrofanov@yandex.ru

«Смерть Духонина. Из дневника очевидца». Эти слова, зачинавшие найденную в архиве рукопись, в простоте своей и отчетливости были все же знаками бесспорно содрогаящими. Мало того, что они влекли осознающего пагубу того промелькнувшего сто лет назад события испытать стужу пространств страха, где он минуту назад и не помышлял оказаться. Несомненно, он мог теперь волшебным образом чутко улавливать волны эха, рожденного мерными ударами древнего колокола памяти и едва осязаемыми в даях времен и событий тревожными сигналами давнего Большого Бедствия...

Сразу подумалось: неужели за этими строками и впрямь расположился сам очевидец? Что заставило его, свидетеля ошеломляющего события истории, не убояться роли «глазастого» летописца и даже, походя, намекнуть, что в его дневнике есть и другие забористые мемуарные наброски? А, кстати, в каком именно дневнике? Мысленном или же на самом деле существующем в виде этакой заветной тетрадки? Ох, как сие опасно – быть наблюдателем зловердных дел!.. По некоторым видимым признакам (ну, например, по вызывающе-таинственной подписи «N») автор не был абсолютно уверен в благополучных последствиях своего поступка. И, видимо, здраво разбираясь в событиях, к тому же прозорливо догадываясь о векторах их развития, понимал, что его слова могут навлечь на него всякие неожиданные неприятности. И все-таки он решился. Что-то несомненно загадочное побудило его адресовать в будущее свои строки. Может быть, при внимательном чтении в них действительно откроется что-то важное?

Смерть главнокомандующего армией даже в самом маленьком и захудалом государстве в любые времена событие чрезвычайное. Но в тот день – 20 ноября 1917 года по старому стилю – известие об убийстве видного военного деятеля, главы вооруженных сил России генерала Николая Николаевича Духонина беспримерно взбудоражило мировой радиозфир. Шутка ли – в воюющей гигантской державе, недавно свергнувшей монархию, кто-то крайне тесно повязанный с нежданной и непредсказуемой властью вот так внезапно ликвидирует первого по статусу военачальника! Кто поверит, что это не результат коварного заговора, соединенного с наглейшей диверсией, меняющих будущую картину борьбы враждующих коалиций в Европе, Азии и Африке? Мировая – Великая! – война скоро явно должна была закончиться победой Антанты. Как теперь будет выглядеть расклад сил, каким будет дележ военной добычи?

К 10-летию Октябрьской революции небезызвестный советский журнал «Красный архив», специализировавшийся на публикации с удивительно скудными комментариями важных исторических документов, попытался организовать разъяснение событий первых месяцев, последовавших вслед за переворотом в Петрограде и заключением арестованных членов Временного правительства в Петропавловскую крепость. Были извлечены на свет отдельные документы Ставки, ленты переговоров по прямому проводу Н.Н.Духонина и его окружения с командующими фронтами, с руководством Военного министерства. Как ни удивительно, оно в то время под управлением генерала А.А.Маниковского¹ работало в прежнем стиле, продолжая с трудом удерживать едва терпимую ситуацию в сферах снабжения армии. И при этом, рискованно игнорируя указания комиссаров из Смольного, пытающихся активно приступить к реализации пролетарской военной политики, то есть к прекращению боевых действий и заключению перемирия на фронтах. После образования Наркомата по военным и морским делам прежнее Военное министерство продолжало работать не просто в зыбкой атмосфере тревог и опасений за судьбу армий, противостоящих неприятельским частям на многокилометровых фронтах, но и под прямыми угрозами и жестким давлением Советов, разнообразных вооруженных формирований и революционных организаций солдат и моряков.

Идея «замирения» любой ценой в условиях победившей революции была принята за панацею, о ее первейшем значении неустанно кричали на митингах и сходах, устраивая свирепую обструкцию любому сомневающемуся. Большевики стремились устранить со своего пути все, что мешало им сделать стране быструю инъекцию сепаратного мира. Ранним утром 8 ноября 1917 года в Ставке и в воинских частях была получена радиотелеграмма из Петрограда, предписывавшая Духонину «немедленно и формально» предложить перемирие всем воюющим странам. Вслед за последовавшим отказом главнокомандующего В.И.Ленин 9 ноября продиктовал строки, вошедшие в Собрание его сочинений: «Именем правительства Российской Республики и по поручению Совета Народных Комиссаров мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение,

---

¹ Маниковский А.А. (1865–1920) – генерал от артиллерии, временно исполнял обязанности управляющего Военным министерством в периоды отсутствия в апреле–октябре 1917 г. министров А.И.Гучкова и А.И.Верховского. Подвергся арестам 26 октября, 20 ноября 1917 г., однако почти сразу освобожден для продолжения службы. Погиб в командировке при крушении поезда.

несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам, под страхом ответственности по закону военного времени, продолжать ведение дела пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел» [см. 4].

Вчитываясь в текст дошедшего до меня архивного документа, я втайне надеялся за его строчками увидеть исчезнувшие за далью времен детали давних событий, штрихи портретов тех, кто энергично исполнял свой долг в могилевской Ставке Н.Н.Духонина. Тех, кто в неимоверно тяжелых, бессовестных буднях развала русской армии продолжал убежденно работать во благо России, воевавшей четвертый год. И, надо сказать, кое-чем я был вознагражден. Недаром архивный раритет дожидался своего часа много-много лет, может быть, даже более девяноста. Воистину подлинники, как выдержанное вино и старинные скрипки с годами становятся всё ценнее.

Тут нужно сказать, что старинные листки были из числа тех бумаг, из коих благодаря упорству энтузиастов создалось обширное собрание исторических источников в Праге, известное среди русских с 1920-х годов в Европе, Азии и Америке как Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Уникальные материалы собранные от эмигрантов, их газеты, переписка, рукописи разнообразных сочинений и личные документы сразу после Второй мировой войны были перевезены из места своего традиционного пребывания в Москву и легли на полки ряда советских государственных архивов. До 1988 года они находились на секретном хранении [1].

Кто же был автором появившегося у меня текста? На этот волнующий вопрос загадочный инициал «N» не мог дать стоящей подсказки. Но очень мелко на последнем листе рукописи (это была машинопись) красивыми завитками в скобках обозначалось: *Юрий Галич*. Толстый грифель архивного работника дальше уточнял фамилию, присовокупляя к ней по-немецки адрес: *Галичъ-Гончаренко, Eichendorfstr. 19*.

Автором рукописи без всяких сомнений был Георгий Иванович Гончаренко (1877–1940), русский генерал, писатель, журналист и поэт, чей псевдоним Юрий Галич был известен почти всем русским эмигрантам. Еще бы – из-под его пера в 1920–30-х годах вышел добрый десяток книг, многие стихи, эссе и статьи в заграничных русских газетах! Спектр его знакомых, друзей и сослуживцев разных чинов и званий был чрезвычайно многоцветен. Хотя он, как утверждают, был весьма разборчив в связях и предпочитал уединение шумным кампаниям творче-

ской братии и бывших военных. И тем более, тех, чья репутация в среде эмиграции была хоть слегка сомнительна, по взыскательному мнению бывалого русского офицера.

О его жизненном пути, службе в российской армии и «штатских» занятиях известно немало. Если даже вкратце помянуть об основных вехах житей-бытья Гончаренко-Галича неизбежно, в который раз удивишься, какие вереницы интересных и значительных дел прошли через годы его службы, невольных странствий, добывания хлеба насущного, поисков самого себя.

Он родился в Варшаве 140 лет назад, 10 июня 1877 года, в семье русского офицера. После окончания кадетского корпуса 18-летним юношей начинает военную службу, оканчивает кавалерийское училище, изучает саперное дело. Трехгодичный курс успешного обучения в Николаевской академии Генерального штаба приносит ему несколько повышений в чинах. После годичной службы в Петербургском военном округе с отличием оканчивает в 1904 году Офицерскую кавалерийскую школу и начинает быстро продвигаться по службе в армейских частях и в Генеральном штабе. По служебной лестнице он к марту 1912 года достигает звания полковника. В годы Первой мировой войны с октября 1915 года он командует 19-м драгунским Архангелогородским полком, под чьим знаменем участвует в Галицийской битве и Брусиловском прорыве. Особенно драматичными были пережитые им боевые ситуации вокруг одного из известных центров Галиции – города Галича. Не раз он переходил из рук в руки после жестоких атак, в сражениях за него пало много российских воинов. Имя этого городка, у стен которого Георгий Иванович не раз оказывался между жизнью и смертью, он увековечит в своем писательском псевдониме, превратив его в свою вторую фамилию, под которой войдет потом в историю русской словесности. За мужество, проявленное в кампании 1916 года, полковник Г.И.Гончаренко был награжден Георгиевским оружием.

После Февральской революции он начальник штаба кавалерийской дивизии, затем корпуса, в июле 1917-го становится генерал-майором. Дивизии и полки его корпуса в этот период были сняты с позиций и направлены для поддержания порядка на железнодорожных узлах в Киеве, Ровно и других городах Украины. Так случилось, что в дни служебной поездки в столицу, он вдруг стал свидетелем революционного взрыва в октябрьские дни в Петрограде. Ноябрь 1917 года Георгий Ива-

нович встретил в Могилеве, где находилась Ставка во главе с генералом Н.Н.Духониным².

Натурализовавшись в Латвии в конце 1923 года, Георгий Иванович должен был серьезно поразмыслить, на какие средства ему в этом государстве придется существовать. В местных банках от прежних времен у него денег, разумеется, не было. И бывший генерал стал активно развивать свою деятельность как литератор и журналист. Основной заработок давали латвийские русскоязычные газеты: «Дни», «Сегодня», «Сегодня вечером», еженедельник «Для вас». Помимо этого он подрабатывал как инструктор конного спорта и судья на ипподроме. Слава Богу, за плечами было достаточно и специального образования, и опыта. А любовь к лошадам старого кавалериста вообще не требовала какого-либо подтверждения ни у любителей верховой езды, ни у коннозаводчиков.

Начав с первой книжечки стихов «Вечерние огни» (СПб, 1907), он продолжил выпуск своих авторских томиков, иногда включая в них не только художественные произведения, но и эссе, которые содержали его воспоминаниями о прожитом, о службе в русской армии, о встречах с близкими ему по духу людьми. Есть предание-версия, что в пору исхода русской армии на запад Георгием Ивановичем были сочинены стихотворные строки, ставшие основой знаменитого романа. Его герои поручик Голицын и корнет Оболенский имели реальных прототипов среди знакомых воину и поэту по армейской службе, а также по заключению в киевской тюрьме петлюровцев. Пока эта красивая легенда, сдается, не обрела еще достаточных подтверждений. Но кто знает, какие открытия ждут тех, кто любит захаживать в архивы...

Наверное, в один из первых дней после поселения в Риге, думая о потребностях какой-то газеты, заинтересованной в его журналистской работе, он сел за машинку и принялся оживлять в памяти полузабытые

---

² *Последующие события жизни Г.И. Гончаренко-Галича были часто неожиданны, а иногда и экзотичны. Желаящих познакомиться с ними подробнее следует адресовать к материалам Сети. Там любознательный читатель обнаружит упоминания о его плавании на пароходе «Петр Великий» в июне 1918 года до Киева, об удачном бегстве из-под петлюровского ареста и отбытии в апреле 1919 года из Одессы на французском пароходе «Кокад» в Константинополь, а затем на греческие острова в Эгейском море ... Потом было долгое путешествие по тропическим морям до Владивостока, где ему удалось после двухлетнего пребывания чудом заполучить от военного командования Приморья бесплатный билет на британский корабль «Лористон», отправлявшийся в двухмесячный рейс от Шанхая до Гамбурга. Только в конце 1923 он из Германии, опять же по морю, добрался до Риги, где и осел, поскольку здесь имел возможность получить латвийское гражданство.*

подробности тех скорбных ноябрьских недель, что завершились убийством в Могилеве генерала Н.Н.Духонина. По-видимому, у него не было честолюбивого намерения обозначать собственную роль и свое место в событиях, развернувшихся в Ставке в середине ноября 1917 года, хотя он, понятным образом, был близок к высшему генералитету и входил туда, где обсуждались дела исключительной военной важности. Что-то не позволяло ему допускать некоей *чрезмерности* в акцентах, неделикатного упоминания подробностей личного характера. Но разве не чувствуется по тексту, что знал автор о многом? Человек, не осведомленный об обстановке вокруг личности главнокомандующего не мог так определенно передавать содержание слов Петлюры³, обращенных по военному телеграфу к Духонину, подробности подготовки несостоявшегося исчезновения Духонина из Ставки, его отказа от мысли перенести Ставку на Украину и пр.

Как очевидец, Гончаренко-Галич полагал, что имеет право на сохранение в своем повествовании некоторых нюансов разворачивавшихся в Ставке событий, многозначительных изменений обстановки, окружавшей его высоких сослуживцев. Это касалось и самого Николая Николаевича Духонина, которого Гончаренко глубоко уважал. И все же при освещении ряда эпизодов он с некоторой, я бы сказал, досадой упоминает о фактах его колебаний и откладывания решений, Может быть, роковую роль тут играло возникшее у Духонина мнение о собственной судьбе в ближайшем будущем? После снятия его В.И.Лениным со своего поста он должен был передать дела преемнику. Как ему представлялось, попытка уговорить его передать власть генералу М.Д.Бонч-Бруевичу «или кому-нибудь еще другому» после его отказа должна была завершиться его арестом и отправкой в Петроград, но отнюдь не убийством! [6, с.237].

Подводя читателя к вдумчивому анализу своих мнений о буднях военной политики, которая вершилась в Ставке, к оценке личного поведения Н.Н.Духонина в период острейшего кризиса Ставки в ноябре 1917 года, Г.И.Гончаренко-Галич пытается объективно обозначать динамику давления на Ставку и на самого Духонина из красного Петрограда. При содействии этого лаконичного текста мы заново критически прочитываем историю слома важнейшей структуры военного управления страны и задумываемся о соотношениях в революционную эпоху политики и

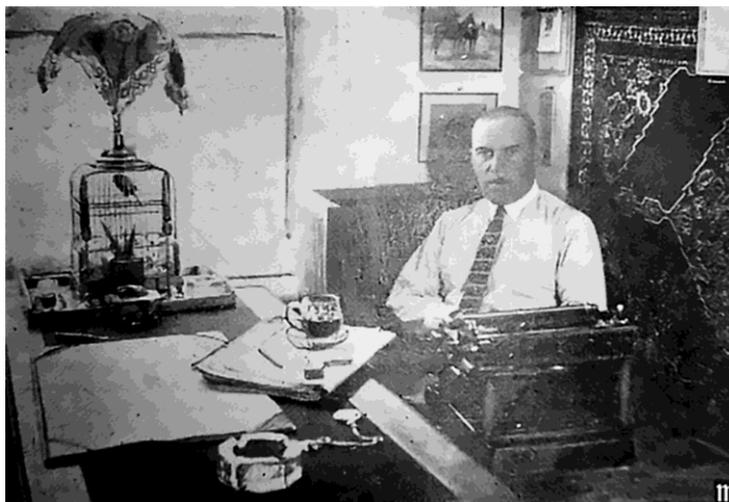
³ *Петлюра С.В.(1879–1926) – известный украинский националист и государственный деятель, во второй половине 1917 г. секретарь (министр) Генерального секретариата Центральной Рады по военным делам. Убит в Париже террористом.*

ГИБЕЛЬ ДУХОНИНА

морали, о правомерности тех ли иных решений и мере ответственности за них лиц, облеченных властью.

Конечно, не всё видя совершенно отчетливо и, тем более, неискаженно в свете самых различных идеологий (монархисты, коммунисты, эсеры, анархисты и т.д., и т.п.), многие люди и тогда, и позднее, подобно генералу Гончаренко, мучительно тяжело решали для себя вопрос: а нужен ли был в эпоху революционного перехвата власти немедленный мир с врагом? В своем эссе автор уходит от суждений, которые требуют конкретности и анализа недавнего прошлого. Это был не его жанр. Когда он выстукивал на пишущей машинке свои строки, рядом уже существовала страна СССР, отстаившая свое место под солнцем в результате упорного осуществления марксистско-ленинской политики. С чем он, старый «синий кирасир», должен был пытаться фехтовать? Однако, как показало время, к спорам на обозначенную тему и ученые, и общественные деятели время от времени возвращаются, пытаясь испытывать на прочность и старые, и новые аргументы...[3].

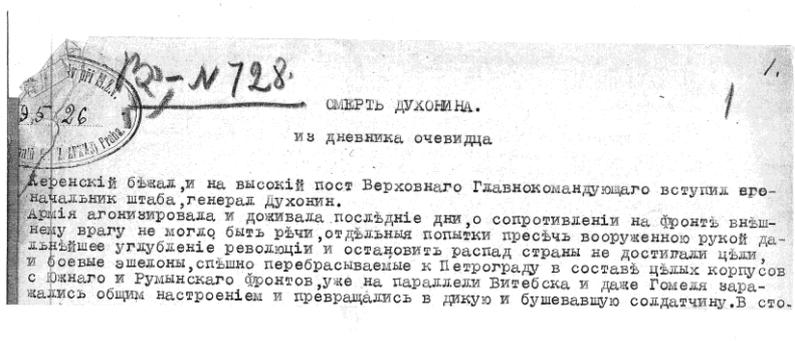
Галич в своей квартире

Автор обращается к ресурсам своей памяти, но он готов и к использованию других источников. Так, последние моменты жизни генерала Н.Н.Духонина он передает по дневнику П.И.Неймана – военного чиновника, исполнявшего обязанности юрисконсульта при Ставке.

Для самого Гончаренко-Галича смертельным оказалось во многом схожее вторжение в его судьбу «советской темы», образца уже не 1917, а 1940 года. Она заявила к его порогу в облики разнообразных импортированных властей, торжественно провозглашающих начало строительства социализма в Латвийской ССР. Теперь, в новой общественно-политической ситуации, никто не мог гарантировать его личную безопасность. Русское прошлое Галича было несмываемым клеймом. Он особенно почувствовал близость расправы, когда развернулось укоренение в Риге агентуры НКВД, что стало наглядным по участвующим вызовам его знакомых в кабинеты этого зловещего учреждения и по исчезновению некоторых из них из вида. Самому Галичу сначала предложили вступить «в сотрудничество». Вернувшись домой после утреннего визита к чекистам 12 декабря 1940 года, генерал, почувствовавший себя на этой земле свободным человеком и свободным художником, сам затянул на шею спасительную петлю...

К счастью, его могила на Покровском кладбище Риги не затерялась и была восстановлена его дочерью при содействии латвийских друзей русской культуры и истории. В начале XXI столетия вышло несколько его книг, в том числе четырехтомное собрание сочинений, в Москве.

Мне очень нравится фотография Юрия Галича, на которой он запечатлен рядом с пишущей машинкой – этим верным спутником своего литературского бытия. И не только потому, что именно на ней (я уверен!) он напечатал весьма заинтересовавший меня текст о гибели генерала Н.Н.Духонина. Фотоснимок почти столетней давности я воспринимаю как портрет человека, который, создавая с увлечением авантюрные повествования и тонкие поэтические композиции, хорошо знал, что он может и должен писать об истории, которая творилась у него на глазах.

Заглавный лист эссе Галича

Смерть Духонина

Из дневника очевидца

Керенский бежал, и на высокий пост Верховного Главнокомандующего вступил его начальник штаба генерал Духонин⁴.

Армия агонизировала и доживала последние дни, о сопротивлении на фронте внешнему врагу не могло быть речи, отдельные попытки пресечь вооруженной рукой дальнейшее углубление революции и остановить распад страны не достигали цели, и боевые эшелоны, спешно перебрасываемые к Петрограду в составе целых корпусов с Южного и Румынского фронтов, уже на параллели Витебска и даже Гомеля заражались общим настроением и превращались в дикую и бушевавшую солдатчину. В столице власть перешла в руки Ленина, и в самой Ставке, в Могилеве, в среде наиболее испытанной и стойкой части Георгиевского батальона⁵ подымалось глухое брожение и недовольство.

Все крупные военачальники покинули ряды. Корнилов⁶, Алексеев⁷, Брусилов⁸, Рузский⁹, Гурко¹⁰, Эверт¹¹, главнокомандующие фронтами и

---

⁴ В разговоре по прямому проводу с руководителями Военного министерства ген. А.А. Маниковским и В.В. Марушевским 9 ноября 1917 г. Н.Н. Духонин так определял свое правовое положение: «Я считаю, что во времен[ное] и[сполнение] д[олжности] главковерха я вступил [1 ноября 1917 г.] на основании закона («Положение о полевом управлении войск в военное время») ввиду отсутствия главковерха. Могу сдать эту должность также в том случае, если от нее буду отстранен, новому лицу на нее назначенному в законном порядке...»[4,с.199].

⁵ Батальон георгиевских кавалеров при Ставке.

⁶ Корнилов Л.Г.(1870-1918) – генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий русской армии (авг.1917), один из организаторов и главнокомандующий Добровольческой армии. Погиб в Екатеринодаре в начале Гражданской войны. Могила была уничтожена после занятия города красными.

⁷ Алексеев М.В. (1857–1918) – генерал от инфантерии, известнейший русский военачальник, активный участник Белого движения. Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии. Умер в Екатеринодаре, перезахоронен в Белграде (Югославия).

⁸ Брусилов А.А. (1853–1926) – генерал от кавалерии. В мае 1917 г. сменил на посту главнокомандующего русской армией генерала М.В. Алексеева. Однако вскоре был заменен генералом Л.Г. Корниловым. После отставки жил в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁹ Рузский Н.В. (1854–1918) – генерал от инфантерии, член Военного и Государственного советов. Умерщвлен красными в большой группе заложников в Пятигорске 20 октября 1918 г.

¹⁰ Гурко В.И.(1864–1937) – генерал от кавалерии. Сын известного военного деятеля гене-

армиями принуждены были уйти, часть высшего генералитета, как Черемисов¹², Парский¹³, Володченко¹⁴ и некоторые другие, одни сознательно, другие из «шкурных» побуждений, повинувшись указаниям из Петрограда, усердно «выявляли» свою революционную лояльность.

Одиноким, с горстью помощников и подчиненных, Духонин, сознавая вполне определенно трагизм создавшегося положения, тем не менее на предложение Совнаркома сдать власть ответил категорическим отказом и продолжал оставаться на своем посту.

В начале ноября в Ставке состоялось заседание¹⁵, на котором с неотразимой убедительностью была представлена участникам картина полного развала. На фронте и в тылу войсковые части выходят окончательно из повиновения, на всех дорогах тучи дезертиров и самовольно расходящихся людей, идет грабеж военного имущества, командный состав терроризирован, и ужасы кровавого безумия охватывают все большие и большие районы. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Черемисов требует подчинения Ставки себе, а генерал Щербачев¹⁶ в ответ

рал-фельдмаршала И.В. Гурко. До конца мая 1917 г. командовал Западным фронтом, в окт. 1917 г. выслан Временным правительством в Англию. Похоронен в Риме.

¹¹ *Эверт А.Е. (1857–1926) – генерал, с 1915 до марта 1917 г. командовал Западным фронтом, после его отставки на этот пост был назначен генерал В.И. Гурко.*

¹² *Черемисов В.А. (1871–1938) – генерал от инфантерии, командующий Северным фронтом (9 сентября – 14 ноября 1917). Был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда был освобожден в начале 1918 г. Эмигрировал в 1920 г. в Данию, с 1930-х жил во Франции.*

¹³ *Парский Д.П. (1861–1921) – генерал-лейтенант, военный историк. С сентября 1917 г. командовал 3-й армией. Добровольно вступил в РККА, надеясь на продолжение войны с Германией. В сентябре–ноябре 1918 г. командовал Северным фронтом у красных. Был арестован и провел три месяца до февраля 1919 г. в Петроградской ЧК. Умер в Москве от тифа.*

¹⁴ *Володченко Н.Г. (1862–1945) – генерал-лейтенант. С апреля по сентябрь 1917 г. командовал Западным фронтом. С 1919 г. на Дальнем Востоке. Жил в Харбине. В сентябре 1945 г. был арестован советской контрразведкой. Умер в тюрьме во время следствия. Реабилитирован (1999). Его внук поэт и прозаик М.Н. Володченко был соавтором А.Вертинского.*

¹⁵ *Речь идет, по-видимому, об одном из совещаний в Ставке 15 или 16 ноября 1917 г.*

¹⁶ *Щербачёв Д.Г. (1857–1932) – генерал от инфантерии, видный деятель Белого движения. Командовал Румынским фронтом. В ноябре 1918 г. был объявлен «врагом народа». В 1920 г. переехал в Ниццу, где жил на пенсию, назначенную румынским королем. Похоронен на местном кладбище.*

на предложение Духонина занять пост Верховного Главнокомандующего ответил краткой телеграммой: «Предпочитаю быть с румынами».

Речь уполномоченного по гражданской части Вырубова¹⁷, заглушившая в общем настроении доклады и проекты лиц из числа наиболее активного офицерства, прозвучала на собрании настоящей покаянной и похоронной молитвой.

«Все хирургические операции бесцельны, безнадежны... Болезнь проникла глубоко... Уговаривать дальше нет сил... Опереться не на кого... Гражданская война затянёт смуту и вызовет излишнее кровопролитие...»

Так говорил Вырубов, закончив речь следующими словами: «Народ, как маленький ребенок, тянется к огню... Массы всегда идут за теми, кто больше обещает... Так давайте же дадим народу обжечься... Если мы дрянь, а не великий народ, как мы это думали, то под тяжелыми ударами молота истории от нас останется мокрое место... Если же мы нечто другое, во что я глубоко верю, то под тем же молотом истории из нас создастся крепкое ядро, может быть в восемьдесят миллионов, может быть в шестьдесят, может быть без выходов в море, но с здоровым национальным эгоизмом... И с этим ядром мы восстановим вновь Великую Россию...»

Одновременно было получено известие, что в Могилев направлен из Петрограда прапорщик Крыленко, а генерал Духонин объявлен Совнаркомом «врагом народа».

В середине ноября в Ставку неожиданно приехал из красной столицы генерального штаба генерал-майор Сергей Иванович Одинцов¹⁸. Он прибыл в Могилев с секретным поручением от Совнаркома. Оппортунист, беспечный, легкомысленный сангвиник, подвижный и живой несмотря на свою круглую фигуру, Сергей Иванович Одинцов, однокурсник Духонина по Академии, был подходящ для этой роли.

---

¹⁷ Вырубов В.В. (1879–1963) – товарищ министра внутренних дел в правительстве кн. Г.Е.Львова, помощник по гражданским делам при Духонине. О его роли в событиях см.: [3]. Влиятельная фигура в эмиграции, банкир, промышленник, крупный менеджер. Умер в Париже.

¹⁸ Одинцов С.И. (1874–1920) – генерал-майор, одним из первых начал тесное сотрудничество с большевиками – руководителями Наркомвоена. О его прибытии в Могилев литературным поездом Духонину стало известно заранее [4, с.297]. П.Н. Врангель характеризовал Одинцова как человека низкой нравственности, интересующегося только своей карьерой [3]. Орден Красного знамени (1919). Умер в служебной командировке.

Он принят был немедленно и в дружеской беседе на «ты», со свойственной ему известной легкостью в мыслях, изложив довольно верно и правдиво обстановку, пытался убедить Духонина в бесцельности дальнейшего упорства. Он говорил, что персонально Ленин против него, Духонина, «милейшего Николая Николаевича», не чувствует ни злобы ни вражды, что соображения внутренней политики вынуждают его к отстранению Духонина с поста, что личная безопасность и материальное обеспечение в виде достойно заслуженной пенсии вполне гарантированы, а объявление его «врагом народа» учинено из тех же политических соображений, в угоду требованиям масс. Он говорил, наконец, что «все образуется», армия будет оздоровлена и поднята в ближайшее время на должную высоту и нет никаких причин сомневаться в победоносном окончании войны. «Нельзя идти наперекор и тормозить историческое течение событий...»

Не думается, чтобы Одинцов сознательно вводил Духонина в заблуждение, верней всего, как увлекающийся человек, он заблуждался сам, не разбираясь глубоко в действительности.

Казалось, убежденный этим разговором Духонин был готов склониться перед требованием новой власти, но вслед за отъездом Одинцова стал снова колебаться. А к вечеру по аппарату Юза он ведет разговор с Киевом, достойный быть запечатленным в анналах нашего трагического лихолетья.

С ним говорит Петлюра – военный министр и председатель Украинской Рады¹⁹.

«Генерал Духонин, – говорил Петлюра, – Вы высший и последний представитель законной русской власти... Я жду Вас в Киеве, где как Верховный Главнокомандующий Вы станете во главе Вооруженных Сил... Моя программа – война до [победного] конца и верность союзным

---

¹⁹ Однозначно пророссийские слова Петлюры, передаваемые автором, явно шли вразрез с политикой Центральной Рады тех дней. Уместно хотя бы напомнить о факте разговора Петлюры по прямому проводу 23 ноября с советским главкомом Н.В.Крыленко, в ходе которого украинская сторона сообщила тому об одностороннем выводе войск Юго-западного и Румынского фронтов из-под управления Ставки и об объединении их в самостоятельный Украинский фронт под командованием генерала Щербачёва. Этот недружественный акт вызвал резкую реакцию Совнаркома. Не случайно Гончаренко-Галич потом решил «облегчить» свой текст, вычеркнув из него собственную опровергающую тираду: «...тот самый Петлюра, который ровно через год в борьбе за власть и призрачное счастье народа столь близоруко расточал кровь сыновей Украины и классовую распрей (противник большевизма!) готовил почву для советского триумфа».

обязательствам... Никакой самостоятельности, а строительство России по прежнему историческому пути – Киев, Москва, Петроград... Я жду Вас, приезжайте, захватив самое необходимое, и в Киеве Вы организуете Ставку из [штаба] Юго-Западного фронта... Приезжайте, пока не поздно, пока еще есть малейшая возможность выехать из Могилева...»

Столь неожиданное предложение Петлюры, казалось, создавало выход из невыносимо трагического положения. Действительно, не суждено ли там, на юге, на берегах Днепра, в древней русской колыбели, еще сравнительно только слегка задетой общим шквалом, заложить устои новой государственности и, возродив мятущуюся и шатающуюся армию, с успехом продолжить борьбу и с немцами, и с петроградской коммуной.

Ближайшие сподвижники Верховного Главнокомандующего, не связанные исключительно положением последнего и руководствуясь реальными соображениями, горячо ухватились за эту мысль. После непродолжительного обмена мнениями Духонин, видимо, согласился с этим планом, сулившим самые заманчивые и радужные перспективы. Помимо политических соображений, до некоторой степени личные чувства влекли его, как киевлянина, в днепровскую столицу, где, кстати, проживала и его семья...

События между тем развивались с головокружительной быстротой, времени терять было нельзя, и с разрешения Духонина, начальник штаба, вернее, генерал-квартирмейстер полковник Кусонский²⁰ уже отдал соответствующее распоряжение о немедленной погрузке в эшелоны необходимого имущества и дел. Но на другой день обстановка изменилась уже настолько, что выехать в стоящем под парами эшелоне было нельзя. Все находилось под негласным наблюдением; какие-то таинственные сети плелись кругом, и сам Духонин фактически был пленником каких-то неизвестных и незримых лиц. Настойчивые уговоры близких подчиненных, самым решительным и резким тоном убеждавших, отбросив колебания, во имя спасения Родины и продолжения борьбы уехать из Могилева каким бы то ни было путем, окончательно склоняют Духонина решиться на этот шаг. Медлить невозможно ни минуты... Сорокакаильный «Бенц» с потушенными фарами уже готов к отбытию...

Три вооруженных офицера с необходимыми деньгами, документами, вещами уже сидят в автомобиле и в нервном ожидании прислушиваются к малейшим звукам, доносящимся из скрытого во мраке переулка.

---

²⁰ Кусонский П.А. (1880 – 1941), генерал-майор (1919), генерал-лейтенант (1922). Активный участник Белого движения. В эмиграции во Франции с 1922, в Бельгии с 1938 г. Умер от побоев охранника в фашистском концлагере. Похоронен в Брюсселе.

Закутанная в плащ с платком, обмотанным вокруг головы, к автомобилю подходит чья-то фигура.

Это Духонин.

Духонин – скромный и талантливый офицер Генерального Штаба, бывший генерал-квартирмейстер Южного фронта, неизменный сподвижник Иванова²¹, Брусилова и, в сущности, быть может, один из главнейших деятелей и фактических руководителей яркой галицийской эпопеи, капризом исторического рока и взлетом революционной волны взнесенный на высокий пост Верховного Главнокомандующего.

Минута колебания, короткая прерывистая речь, прощальное пожатие руки и – автомобиль скрывается во тьме.

Духонин остается...

Расстрелянный впоследствии чиновник Нейман, служивший юрисконсультom при Ставке, в своем посмертном дневнике [2, л.1об.] сообщает следующее.

Рано утром двадцатого ноября к могилевскому вокзалу медленно подходит петроградский поезд, и прапорщик Крыленко с эскортом из пятисот матросов крейсера «Аврора» вступает в Могилев²². Через час он в кабинете Верховного Главнокомандующего, приземистый, сутулый, с несоразмерно большой головой и рыжею щетиной на щеках ведет с ним полупшепотом длинную беседу и в результате отвозит Духонина в свой вагон.

В двенадцать часов дня Верховный Главнокомандующий и прапорщик Крыленко сидят в салон-вагоне и пьют кофе. Перрон наполнен разношерстной публикой, толпой шатающихся праздных и распущенных солдат, вихрастыми матросами с «Авроры», цинично-разухабистыми, хмельными, возбужденными.

В салон-вагон входят три матроса, у одного из них в руках плакат из серой оберточной бумаги с крупной надписью углем:

«Смерть врагу народа Духонину».

Военно-революционный суд отряда моряков.

---

²¹ *Иванов Н.И. (1851-1919), генерал от артиллерии. Накануне Февральской революции был назначен командующим Петроградским военным округом, однако затормозить развитие событий оказался не в состоянии. В конце 1917 г. уехал в Новочеркасск. В октябре 1918 по предложению генерала П.Н.Краснова принял командование Южной армией, противостоящей наступлению большевистских частей. Умер в январе 1919 г. в Одессе.*

²² *По данным Ставки в охране поезда Н.В.Крыленко были пятьдесят матросов [6,с.223].*

ГИБЕЛЬ ДУХОНИНА

Крыленко быстро вскакивает с места: «Товарищи!.. Оставьте... Генерал Духонин не уйдет от справедливого народного суда...»

Один из матросов подходит неуверенно к Духонину и, тронув за плечо, бросает глухо: «Пойдем».

Прапорщик Крыленко садится, склоняет голову к столу и закрывает пальцами глаза и уши. На площадке вагона происходит короткая борьба. Духонин держится за поручни и, сильный физически человек, не уступает натиску трех озверелых палачей. Выстрел из нагана в затылок сваливает его с ног, изувеченное тело терзается ликующей толпой.

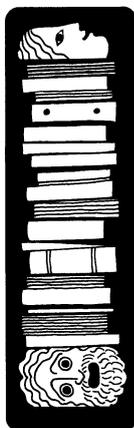
Юрий Галич

Духонин за рабочим столом

Библиографический список

1. Фонды Русского заграничного архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН. 1999.
2. ГА РФ. ф.4369, оп.5, д.71.
3. Врангель П.Н. Воспоминания в 2-х частях (1916–1920). М.: Центрполиграф, 2006. 784 с.
4. Газета «Рабочий и солдат». 9(22) ноября 1917 г. №20.
5. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской смуты». М.: Русский путь. 2013.
6. «Красный архив», 1927, №4.

Оксана Киянская, Давид Фельдман

**«ВСЯ МОЯ
СОЗНАТЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
ПРИНАДЛЕЖАЛА
ПАРТИИ И РОДИНЕ...»¹**

**ПИСЬМО ЖУРНАЛИСТА А.Н.ГАРРИ
И.В.СТАЛИНУ**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
929

В статье анализируется письмо, написанное осужденным в 1939 г. на 8 лет лагерей журналистом А.Н.Гарри И.В.Сталину. В письме Гарри описывает причину своего осуждения, свои заслуги перед СССР, просит у Сталина предоставить ему возможность вернуться к литературной деятельности. В приложенной к письму автобиографии он описывает основные моменты своей биографии.

The article deals with the letter written to I.V.Stalin by A.N.Garry, the journalist who in 1938 was sentenced to 8 years of hard labor camp imprisonment. A.N.Garry described reasons of the sentence he had got, his own merits before the USSR and entreated Stalin to give him a chance to return to the literary activities. In autobiography attached to the letter A.Garry described the main events of his life.

Ключевые слова: А.Н.Гарри; И.В.Сталин; Б.А.Двински; Г.И.Котовский, газета «Известия».

Key words: A.N.Garry; I.V.Stalin; B.A.Dvinski; G.I.Kotovski; the "Izvestiya" newspaper.

E-mail: kianoks@inbox.ru

¹ Представленная на суд читателей статья продолжает серию публикаций, посвященных биографии и творчеству популярного в конце 1920-х – начале 1930-х гг. журналиста газеты «Известия» Алексея Николаевича Гарри (1903 (?)–1960) [1; 2; 3].

Герой гражданской войны, знаменитый журналист, которого современники называли «известинским Кольцовым» [4], Алексей Гарри трижды – в 1930, 1937 и 1938 гг. – попадал в тюрьму. В 1930 г. его арестовали, судили и сослали на 10 лет на Соловки за общение с американским журналистом Юджином Лайонсом; обвинив в шпионаже в пользу Америки. Приговор – 10 лет лагерей – через год был отменен специальным постановлением Политбюро. Гарри был реабилитирован [6; 5].

В июле 1937 г. Гарри снова попал в тюрьму. На этот раз он обвинялся в распространении слухов о массовых арестах, в частности об арестах чекистов. Спустя месяц журналист был освобожден, указание о его освобождении отдал Ежов [7].

Однако свободой Гарри пользовался недолго. 14 января 1938 г. его арестовали в третий раз. В апреле 1939 г., сразу после ареста Ежова, его лишили боевых наград и осудили на 8 лет лагерей за участие в «антисоветской террористической организации». Обвинялся же бывший журналист, в частности, в том, что согласился совершить террористический акт: бросить бомбу и стрелять из пистолета в машину членов Политбюро [8, л.121].

Свою вину он поначалу признал, потом от признательных показаний отказался, заявив, что следователи «спровоцировали» его, «заставили» оговорить себя. А он только «выполнял требования следствия, не теряя возможности при первом удобном случае доказать свою же невиновность» [8, л.124].

Наказание он отбывал в Норильском исправительно-трудовом лагере, после освобождения жил в Норильске и Красноярске, работал в местных библиотеках, издательствах и газетах, снова стал писать журналистские и художественные произведения.

Ниже публикуется собственноручное письмо Гарри И.В.Сталину, написанное в мае 1946 г., уже после того, как бывший журналист досрочно – в связи с хорошей работой – освободился из лагеря. К письму приложена написанная Гарри краткая автобиографическая справка. Очевидно, что причиной, побудившей Гарри написать письмо, было послевоенное освобождение из-под стражи некоторых категорий заключенных.

Бывший журналист просил Сталина вернуть ему возможность заниматься журналистикой и литературным трудом. Неясно, попало ли письмо к генсеку, прочел ли он его или нет. Но в итоге письмо отдали на рассмотрение Особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР. В пересмотре дела было отказано.

Реабилитирован Гарри был 9 лет спустя, в 1955 г. Он вернулся в Москву, снова начал публиковаться, но через 5 лет умер.

* * *

Публикуемые документы хранятся в составе уголовного дела Гарри 1938 г. (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-2409. Л. 141–143). Орфография и пунктуация в публикации приведены к современным нормам, сокращения раскрываются в квадратных скобках. К показаниям предложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые в самих документах, не комментируются.

Собственноручное письмо А.Н.Гарри И.В.Сталину от 25 мая 1946 г., с автобиографической справкой

ЦК ВКП (б)
Тов. И.В.Сталину
Лично²

Уважаемый Иосиф Виссарионович!

Возможно, Вам что-нибудь напомнит мое имя: к Вам обращается писатель и журналист А.Гарри, уже однажды прибегавший к вашей помощи. Тогда, если не ошибаюсь, 20 октября 1931 года, Политбюро, по Вашей инициативе, оказало мне огромное доверие, рассмотрело мое дело, реабилитировало меня и вернуло меня к жизни, т.е. к литературе, в печать. Я прекрасно понимаю, что для Партии мое дело – маленькое, рядовое дело; но для меня – это дело жизни, и, поскольку вся моя сознательная жизнь принадлежала Партии и Родине, я позволю себе еще раз обратиться в Вашем лице – к Партии.

В 1931 году мое дело докладывал Вам товарищ Двинский³. Мне кажется, я в свое время оправдал доверие, оказанное мне. С 1931 по 1938 год я достаточно активно работал в печати. Кроме рассказов и повестей в десятках газет и журналов, по радио, на эстраде, я активно участвовал во всех общественных событиях: перелетах, маневрах, пуске новых предприятий первых пятилеток. Я писал книги, брошюры⁴. Я вел большую общественную работу.

---

² В правом верхнем углу страницы штампы: «Поступило 31 мая 1946. О[собое] С[овещание]. ЦК ВКП(б)», «Секретариат МВД СССР. 2 отделение. 4. VI. 1946».

³ Двинский Борис Александрович (1894–1973) – в 1931 г. заместитель заведующего секретным отделом ЦК ВКП (б), в 1946 г. – министр заготовок СССР.

⁴ С 1931 по 1938 г. Гарри действительно много писал и печатался: кроме многочисленных статей в «Известиях» и других периодических изданиях, он издал несколько книг и сборников рассказов: «Конец Петлюры» (1934), «Огонь. Эпопея Котовского» (1934), «Паника на Олимпе» (1934), «Потолок мира» (в соавторстве с Л.А. Кассилем, 1934), «Снег на

Обстоятельства сложились так, что в 1938 году я был арестован и осужден на 8 лет лагеря. Не буду писать, что я был ни в чем не виновен: все это было давно, и мне сейчас значительно труднее доказать свою невиновность, чем в свое время было доказать, что я виноват. Тем более что я ни в чем конкретно не уличен и недобросовестные люди, затеявшие мое дело, в основном расправились со мной за то, что я «ходил жаловаться в ЦК»⁵.

Все это – прошлое. В начале 1944 года я был досрочно освобожден за хорошую работу в Норильском комбинате НКВД⁶, остался там работать в качестве старшего инженера техотдела; в настоящее время я нахожусь в Москве в кратковременной служебной командировке.

Мне сейчас 43 года, я нахожусь в расцвете творческих сил и на рубеже заключительного этапа своей жизни. Шестилетняя работа в условиях большого завода значительно обогатила мой опыт и повысила мою квалификацию как писателя и журналиста. В течение восьми лет я переношу страшную пытку молчания – невозможность служить своим литературным талантом интересам Родины. Для творческого работника это самое тяжелое наказание, тяжелее, чем изгнание и тюрьма, чем потеря семьи, тяжелее, чем позор ложного обвинения.

У меня была прекрасная биография советского человека; я лично ничего не совершил для того, чтобы она была испорчена. Упорным и плодотворным трудом в тяжелых, подчас унижительных условиях Норильска я, по-моему, доказал не только, что я остался советским человеком, но и что умею, по мере сил, быть полезным Родине в любых условиях, в которые меня поставило стечение обстоятельств.

Мне осталось меньше трети жизни. Это очень мало для того, чтобы восстановить свое имя, которым я когда-то имел основания гордиться.

Я прошу помочь мне вернуться к моему любимому делу. Я не сомневаюсь, что я оправдаю доверие Партии, смогу быть более полезным, чем

крыльях» (1935), «Струны» (1935), «Тамбовский рейд» (1938) статей в «Известиях» и других периодических изданиях он издал несколько книг и сборников рассказов: «Конец Петлюры» (1934), «Огонь. Эпопея Котовского» (1934), «Паника на Олимпе» (1934), «Потолок мира» (в соавторстве с Л.А. Кассилем, 1934), «Снег на крыльях» (1935), «Струны» (1935), «Тамбовский рейд» (1938).

⁵ Очевидно, имеются в виду события 1931 г., реабилитация Гарри по постановлению Политбюро. Эта реабилитация привела к тому, что следователи, ведшие дело Гарри в 1930 г., были наказаны.

⁶ Норильский горно-металлургический комбинат, построенный силами заключенных, начал работу в 1939 г. На комбинате работали как заключенные, так и вольнонаемные специалисты; комбинат подчинялся НКВД СССР.

сейчас, и вместе с тем сумею доказать, что жизнь моя была повреждена незаслуженно.

(А. Гарри)

Алексей Николаевич Гарри

Бывш[ий] член Союза Советских Писателей

старш[ий] инженер Норильского Комбината МВД,

В служебной командировке в Москве

Гоголевский бульв[ар], 14

Московская контора Норильстроя

Тел. К 1-42-95

Прилагаю краткую автобиографическую справку.

Краткая автобиографическая справка

Гарри Алексей Николаевич, род[ился в] 1903 г.⁷, литератор, беспартийный, образование – домашнее. Детство провел в Ленинграде. Отец (отчим) – профессор Эрлих Л.И.⁸, мать – домашняя хозяйка. Оба умерли. Родных, известных мне, нет.

В июле 1917 г. 14-ти лет от роду вступил в Красную гвардию. Позже работал в ВЧК, по линии которой в конце 1918 г. был послан на подпольную работу на Украину⁹. Одесским подпольным областком был направлен в качестве представителя областкома в подпольную боевую дружину Котовского. В рядах его корпуса провел на командных должностях (до комбрига включительно) всю гражданскую войну¹⁰. Был ранен, контужен. В годы гражданской войны был дважды награжден орденом Красного Знамени, почетным оружием и грамотой ВЧК. Первый ор[ден] Кр[асного] Знамени получил 16-ти лет от роду, в 1919 г.

Демобилизовался в 1923 г. Работал в печати, сначала в Харькове, с 1935 г. – в Москве. Был членом Союза сов[етских] писателей с 1933 г. Был членом Комитета по Оборонному изобретательству Осоавиахима

---

⁷ В разных документах Гарри приводил разные даты своего рождения. Так, во время следствия 1930 г. он утверждал, что родился в 1898 г. [3, с.311]. Однако в 1938 г. он настаивал на том, что эта дата неверна, а его возраст «был увеличен еще в 1919 г.» [2, с.38].

⁸ В показаниях 1930 г. Гарри называет ленинградского врача-венеролога, доктора медицины Леонида Ивановича Эрлиха (1868–1939) своим отцом [2, с.31].

⁹ Работа Гарри в ВЧК документально не подтверждается.

¹⁰ В гражданскую войну Гарри действительно служил в бригаде Г.И.Котовского, однако его боевой путь нуждается в дополнительном исследовании. Войну Гарри закончил начальником штаба бригады Котовского.

СССР. Вел разнообразную общественную работу. Печатался почти во всех центральных органах советской печати с 1925 по 1938 г. Имел в этот период различные награды.

Арестован в августе 1930 г. В октябре 1931 г. реабилитирован решением Политбюро ЦК. Арестован в июле 1937 г., а через месяц освобожден и реабилитирован собственным решением НКВД¹¹.

Арестован в январе 1938 г., осужден к 8 годам лагеря; досрочно освобожден в 1944 (срок сокращен до 5 лет).

В Норильске создал службу технической информации, крупнейшую в Арктике научно-техническую библиотеку и ежемесячный научно-технический журнал, членом редколлегии и зам. отв. редактора которого являюсь в настоящее время.

Биографию мою могут подтвердить:

1. Период гражданской войны: историк корпуса Котовского, писатель В. Шмерлинг¹² и оставшиеся в живых котовцы, генералы: Н. Осликовский, В. Чистяков, Н. Лебеденко¹³ (прочих потерял из виду), семья Котовского.

2. Литературная работа: С[юз] С[оветских] П[исателей] и персонально писатели: Л. Кассиль, Л. Леонов, Н. Тихонов, Л. Соболев, С. Михалков и другие.

3. Работа в Норильске: А.П.Завенягин – замнаркома НКВД СССР¹⁴.

25.V.46 г. (А.Гарри)

¹¹ Сведений о реабилитации Гарри в 1937 г. нет.

¹² Шмерлинг Владимир Григорьевич (1909–1992) – советский писатель, автор вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книги «Котовский» (М.: Газетно-журнальное объединение, 1937), написанной, в частности, по воспоминаниям бывших котовцев.

¹³ Осликовский Николай Сергеевич (1900–1971) – в гражданскую войну служил командиром эскадрона в бригаде Котовского, в 1946 г. – генерал-лейтенант, Герой Советского Союза.

Чистяков Владимир Иванович (1891–1941) – в гражданскую войну занимал различные командные должности в бригаде Котовского, в частности, был комиссаром одного из полков, умер в чине генерал-майора. О его смерти Гарри, по-видимому, не знал.

Лебеденко Никита Федотович (1899–1956) – в гражданскую войну в бригаде Котовского занимал различные должности, в частности, командовал взводом, в 1946 г. – генерал-лейтенант, Герой Советского Союза.

¹⁴ Завенягин Авраамий Павлович (1901–1956) – в 1946 г. генерал-лейтенант, заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР, в конце 1930-х – начале 1940-х гг. начальник строительства Норильского горно-металлургического комбината.

Выписка из протокола Особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР от 16 августа 1946 г.¹⁵

Выписка из протокола № 30
Особого Совещания при Министре внутренних дел СССР
от 16 августа 1946 г.

Слушали:	Постановили:
<p>322. Дело № 621184 / МГБ СССР (пересмотр) по обвинению: ЭРЛИХ Иона Яков Леонидович¹⁶, 1903 г[ода] р[ождения], еврей¹⁷, ур[оженец] гор[ода] Парижа¹⁸, он же Гарри Алексей Николаевич, 1898 г[ода] р[ождения], ур[оженец] г[орода] Ленинграда, русский, гр[ажданин] СССР, б[ес]/п[артийный]. Осужден Особ[ым] Совещ[анием] 20. IV 1939 г. к 8 г[одам] И[справительно-]Т[рудового] Л[агерь]. Постановлением Особ[ого] Совещ[ания] от 1.III. 1943 г. и от 19.I. 1944 г. за отличную работу наказание снижено на 3 года. Используется на работе в Норильском комбинате.</p>	<p>ЭРЛИХ Ион Якову Леонидовичу, он же ГАРРИ Алексей Николаевич, в пересмотре дела ОТКАЗАТЬ.</p>

Нач[альник] секретариата Особого Совещания
При министре Внутренних дел СССР В. Иванов¹⁹.

¹⁵ Выписка представляет собою машинописную копию с факсимильной подписью начальника секретариата Особого Совещания при министре Внутренних дел СССР. Копия заверена печатью Особого Совещания.

Особое совещание при народном комиссаре (с 1946 г. – министре) Внутренних дел Союза ССР – внесудебный орган, существовавший с 1922 по 1956 гг., имевший право рассматривать уголовные дела по обвинениям в «контрреволюционных преступлениях» и выносить по ним приговоры. Судебные заседания проводились в отсутствие обвиняемого и без адвоката.

¹⁶ Согласно показаниям Гарри 1938 г., при рождении ему было дано имя Иона-Яков [2, с.38]. Тогда же Гарри показывал, что «переменил фамилию, имя и отчество в ноябре 1917 г.», желая этим «оскорбить отца и не иметь ничего общего с ним» [2, с.38].

¹⁷ На допросе в 1938 г. Гарри отмечал: «По национальности я еврей, а в документах значится русский, потому что я всегда считал себя русским» [2, с.38].

¹⁸ Согласно паспорту, Гарри был уроженцем города Санкт-Петербурга (Ленинграда). Однако и в 1930, и в 1938 г. он настаивал на том, что местом его рождения является город Париж, где его отец (отчим) работал врачом [2, с.31, 38].

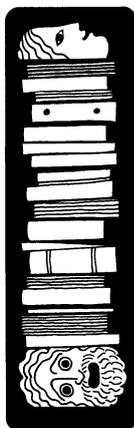
¹⁹ Иванов Владимир Васильевич (1909–1966) – начальник секретариата Особого совеща-

Библиографический список

1. Киянская О.И., Фельдман Д.М. «Ведь он у нас в списке...»: К истории общественных настроений 1937 года // Россия XXI. 2016. №4. С.160–179.
2. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Из истории советской журналистики: автобиография Алексея Гарри // Вестник РГГУ. 2016 №4 (13). Сер: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». С. 24-42.
3. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) // Вопросы литературы. 2016. №4. С.308–344.
4. Котовец // Известия. 2006. 24 апреля. URL: <http://izvestia.ru/news/313171> (Дата обращения 07. 03. 2016).
5. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о пересмотре дела А. Гарри, 20 октября 1931 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С.286.
6. Уголовное дело Гарри А.Н., 1930 г. // Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-33346.
7. Уголовное дело Гарри А.Н., 1937 г. // Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-26768.
8. Уголовное дело Гарри А.Н., 1938 г. // Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-2409.

ния при народном комиссаре (министре) Внутренних дел с сентября 1939 по декабрь 1946 г.

Альберт Ненароков

**«СИБИРСКИЕ
МАРКСИСТЫ»
ОБ ЭКЗАМЕНЕ
РЕВОЛЮЦИЕЙ
1905 ГОДА¹**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК

94(47) "1908–1912"

Эта рецензия должна была стать дебютом Церетели на страницах «Русского Богатства» – одного из самых популярных и влиятельных ежемесячных российских журналов народнического, а затем либерального толка. Для него выступление в столь престижном журнале являлось желанной пробой сил на недоступной ранее стезе русскоязычной публицистики. Однако оно не состоялось. Великая российская революция 1917 года, как говорил сам Церетели, открыла возможность реального перехода от слов к делу на пути реализации уроков 1905 года и объединения всех демократических сил страны для общей борьбы за ее счастье и процветание. Но это только казалось. Впереди ожидали новые разногласия, политическая глухота соперников и противников, новые расколы и братоубийственная гражданская война, по размахам и последствиям не уступающая той мировой войне, которая изменила мир и ожесточила людские сердца.

The critique had to become Zereteli's debut on pages of "The Russian Treasure", one of the most popular and influential Russian monthlies of narodnik and, later on, liberal trend. For Zereteli a publication in so prestigious magazine was the desired but earlier unobtainable trial of strength in the path of Russian journalism. However that debut did not happen. As Zereteli put it himself, the great Russian revolution of 1917 opened opportunities for actual transition from words to deeds on the basis of implementation of lessons given by the revolution of 1905 and for unification of all democratic forces in the common struggle for the country's happiness and prosperity. But that was only an illusion. New discords, political deafness of rivals and opponents, new splits and the fratricidal civil war waited in the future. And the scale and consequences of this civil war were on par with the bloody world war that had changed the world and hardened the human hearts.

Ключевые слова: Тюрьма; каторга; ссылка; политзаключенные; ссыльнопоселенцы; провокаторы и провокации; смертная казнь и правосудие; историческое назначение революции 1905 года; «живые силы нации».

Key words: prison; hard labor in exile; exile; political prisoners; deportees; agents provocateurs and provocations; capital punishment and justice; historical purpose of the revolution of 1905; "living forces of the nation".

E-mail: rgaspi@inbox.ru; iiakobashvili@parliament.ge

¹ Окончание. Начало см.: *Россия XXI*. 2017. №№2,3.

То, что, анализируя уроки, оценки и опыт, вынесенные т.н. «сибирскими марксистами» из экзамена, которому революция 1905 года подвергла российское общество, мы так много внимания уделили, прежде всего, статьям И.Г.Церетели, не должно удивлять никого. Объясняется это не только тем, что он был признанным неформальным лидером этой группы, но и его личными качествами – обаянием, чистотой помыслов, человечностью и дружелюбием. А также «великим даром», как отмечал Б.И.Николаевский, уметь видеть и трактовать любые события повседневности под углом зрения того большого, «основного большого», что составляет саму нашу жизнь, и [19] ставить при этом во главу решения всех теоретических и практических вопросов проблемы морального и этического плана [9].

Лично для меня все это, определявшее безусловность политического и человеческого авторитета Церетели, выразилось в одной фразе незабвенного и дорогого мне и моим друзьям Ю.А.Айхенвальда: «Он гнался за Абсолютом с копьем наперевес, но никого не топтал по дороге» [1].

Я нашел их в его книге о Дон-Кихоте на русской сцене и сделал эпиграфом к самой первой своей статье о Церетели [10].

Конечно, публикации соратников Ираклия Георгиевича по иркутским журналам – Войтинского, Вайнштейна, Дана, Рожкова, Гоца и др. – достойны не менее подробного рассмотрения. И многое в данном отношении уже делается [2, 5, 7, 19, 21]. Но это все еще задача другая, и пусть ее решением займутся другие исследователи. Те, кого привлечет и взволнует деятельность этой необычной внепартийной и внефракционной группы политических ссыльных и яркая, но нелегкая судьба ее членов. Да и сам я все еще питаю надежду, что смогу вернуться к этой обозначенной в первом приближении теме. Пока же сосредоточимся на завершающейся в данном номере журнала публикации неизвестной ранее рецензии Церетели на книгу В.С.Войтинского «Вне жизни». Вкупе со статьями Ираклия Георгиевича в «Сибирской Жизни» и «Сибирском Обозрении» она дает редчайшую возможность обобщить выводы и оценки, что были сделаны основной, на наш взгляд, большей частью российской социал-демократии из событий 1905–1907 гг.

Эта рецензия должна была стать дебютом Церетели на страницах «Русского Богатства» – одного из самых популярных и влиятельных ежемесячных российских журналов народнического, а затем либерального толка, ни в чем не уступающего многим знаменитым «толстым журналам» того времени. В разные годы в его редакцию входили: идео-

логи либерального народничества – экономисты, социологи, статистики, публицисты, писатели, издатели, переводчики: Василий Павлович Воронцов (1847–1918), Николай Константинович Михайловский (1843–1904), Николай Федорович Анненский (1843–1912), Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), Николай Францевич Даниельсон (1844–1918). В число ведущих российских изданий журнал выдвинулся благодаря тому, что стал инициатором полемики с представителями набирающей силу марксистской идеологии – Г.В.Плехановым, В.И.Засулич, П.Б.Струве, В.И.Лениным и др.

После смерти Михайловского в 1904 году во главе «Русского Богатства» станет Короленко. При нем весьма активную роль начинают играть вошедшие в редколлегию основатели и лидеры Партии народных социалистов (1906) Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933) и Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937). В 1906 году «Русское богатство» было закрыто правительством и некоторое время выходило под названиями «Современные Записки» и «Современность». Однако уже в мае 1906 года ему вернули прежнее – «Русское Богатство».

Пешехонов с 1899 года вел в журнале отдел внутренней жизни. В 1903 он выступил одним из основателей леволиберального «Союза Освобождения». Не покидая «Русского Богатства» сотрудничал в центральном органе социалистов-революционеров – «Революционной России». Одно время был даже главным редактором эсеровской газеты «Сын Отечества», но после основания Партии народных социалистов отошел от этого, став членом редколлегии «Народно-социалистического обозрения» и представив в ряде специальных статей «Русского Богатства» за 1906 год программные положения ПНС [15].

Историк и публицист Мякотин интересен для нас в контексте данной статьи прежде всего тем, что в 1910 году опубликовал специальное эссе, посвященное современной тюрьме и ссылке [8]. Примерно в это же время в «Вестнике Европы» появилась, под псевдонимом «С», публикация первого очерка В.С.Войтинского «Смертники» [16].

Обе статьи, и Мякотина, и Войтинского, посвященные положению политзаключенных в тюрьмах и ссылках и смертникам, ожидающим казни, вызвали значительный читательский интерес. После этого за разработку данной темы взялся и Пешехонов. После того, как редакция «Русского Богатства» получила первые материалы, собранные в 1908–1911 гг. политическими ссыльными Кириенского уезда Иркутской губернии [6], он начал их обработку, а затем и публикацию [11]. Вероятно, тогда же Пешехонов с Мякотиним обратились к Войтинскому с предложением продол-

жить публикацию своих очерков на страницах «Русского Богатства». Приняв его, он два последующих очерка под общим названием «Смертники», о тюремных мытарствах и судьбе тех, кто пострадал за участие в революции 1905 года, переслал уже в журнал В.Г.Короленко [4].

Когда же в 1914 году в Петербурге в авторском издании вышла книга «Вне жизни», собравшая все журнальные очерки В.С.Войтинского о политзаключенных России после поражения революции 1905 года, у главного редактора «Русского Богатства» родилась мысль отрецензировать ее. С подачи автора рецензию заказали И.Г.Церетели. Однако, пока думали и рядили, договаривались да получали согласие, началась Первая мировая война. Журнал был закрыт по соображениям цензурным и с сентября 1914 до марта 1917 года выходил под названием «Русские Записки». Но Церетели это не остановило.

Для него выступление в столь престижном журнале являлось желанной пробой сил на недоступной ранее стезе русскоязычной публицистики. Первая – две статьи в иркутских журналах – показала, что его литературный дар не уступает его природному дару оратора. Вторая должна была расширить читательскую аудиторию за счет ее наиболее образованной и профессиональной части. И вместе с тем части откровенно пристрастной в своих вкусах, привычках, оценках, воззрениях, но не прощающей никаких ошибок и промахов и не любящих парвеню.

С весны 1915 года Церетели начал активно работать над рукописью. Он уже знал, что публикации Войтинского стали объектом весьма жесткой критики.

Приговор Зинаиды Гиппиус был краток и безапелляционен: «искусство и не ночевало около этих произведений» (к сожалению, нам так и не удалось пока точно установить, в каком из своих многочисленных литературных обзоров она это сделала, а в рукописи Церетели никаких уточняющих соображений и отсылок нет). В это время Войтинский разослал в издательства рукопись своего романа-хроники, где герой – россиянин-студент Мюнхенского университета, – получив известия о январских 1905 года событиях в Санкт-Петербурге, бросает все и возвращается на родину. Герой Войтинского принимал активное участие в митинговой жизни столичного студенчества, работал в леворадикальной социал-демократической партийной организации, варился в гигантском котле общественной жизни, едва не взорвавшемся 17 октября, и т.д. Рукопись обсуждали, но печатать не брались. В это время восходила литературная звезда Бориса Савинкова, которому Гиппиус не только

оказала помощь и поддержку, но и подсказала название первого романа – «Конь бледный».

А летом 1913 года Василий Васильевич Розанов непосредственно после публикации в «Русском Богатстве» очерка «Призраки» [3] объявил прозу Войтинского «иконописной мазней», а манеру его письма – «безжалостной олеографией» [12]. В декларируемом автором стремлении возможно полного и точного воссоздания атмосферы и характера картины существования под тюремными сводами суровый критик увидел лишь художественные приемы, определенные основной задачей, которую якобы ставил себе Войтинский: «возвеличить деятелей революции и окружить их ореолом мученичества и святости».

«Для любящего, – констатировал Розанов, – представляется чем-то кощунственным переиначивать действительность, прибавлять, украшать...» И в доказательство приводил пассаж из очерка Войтинского о том, как, «вспоминая пережитое», тот вновь и вновь испытывал гнетущее ощущение от того, сколь круто ломает жизнь «вчерашних борцов» существование «за тюремной решеткой». Она превращает их в «маленьких, запуганных, замкнутых в себя, раздражительных и себялюбивых людей». А тюремная плесень сгоняет с их лиц «румянец», съедает «яркие краски души», гасит «огонь идеалистических порывов», «убивает веру», гонит прочь «смелость». При этом неизбежно «съеживаются и закрываются некогда красивые души».

В этом месте Розанов ставит явно риторический вопрос: «Как переменить дорогой образ?..» И сам отвечает на него так: «...Я нарисовал бы их некрасивыми, хмурыми, раздражительными».

Невольно втянувшись в окололитературную дискуссию, развернувшуюся вокруг Войтинского в связи с выступлением Розанова, Церетели назовет любые поучения подобного типа «иудовыми». А главным для собственного отношения к очеркам Войтинского он выделит то чувство боли и сострадания, которое сквозной нитью пронизывает все написанное о тюрьме и каторге: «Где есть страдание, там место свято».

Именно это чувство, по его мнению, лежит в основе «бережного отношения» автора «к предмету писаний». Определяет его стремление «правдиво, без прикрас, во всей полноте обнажить перед читателем все виденное»: «море страдания» и «алмазные нити» любви, что соединяют мир узников, «погребенный за железной решеткой», с оставшимися на воле. И «именно эта-то связь, – как полагал Церетели, – дает Войтинскому силу изобразить все, что он видел, в неприкрашенном виде, пере-

дать всю действительность такой, какая она есть, без идеализации и без недомолвок».

При этом Церетели специально обращает внимание на то обстоятельство, что Войтинский совсем не задается «целью пробовать силы в неизвестной ему области художественного творчества», чувствуя себя «обязанным дать обществу точный "отчет" обо всем виденном». И вместе с тем подчеркивает: «Нужно быть слепым, чтобы не заметить в очерках Войтинского элементов художественной образности, отдельных блесков подлинного художественного творчества». Они у него не только «оживляют изложение», но и «носят такой своеобразный характер, что по ним невозможно определить, означают ли они наличность молодого дарования, обещающего развиться в крупную художественную силу, или мы имеем дело с случайным гостем художественной литературы, который порою невольно заговаривает образами, чтобы суметь выразить глубокое переживание, не поддающееся иной передаче».

Для подтверждения этих своих выводов Церетели в первых двух частях собственной рецензии старается воспроизвести как можно больше цитат из очерков Войтинского. Иногда даже злоупотребляя этим в ущерб своим соображениям и обобщениям. Так в обилии приведенных свидетельств тюремной жизни с яркими бытовыми зарисовками, глубокими психологическими характеристиками теряются выводы рецензента о значении собранных автором юридических и статистических данных, касающихся роли провокации в практике российского правосудия и результатов, достигаемых массовыми смертными приговорами.

Без должного внимания остается и постановка им проблемы о провокации вообще и ее роли в практике российского судопроизводства, когда суд фактически «не имеет возможность установить истину», ибо все ведение дел «основано на "взаимных оговорах" и "чистосердечных признаниях" людей, находящихся под страхом смертной казни». В итоге чего 9/10 смертных приговоров выносятся на основе спровоцированных показаний. Причем провокаторы «по самому существу дела» вынуждены оговаривать не только «истинных виновников», но и всех, кто соприкасался лично с ними и с жертвами их предательства. Отсюда «в делах, оканчивающихся смертными приговорами», столь часты т.н. «судебные ошибки», которые по подсчетам Войтинского приводят к 20–25% казням невинных.

В качестве доказательства того, сколь мало действительна смертная казнь в качестве предупредительной меры, Церетели ссылается на данные того же Войтинского о том, как в атмосфере смертных казней развивается «эпидемия преступности». И он же обращает читательское внимание на

заявление очеркиста о том, что смертная казнь, предназначенная по идее для самых нераскаявшихся преступников, «всего менее страшна именно для того, кто остался таким же, каким был в момент совершения преступления. Мучительной и ужасной она становится для преступника с того момента, когда он начинает раскаиваться в совершении преступления, когда он уже перестает быть тем, которого "надо было повесить"».

Вообще, основные задачи собственной рецензии Церетели определяют весьма четко, видя их в том, чтобы на основе анализа фактического материала, содержащегося в очерках Войтинского, выявить и сформулировать, «какие черты революционного движения 1905 года отразились» в описанной им «психологии участников этого движения»; «в какой мере эволюция настроений политических узников за "железную решетку" сходна с эволюцией общественных настроений в стране в годы реакции и какие черты вольной жизни шли в разрез с подобными тенденциями»; «каковы были условия формирования общественных деятелей в 1905 году» в сравнении с условиями, возникшими в годы Первой мировой войны. И ему это вполне удалось, как об этом теперь каждый может судить по материалам данной публикации сам.

Кстати, попутно Церетели дает интересную трактовку романов Б.В.Савинкова «Конь бледный» [13] и «То, чего не было» [14], рассматривая их как «правдивое показание», позволяющее заглянуть во внутренний мир тех, кто в условиях революции 1905 года пытался «реставрировать основные черты революционного движения предшествующей эпохи». По его мнению, герои Савинкова, «вместо целостного революционного мировоззрения Желябовых, Михайловых и всей плеяды борцов "Народной Воли"», их «веры в свои силы», «несокрушенной воли к действию», продемонстрировали раздвоенность «внутреннего существа, гамлетовские колебания и неуверенность», а порой даже, «как в "Коне бледном", полную опустошенность внутреннего мира, прикрытую авантюризмом грубого пошиба». По его мнению, «время самостоятельной героической роли интеллигенции прошло безвозвратно, и лишь те ее части, которые стали сознательно под знамя какого-нибудь из борющихся классов, в меру своего участия в этой борьбе» смогли стать реальным «фактором политического развития страны».

Столь же «далеки от сплоченности и органической цельности» оказались в революции 1905 года, по мнению Церетели, и т.н. «демократические массы» страны. Хотя «гнет старой власти» был весьма ощутим «для всей капиталистической буржуазии, начиная с крупных промышленников и кончая мелкими собственниками», «ни один слой буржуазии

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

не оказался в 5-м году исторически подготовленным для самостоятельной революционно-политической роли», так и не выйдя за рамки «стихийной поддержки общих демократических лозунгов». Все они, как и аграрное движение, «развивались под воздействием пролетарской борьбы», «взвалив на плечи рабочих» как главную тяжесть борьбы «за общедемократические требования», так и «руководство всеми живыми силами нации в этой борьбе». В связи с этим Церетели останавливается и на тех условиях общественно-политической жизни России, которые не дали возможности выдвинуть в годы первой российской революции новых политических деятелей, способных возглавить реализацию основных требований времени. Этот раздел рукописи Церетели наиболее яркий и отработанный.

И хотя первое столкновение «не оформившихся сил новой России с силами старого строя» в 1905 году потерпело неизбежное поражение, оно, по заключению Церетели, выполнило свое «великое историческое назначение»: «двинуло вперед развитие страны, вывело население из состояния неисторического существования», подготовило условия «для нового подъема различных слоев новой России», их сплочения «вокруг своих, ясно осознанных классовых интересов».

Ираклия Георгиевича обожали все, особенно молодежь, которая инстинктивно чувствовала в нем друга и наставника. Сохранилось письмо матери известного американского историка Алекса Рабиновича

Борису Николаевскому о том, как в 1960 году познакомились с Алексом и его женой Джанет во время их первой командировки в Россию грузинские студенты спрашивали их с пристрастием о только что скончавшемся в Нью-Йорке Церетели. Тогда и представить было нельзя, что когда-нибудь в Грузии народится поколение, уже не знающее о нем почти ничего или, что еще хуже, впитавшее откровенно фальсифицированные представления о его жизни и деятельности. Разгребать это, как и многое другое, нам надо вместе. На снимке художник Шалва Кикодзе. У него в руках холст с портретом И.Г., работу над которым художник завершил в октябре 1917 года. В 1918 году портрет экспонировался на одной из выставок Тифлиса. После этого, как сообщил И.П.Якобашвили, художник уехал в Германию, где в 1922 году скончался от туберкулеза. Портрет остался в Грузии, но пропал из виду. «Ищем, – написал нам все тот же Якобашвили, – найти пока не можем!»

Фотография публикуется впервые, предоставлена И.П.Якобашвили

Церетели И.Г.

ЭПИЛОГ 1905-го. ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ РЕШЕТКОЙ

По поводу тюремных очерков Вл. Войтинского

IV

В революционной среде, изображенной Войтинским, нет деятелей крупного исторического масштаба. Наиболее выдающийся из героев Войтинского, несомненно, «пролетарский директор» Григорий Клименко, описанный в «Суде победителей». В его лице Войтинский нарисовал революционера, чувствующего органическую связь с борющимися массами, человека железной воли и цельной психологии, умеющего влиять на окружающих и воодушевлять их на борьбу.

Но ни Клименко, ни кто другой из описанных Войтинским деятелей не выросли в общенародных вождей. В исторические фигуры, олицетворяющие собой особые полосы общественного развития. Во время революции все они были замкнуты в узком кругу местных интересов, и этими пределами было ограничено значение их деятельности.

Народных вождей, развернувших все свои духовные силы в тесном единении с революционными массами, напрасно было бы искать в очер-

ках Войтинского так же, как напрасно было бы искать их и во всем революционном движении 1905-го года.

Это очень знаменательная черта минувшей революционной эпохи, и потому на ней необходимо остановиться подробнее.

Почему общественной движение в России 1905-7 гг. не дало «великих людей», не выделило из своих рядов деятелей того масштаба и склада, какие являются обычно в моменты крупных исторических движений, какими так богаты, например, революционное движение 1789-го года во Франции или современное социалистическое движение на Западе?

Объясняется ли это личными недочетами участников движения 1905-го года, отсутствием в них черт, нужных для широкой общественной деятельности, или какой-нибудь другой, более глубокой причиной?

Из того бесспорного положения, что не великие люди творят историю, часто делается неверный вывод, будто самое появление великих людей обусловлено случайным стечением обстоятельств, независимо от общего хода исторического развития. Дело представляется просто: окажутся в нужную минуту великие люди, история пользуется ими, не окажутся – она обходится без них.

А между тем можно сказать с уверенностью, что появление выдающихся людей есть такое же неизбежное следствие определенных условий исторического развития, как и направление их деятельности. Достаточно возникнуть живой, сколько-нибудь широкой социальной среде, объединенной общими интересами, насущной потребности созидания в области политики, науки, искусства – словом, в какой угодно сфере человеческого действия, – навстречу этой потребности идут одаренные божьей искрой отдельные лица, черпая силу в общем энтузиазме окружающей их среды.

Чем шире эта среда, чем напряженнее в ней сказываются данные потребности, тем неизбежнее появление в этой среде крупных людей, способных уловить общую идею и реализовать ее в действии.

Даже для такой, казалось бы, подверженной всяким случайностям области, как область искусства, это положение сохраняет всю свою силу. Обширный материал из истории живописи, разработанный Тэнном в его лекциях об искусстве [17], может целиком служить иллюстрацией этой мысли. Разве не было бы чудом одновременное появление таких гениев, как Леонардо да Винчи, Микель Анджелло и Рафаэль, если бы разгадка этого чуда не крылась в настроении молодой итальянской буржуазии в эпоху Возрождения? Реакция против средневекового уклада мыслей и чувств, жажда жизни и наслаждения зрелищем прекрасного с особенной

силой дали себя знать в эту эпоху, – и при общем духовном подъеме люди новой культуры в области искусства запечатлели и свою суровую энергию, и любовь к естественной красоте, и свои идеальные порывы. Так же не случайна одновременность появления величайших гениев в периоды расцвета древнегреческого искусства, и фламандской живописи, и всех других школ, которые, несмотря на глубинные различия в характере, имели то общее, что одинаково питались соками цельных, одушевленных общими чувствами социальных слоев.

Действие этого закона, – неизбежность появления «героев» в различных областях человеческого творчества в зависимости от потребностей окружающей среды, – с полной очевидностью проявляется в наблюдаемой обыкновенно одновременности появления величайших мыслителей, художников или политических деятелей в моменты назревшей потребности общества. И в полном отсутствии их в моменты ослабленного интереса общества к той или другой сфере. Эпохи расцвета английской, французской и немецкой просветительской философии, эпохи классических литератур или эпохи научных открытий – все отмечены одновременным появлением в той или другой области величайших гениев, веками остающихся одиночками. Все эти эпохи замечательны тем, что или в одном каком-либо классе, объединенном общим духовным подъемом, или во всех мыслящих слоях народа с не дифференцировавшимися социальными отношениями, или просто в какой-либо обособленной, цельной социальной среде в силу определенных условий исторического развития пробуждается интерес к той или другой сфере творчества. И эта среда, как бы наэлектризованная общим напряжением, выделяет из своих рядов людей, воплощающих в жизнь общие стремления.

Чтобы не ходить далеко за примерами, можно указать на расцвет классической русской литературы, в продолжение каких-нибудь 50-ти лет давшей таких крупных представителей слова и мысли, – от Пушкина до Толстого, – каких русская жизнь не выдвигала ни до, ни после. Этот внезапный приток дарований был бы совершенно непонятен, если бы не та напряженная работа мысли в русском обществе, которая стала с особенной силой давать себя знать с начала XIX века. Когда задачи внешнего укрепления страны, веками помогавшие всем ее живым силам, оказались законченными и ходом исторического развития для всей мыслящей части общества на первый план выдвинулись задачи внутреннего строительства и культуры. И так как общий живой интерес на внутренней жизни страны мог на первых порах найти свободное выражение лишь в

области художественного творчества, неудивительны мощь и богатство классической русской литературы, развивавшейся в этих условиях.

Отсутствие случайности в появлении крупных людей в области политики яснее всего обнаружилось во время Великой Французской революции. В эту эпоху казалось, что «время не вмещает в себя людей», ибо в несколько лет нация дала столько крупных людей, сколько она не давала в продолжение веков. Революционное потрясение всколыхнуло до дна всю жизнь страны, зажгло ее общим энтузиазмом и поставило перед ней одну цель, к которой стремилось все, что было тогда живого во Франции. При таких условиях немудрено, что богатые возможности, заложенные в недрах нации, развернулись с невиданной силой. В ходе революционных событий в тесном единении с нацией развивались и росли ее лучшие представители. Ораторы, законодатели, полководцы, один крупнее другого сменяли друг друга, идя навстречу потребностям страны. Они сами отлично сознавали, какие обстоятельства проложили им дорогу к широкой политической арене и в чем источник их силы. Никто иной, как Наполеон на острове св. Елены, определенно указал на основании опыта Французской революции, что там, где в ходе общественного развития воля широких слоев общества концентрируется в одном направлении, неизбежным следствием этого является выступление людей, концентрирующих в себе эту общую волю и становящихся признанными вождями общественного движения.

Вообще можно с уверенностью сказать, что количество дарований, а следовательно, и потенциальная возможность появления великих людей в каждой стране остаются неизменными независимо от того, получают или нет эти дарования возможность проявиться на деле. В полной мере, одновременно во всех сферах, эти возможности не могли быть реализованы ни в одном обществе. Но чем сильнее сказывалась потребность творчества в определенной сфере в какую-нибудь эпоху и чем шире бывал круг общества, охваченного этой потребностью, тем большее количество дарований реализовалось в действии и тем неизбежнее становилось появление крупных людей в данной сфере.

Но если это так и если потребность в революционном действии рождает революционных вождей, почему их не было у нас в 1905-м году? Пусть движение 1905-го года не так широко охватило все нации, как это было в 1789-м году во Франции, хотя октябрьские дни 5-го года едва ли дают основание для такого противопоставления. Но ведь бесспорный факт, что никогда Россия не была так потрясена, так воодушевлена революционными идеалами, как именно в 5-м году. Между тем даже дви-

жение 70-х годов, которое ярко горело лишь в одной незначительной социальной группе, дало в области политического действия исторические имена, означавшие собой целую полосу общественного развития. Тогда как подъем 1905–7 гг. не имел своих «великих людей», хотя он расшевелил многомиллионную массу и пробудил к политической жизни столько богатых духовных сил, сколько не знала раньше ни одна эпоха.

Дело в том, что в движении 1905-го года, при всем его широком размахе, не было ни одного социального слоя, спаянного общей психологией и той цельностью настроения, которая дает возможность действующей социальной группе развить максимум заключающейся в ней энергии. А между тем это и есть основное условие появления крупных исторических фигур в моменты общественного подъема.

Развитие личности тесно связано с развитием родившей ее социальной среды. Если та социальная среда, внутри которой развивается личность, поднимается на борьбу как единое целое, во имя осознанных ею интересов, эти интересы заполняют собой все существование отдельных, наиболее живых ее членов. И в окружающей их среде они черпают богатый источник духовных сил. Цельность данной среды обуславливает цельность личности. Всем своим существом отражая настроения и чаяния родной среды, в ней получает личность твердую опору действия.

Таково было положение деятелей 70-х годов, рожденных разночинной интеллигенцией той эпохи. Молодое поколение, вышедшее из низов общества, для которых доступ к просвещению был закрыт во всю предшествовавшую эпоху, начало жить и мыслить в общественной атмосфере, полной новых ожиданий, на грани крепостнической эпохи и идущего ей на смену нового строя. Ломка крепостного строя, ставшая насущной необходимостью для государства, совершалась в атмосфере не дифференцировавшихся социальных классов, где потребности нового строя не находили еще защитников и выразителей в ясно разграниченных классах. Демократические стремления общества как бы олицетворялись в молодых поколениях интеллигенции – в противовес правительству и помещикам, стремившимся закрепить остатки сословного строя в ходе вынужденной реформы. Страна, не жившая еще исторической жизнью современных государств, как будто представляла собой богатую почву неограниченных возможностей, доступную воздействию самоотверженно настроенной демократической молодежи, не знавшей уроки внутреннего развития общества и его железных законов. В таких условиях интеллигенция, представлявшая особую, ни с какими классами не связанную среду, смотрела на себя как на самостоятельную силу, способную к ис-

торическому творчеству. И когда наиболее активные ее группы брали на себя инициативу политического действия, они приковывали к себе внимание и сочувствие всей мыслящей части общества.

На этой почве и создалась «героическая полоса» в развитии русской интеллигенции.

Движение было замкнуто в узких рамках народнической интеллигенции, но в этих пределах оно встряхнуло все живые силы. Эта среда, имевшая свою цельную психологию, цельную систему мысли и действия, давала своим членам возможность развивать всю полноту духовных сил, черпая энергию в сочувствии всего того мира, внутри которого протекало их существование. Чернышевский и Добролюбов, Желябов и Перовская, эти люди как бы высечены из одного куска мрамора, воплощали в себе цельное настроение самоотверженного поколения разночинной демократической интеллигенции. Они развивались вместе с родившей их социальной средой и были признанными выразителями ее стремлений.

Замечательно, что и в социал-демократическом движении все наиболее выдающиеся представители интеллигенции принадлежат к старым поколениям. Они получили свое социалистическое крещение или в рядах интеллигенции 70-х годов, или в начале 90-х годов, когда первые симптомы пробуждения общественной жизни после мертвой полосы 80-х, вновь, на краткое время, объединили интеллигенцию в идеалистическом порыве под знаменем марксизма.

Была ли такая цельность настроения в каком-нибудь социальном слое, участвовавшем в движении 1905-го года?

Для удобства сравнения начнем с интеллигенции.

В движение 1905-го года она вступила далеко не в прежнем виде. Общая социальная дифференциация вызвала соответствующие последствия и в среде интеллигенции. Буржуазные настроения одной части резко противопоставались социалистической идеологии другой, и каждая часть примыкала к тем общественным слоям, идеологию которых она выражала. Эти слои сами выступили на арену общественного действия и с очевидностью обнаружили, что судьбы страны решаются реальным соотношением сил борющихся классов, а не усилиями оторванных от общей жизни «внеклассовых» и «внесловных» групп. Роль интеллигенции в движении 5-го года все еще была велика как в рабочем, так и буржуазном движении, но ее самодовлеющее положение и единство ее настроения были разбиты.

У Войтинского есть один образ, напоминающий складом внутреннего мира революционных деятелей народнической эпохи. Это – революцио-

нер-романтик Матвей, о котором мы говорили в предыдущей главе (он же под именем Павла изображен в «Призраках»). В эпоху 70-х годов этот индивидуалист-романтик, «воплотивший в себе бесконечно красивый образ, образ влекомого на казнь за безмерную любовь к людям-братьям», стоял бы, несомненно, в центре революционного движения. Был бы окружен людьми, полными такой же веры в плодотворность индивидуалистических методов борьбы, и эта среда удесятирила бы его силы и укрепила веру.

Но мы видели, что стало с ним в обстановке движения 5-го года. Он, как песчинка, оказался затерянным в бурях массовой революции. Не умея ни приспособиться к ней, ни понять ее потребностей, он излил свое мучительное недоумение в бессмысленных актах «безмотивного террора». Его сильная воля и все духовные дарования оказались раздавленными потоком не понятого им исторического процесса.

Вообще в революционном движении 5-го года была сделана попытка реставрировать основные черты революционного движения предшествующей эпохи. Произведения одного из видных представителей этого направления Ропшина интересны как правдивое показание, позволяющее заглянуть во внутренний мир деятелей, пытавшихся хранить неприкосновенность «заветов» старой интеллигенции. И эти произведения – лучшее свидетельство того, как, реставрируя старые формы и методы борьбы, неонароднические деятели оказались не в состоянии рассмотреть живой дух старой интеллигенции. Что общего в настроении героев «Коня бледного» и романа «То, чего не было», с настроением Желябовых, Михайловых и всей плеяды борцов «Народной Воли»? Вместо целостного революционного мировоззрения, вместо веры в свои силы, вместо несокрушенной воли к действию – раздвоенность всего внутреннего существа, гамлетовские колебания и неуверенность, а порой даже, как в «Коне бледном», полная опустошенность внутреннего мира, прикрытая авантюризмом грубого пошиба.

Время самостоятельной героической роли интеллигенции прошло безвозвратно, и лишь те ее части, которые стали сознательно под знамя какого-нибудь из борющихся классов, в меру своего участия в этой борьбе могли явиться фактором политического развития страны.

Лишь при условии внутреннего сближения представителей интеллигенции с психологией классов, к которым они примыкали, для отдельных ее представителей открывалась возможность черпать силы в настроении этого класса.

В этом смысле положение буржуазно-демократической части интеллигенции было несравненно благоприятнее положения той ее части, которая стала под знамя классового пролетарского движения.

Буржуазно-демократической интеллигенции не трудно было слиться всем своим внутренним миром с буржуазно-демократической массой, ибо она и так являлась плотью от плоти этой массы. Если бы буржуазная демократия жила осознанной и сплоченной классовой жизнью, если бы инстинкт классового развития спаял ее в массовую политическую партию действия, нет сомнения: она сумела бы в общей революционной атмосфере 5-го года проложить стране путь к коренным политическим изменениям. И, конечно, в процессе революционной борьбы нашла бы признанных руководителей, воплощающих в своем лице идеалы развивающейся демократии.

Но демократические массы были очень далеки от такой сплоченности и органической цельности. И это не потому, что они не были связаны жизненными интересами с делом революции. Гнет старого режима очень ощутителен для всей капиталистической буржуазии, начиная с крупных промышленников и кончая мелкими собственниками. Исключением являются лишь паразитические элементы, питающиеся отсталыми условиями социальной жизни. Даже крупная буржуазия, в общем, переросла период искусственного питания со стороны государства, и выгоды этого положения уже не окупают для нее тех потерь, которые приносятся систематическим опустошением внутреннего рынка и общим расстройством промышленности от «самобытных» способов государственного управления.

Еще более ощутителен гнет старой власти для средней и мелкой буржуазии. Никто лучше мелкого собственника не чувствует несоразмерность обязанностей, возложенных на него государством, и выгод, ему доставляемых. В ожесточенной борьбе за существование при усложняющейся жизни потребность избыть полицейскую опеку и освободиться от бесконечных налогов и поборов, естественно, толкает массу мелкой и средней буржуазии в сторону новых форм политической жизни. Отсюда широкая популярность демократических лозунгов в массах городского населения во время революций.

Однако ни один слой буржуазии не оказался в 5-м году исторически подготовленным для самостоятельной революционно-политической роли.

Привыкшая к покровительству и опеке власти крупная буржуазия успела только смутно почувствовать расхождение своих интересов с интел-

ресами опекающей ее бюрократии, но своим прошлым она менее всего была подготовлена к тому, чтобы в какой бы то ни было момент движения стать объединяющим центром буржуазной оппозиции. А какое значение для пробуждения всего буржуазного мира имеет влияние верхних слоев, это показал пример начальной стадии французской революции, когда промышленники Лиона и других крупных центров сконцентрировали вокруг себя все остальные социальные силы нового строя. Таким образом, уже одно указанное обстоятельство, – неподготовленность крупной буржуазии к независимому отстаиванию своих классовых интересов, – отозвалось деморализующим образом на всем буржуазном движении.

Но и условия существования средней и мелкой буржуазии, возросшей в рамках военно-абсолютистского государства без традиций классовой борьбы, без школы цеховой или муниципальной организации, мало подготовляли ее к сплоченному классовому действию. В «Суде победителей» мы видим типичных представителей буржуазно-демократического движения в лице мелкого разночинного люда, примкнувшего к пролетарскому движению. Конечно, тяжесть олигархического гнета очень чувствительно дает себя знать на низах бюрократического мира, и изменение этой системы входит в интересы низшей служащей массы. Но тот факт, что эта масса проявила едва ли не наибольшую организованность и активность в среде непролетарских городских элементов и примкнула к пролетарскому движению, не найдя опорного пункта в буржуазно-демократической среде, является очень ярким показателем слабости буржуазного движения. Выступления пролетариата, в общем, находили поддержку среди всего городского населения, но это была бесформенная масса, не имеющая собственных кристаллизирующих центров и не пошедшая дальше стихийной поддержки общих демократических лозунгов.

Аграрное движение так же развивалось под воздействием пролетарской борьбы: сельская демократия не нашла своего руководителя в политически зрелых и организованных элементах городской буржуазной демократии.

Свое собственное лицо буржуазная демократия обнаружила только в момент отступления, когда она отшатнулась от пролетариата и вместе с тем от всякой революционной борьбы. Но в момент [активной] борьбы буржуазная демократия оказалась не способной ни к какому инициативному действию. Лишь при условии сплочения в самостоятельное классовое целое, осознавшее свою кровную связь с интересами революции,

могла буржуазная демократия реализовать в политической борьбе свою социальную силу. Но она лишь примкнула в момент стихийного подъема к рабочему классу, взвалив на плечи рабочих и главную тяжесть борьбы за общедемократические требования, и руководство всеми живыми силами нации в этой борьбе. И уж, конечно, при таких условиях в буржуазно-демократических кругах не могла создаться та революционная творческая атмосфера, которая выковывает людей политического действия, вождей массового движения.

Главной движущей силой революционного подъема 1905-го года был пролетариат. Подобно тому, как французская буржуазия в 1789-м году сумела слить в одно целое и зажечь энтузиазмом борьбы всю нацию, рабочий класс в 1905 г. пробудил своим подъемом все живые силы страны и в разгаре движения являлся признанным выразителем демократических идеалов всей молодой России. Но если буржуазная демократия во Франции в ходе революции привлекала общее сочувствие ярко выраженным классовым характером своего движения; если максимальные ее классовые требования означали высший предел политического сознания всех передовых слоев населения, то для рабочего класса источником его широкого влияния на остальные слои населения служило, наоборот, недостаточное развитие классового характера его движения. Чем более определялось и усиливалось внутренне рабочее движение в 5-м году, тем труднее становилось его внешнее положение. И в момент наивысшего подъема пролетарского движения буржуазия трусливо отшатнулась от общей борьбы. В этот момент она предпочла предать дело революции и обречь пролетариат на поражение в борьбе с реакцией, чем идти дальше с классом, в котором она почуяла могильщика своего социального господства.

Таково было положение пролетариата, и оно нашло свое выражение в представителях этого движения.

Нет сомнения, только слабостью развития классового характера движения объясняется тот факт, что главная руководящая роль в рабочем движении лежала на деятелях, пришедших к пролетариату извне, то есть на с[оциал]-д[емократическ]ой интеллигенции. О том, сколько чуждых рабочему классу элементов было в этой среде, свидетельствует массовый отход интеллигенции от рабочего движения вслед за спадом общей революционной волны. Но и та часть с[оциал]-д[емократическ]ой интеллигенции, которая навсегда связала свою судьбу с борьбой за социалистические идеалы, не нашла в рабочей среде того социального резервуара, который дает личности возможность развиваться в породившей

ее атмосфере стремлений и чувств. Она стремилась к органическому слиянию с движением рабочего класса, чтобы в этой среде черпать ту силу, которую лучшие представители предшествующей революционной эпохи черпали в общем настроении интеллигентской среды, их окружавшей. Но рабочее движение не носило еще того ярко выраженного классового отпечатка, чтобы силой своего влияния формировать деятелей, пришедших к нему из другой социальной среды.

Неразрывных нитей общего жизнеощущения между с[оциал]-д[емократическ]ой интеллигенцией и рабочими массами не было. И с[оциал]-д[емократическ]ая интеллигенция, сыгравшая, несомненно, очень важную роль в деле руководства рабочим движением в 1905 г., давшая много примеров беззаветной преданности делу, не могла дать ни одного революционного вождя, который всем своим внутренним миром слился бы с массовым движением и воплощал в своем лице идею этого движения.

Тип такого деятеля стал намечаться в среде с[оциал]-д[емократических] деятелей, вышедших из рядов самого рабочего класса.

Не случайность, что наиболее яркий и цельный революционный образ из всех, описанных Войтинским, – рабочий Григорий Клименко. Именно из рабочих рядов вышли самые цельные деятели-практики 5-го года. На фабриках и заводах всюду, где бурлило рабочее движение, не редкость были главари-рабочие, запечатлевшие в своих действиях и твердую волю, и ясные взгляды на людей и события, и, главное, изумительную чуткость к настроению и потребностям борющейся рабочей массы. Таков был описанный Войтинским Клименко, повешенный по делу екатеринославского восстания. Таким же был, судя по некрологам и воспоминаниям, недавно умерший деятель петербургского рабочего движения Злыднев [18].

Кто знает, сколько деятелей такого закала так же безвестно погибли, не развернув в широкой работе своих богатых духовных сил. Чтобы развиться общим классовым духом пролетарского движения, им не нужно было выходить из круга сроднившихся чувств. Вся жизнь их и так была слита с жизнью рабочего класса. И первый же общий подъем этого класса, давший таких деятелей, показал, что именно в этой среде перекрещиваются благоприятные условия, которые выковывают ярких носителей поступательного хода исторического развития.

Клименко был вождем рабочих большого металлургического завода. В момент подъема движения он оказался на высоте положения, и в мо-

мент поражения обнаружил такую силу характера и величие духа, выше которых не знает история. Если прилагать к нему эпическую оценку, он достиг мыслимого предела морального развития.

Но является вопрос: чем был бы Клименко на другой, более широкой арене? Обнаружил ли бы он, как вождь всего рабочего класса, достаточно политической силы и широты кругозора, чтобы через сложную сеть сталкивающихся классовых интересов вести родной класс через победы и поражения к ясно намеченной цели, исторической цели движения? Чтобы в этой великой работе всегда быть на высоте положения, всегда отвечать на запросы выдвинувшего его класса, как умели всегда это делать Бебель и другие народные вожди, взращенные современным движением рабочего класса в западной Европе? Мы этого не знаем.

Отдельный деятель силен не только своими индивидуальными дарованиями, но и тем общим духом окружающей среды, который выражается в его действиях и удесятеряет его силы. Ни Клименко, ни кто другой из деятелей рабочего движения, даже в краткий период подъема 5-го года, не имел вокруг себя той атмосферы, которая дала бы им возможность проявить на деле свои духовные силы. Ибо силы политического движения развертываются в полной мере тогда, когда не только он чувствует свою кровную связь со всем классом, но и класс в целом выработал прочное классовое сознание и способен увидеть в нем выразителя своих чаяний и стремлений.

Отсутствие условий для сплоченной классовой жизни в прошлом, кратковременность и стихийный характер первого общего подъема – вот те причины, которые помешали рабочему классу в 5-м году развить максимум своей политической энергии и силы. Но он и в этих неблагоприятных условиях сумел лучше всех других социальных слоев выполнить свою историческую задачу. И показателем его силы и жизненности служит то, что в движении 5-го года этот класс, которому в продолжение всего предшествующего периода больше всех других слоев городской демократии был затруднен доступ к источникам культуры и политического развития, из своих рядов выдвинул лучший цвет революционного движения.

В «Суде победителей» мы видим, как при виде картины общей растерянности и падения, явившейся ближайшим следствием поражения, лучший представитель движения на мгновение поколебался в вере и задал себе вопрос, верным ли путем он шел? Но и сам он здоровым классовым инстинктом почувствовал правду. Поражение движения 5-го года было неизбежным следствием первого столкновения неоформив-

шихся сил новой России с силами старого строя. Но значение великих исторических движений измеряется не их непосредственным исходом. В том великом стихийном порыве было великое историческое назначение: создать первый сдвиг страны, открыть ее живым социальным силам новые пути развития. Вновь обозначившееся вслед за годами реакции общественное оживление все яснее обнаруживает, что движение 1905-го года, даже и пораженное, двинуло вперед развитие страны, вывело население из состояния неисторического существования и подготовило условия для нового подъема различных слоев новой России, сплоченных вокруг своих, ясно сознанных классовых интересов.

Только такого рода подъем может обучить каждый из борющихся классов возможности развить всю свою творческую энергию.

Сможет ли городская буржуазная демократия сплотиться в силу, способную к самостоятельному историческому творчеству? Сможет ли она дать объединяющий центр вновь народившимся элементам сельской демократии, впитав в себя эти живые силы в ходе общей демократической борьбы и открыв перед нами пути политического развития? На эти вопросы ответ даст будущее, которое должно обнаружить все последствия политических уроков 5-го года и ускоренного темпа классовой дифференциации.

Но уже теперь несомненно, что движение 5-го года определило дальнейшее политическое развитие одного, по крайней мере, самого жизненного класса, пролетариата. Вся разрастающаяся волна подъема в рабочей среде, отмеченная не пробуждением отдельных одиночек к сознательной политической жизни, а формулированием подлинного классового сознания в массе рабочего класса, уже теперь достаточно ясно показывает, что не напрасен был опыт 5-го года. И не бесплоден сдвиг, совершившийся в стране в результате первого столкновения новой и старой России. Движение рабочей демократии является живым звеном, соединяющим Россию наших дней с Россией 5-го года. И каждый шаг этого движения внятно говорит о том, что своей борьбой и гибелью деятели 5-го года расчистили путь новым поколениям для продолжения борьбы в условиях, подготовляющих победу.

Только при свете этих итогов жизни получают надлежащее освещение итоги, подведенные Войтинским на каторге.

Ир. Церетели

Эта любительская фотография сделана на ступеньках дома дяди И.Г.Церетели, брата матери Нико Николадзе, имя которого столь же известно и чтимо в истории Грузии и России, как и имена самого Ираклия Георгиевича, его отца и многих, многих других, без которых трудно представить жизнь и культуру наших стран. Сейчас в этом доме в селе Диди-Джихаиши (тогда Кутаисской губ., а ныне Самтредийского р-на) музей Николадзе. Снимок этот уникален тем, что сделан в октябрьские дни 1917 года – между 20 и 24. 25 октября И.Г.Церетели был уже в Тифлисе, откуда, узнав по телефону об октябрьских событиях в столице, выехал на автомобиле во Владикавказ, а оттуда поездом в Петроград. На фото: в верхнем ряду – Тамара Николаевна Николадзе, Ираклий Георгиевич Церетели и Русудан Теймуразовна Микеладзе; в нижнем – Русудан Николаевна Николадзе, Елена Георгиевна Церетели и Ольга Александровна Гурамишвили-Николадзе, супруга Нико Николадзе. Пользуясь случаем, приносим извинения за не совсем точную информацию о том, куда Русудан Николадзе отнесла в 1941 году документы Ираклия. Она сдала их в библиотеку им. К.Маркса, которая располагалась не в здании правительства, а рядом, на соседней улице. Теперь эта библиотека отошла Парламенту Грузии.

Фотография публикуется впервые, предоставлена И.П.Якобашвили

Библиографический список

1. Айхенвальд Ю.А. Дон-Кихот на русской почве. Т.1 и 2. NY, 1982–1984 (перезд. Москва; Минск, 1996).
2. Букин А.Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири. 1905–1917 гг. Канд дис. Омск, 2002.
3. В.С. [Войтинский В.С.]. После взрыва // Русское Богатство. 1913. № 8. С.101–122.
4. В.С. [Войтинский В.С.]. Призраки // Русское Богатство. 1913. № 7. С.20–35.
5. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. Иркутск, 2004.
6. Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX веков в исследованиях современников. Уч. пособие. Иркутск, 2013.
7. Кудряшов В.В. Меньшевики в восточно-сибирской ссылке (1907–1917 гг.). Канд дис. Иркутск, 2004.
8. Мякотин В.А. Современная тюрьма и ссылка. // Русское Богатство. 1910, №9. С.67–103.
9. Ненароков А.П. Апелляция к разуму // Россия XXI. 2001, №2. С.186–187.
10. Ненароков А.П. «Чужое тесто» (Из заметок о И.Г. Церетели) // Историк среди историков. Казань, 2001.
11. Пешехонов А.В. Очерки политической ссылки // Русское Богатство. 1912. №7–9. С.42–76; № 8. С.32–59; №9. С.87–109.
12. Розанов В.В. Литературные олеографии // Новое Время. 1913, 13 августа. №13441.
13. Ропшин В. [Савинков Б.В.] Конь бледный // Русская Мысль. 1909, №1.
14. Ропшин В. [Савинков Б.В.] То, чего не было // Заветы. 1912, №№1–8; 1913, №№1, 2, 4.
15. «Русское Богатство». 1906, восемь нумерованных выпусков, вышедших с мая по декабрь, так как с января по май издание журнала приостанавливалось по распоряжению цензоров. См. также: Пешехонов А.В. Народный социализм или пролетарский? //Русское богатство. 1912. №12. С.269–301.
16. С. [Войтинский В.С.]. Смертники // Вестник Европы. 1910, №6–7. С.121–142.
17. Тэн И. Лекции об искусстве (Философия искусства) / Пер. с фр. Н.Соболевского. Ч.1. М., 1913.
18. Троцкий Л.Д. Памяти П.А.Злыднева // Борьба. 1914, 9 апреля. №3.
19. Хазиахметов Э.Ш. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск, 1967; Он же. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск: 1976 (второе изд. 1978).

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

20. Церетели И.Г. Впечатления детства. По записям Элико Церетели-Демолон, Бориса Николаевского и черновикам И.Г.Церетели / Состав., коммент., и послесловие А.П.Ненарокова. М., 2006. С.125.
21. Щербаков Н.Н. Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Сб. док., рук. проекта и ответ. (с 1973 по 2005 издано 15 вып.).

Наши авторы

Федорченко Сергей Николаевич

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета

Александров Олег Борисович

кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России
МГИМО Университета МИД России

Фаизов Артем Валерьевич

кандидат исторических наук

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра «История России в XIX–начале XX в.»,
Институт российской истории РАН

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Келлер Андрей Викторович

доктор философии (Фрайбургский университет), старший научный сотрудник Института гуманитарных наук и искусств Уральского Федерального университета, Екатеринбург

Митрофанов Николай Николаевич

кандидат исторических наук,
член редколлегии Московской энциклопедии

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ,
ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Фельдман Давид Маркович

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ

Ненароков Альберт Павлович

доктор исторических наук, профессор, главный специалист
Российского государственного архива социально-политической истории, лауреат Государственной премии РФ

Our authors

Fedorchenko Sergey Nikolaevich

Ph.D. in political sciences, assistant Professor of the Department of Political Science and Law of the Moscow State Regional University

Aleksandrov Oleg Borisovich

Ph.D. in political sciences, assistant Professor, Chair for International Relations and Foreign Policy, Moscow State Institute of International Relations – University

Faizov Artem Valer'evich

Ph.D., historian

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, senior fellow researcher of the Center "History of Russia in XIX-early twentieth century", Institute of Russian History, RAS

Kostyrchenko Gennadiy Vasil'evich

D.Sci., historian, leading researcher, Institute of Russian History, RAS

Keller Andrey Victorovich

Ph.D, (Freiburg University), senior researcher of the Institute for the Arts and Humanities, Ural State University, Ekaterinburg

Mitrofanov Nikolay Nikolaevich

Ph.D., historian, associate editor of the Moscow encyclopedia

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities, leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS

Fel'dman David Markovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities

Nenarokov Albert Pavlovich

D. Sci., historian, Professor, head specialist of Russian Record Office of Social-Political History, the winner of State Premium

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2017.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 28.07.2017. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

4. 2017 july-august

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Fedorchenko

To the History of Development of Political Technologies in Russia _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Oleg Aleksandrov

The Russian Approach to the Development of the Arctic: History and Geopolitics _____ **34**

Pages of History

Artem Faizov

Organizational Structure of the Senate in 1730–1741 _____ **56**

Nina Khailova

“The Best Way to Evade Revolution is to Carry it out”. Flipping through Pages of Prince V.M.Golitsyn’s Diary _____ **78**

Gennadiy Kostyrchenko

Brezhnev and the Jewish Issue _____ **82**

